

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Сурдина Анна Ивановна

**ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ И
ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Зайцев Владимир Васильевич

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Принципы международного права о защите прав и интересов детей в российской правовой системе	27
1.1. Эволюция принципов защиты прав и интересов детей в российском и международном праве: исторический аспект.....	27
1.2. Понятие принципов международного права о защите прав и интересов детей и способы их реализации в российской правовой системе	42
ГЛАВА 2. Условия реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей в правовой системе Российской Федерации	61
2.1. Имплементация принципов международного права о защите прав и интересов детей и механизм их реализации в правовой системе Российской Федерации	61
2.2. Экстерриториальное действие национального права как условие реализации международных принципов о защите прав и интересов детей	80
2.3. Критерии судебного усмотрения при реализации принципов защиты прав и интересов детей в правоприменительной практике Российской Федерации	95
ГЛАВА 3. Реализация основных принципов Конвенции ООН о правах ребенка в Российской Федерации	112
3.1. Реализация принципа недискриминации.....	112
3.2. Реализация принципа обеспечения наилучших интересов ребенка...	130
3.3. Реализация принципа, обеспечивающего право ребенка на жизнь, выживание и развитие	148
3.4. Реализация принципа уважения взглядов и учета мнения ребенка.....	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	187

Введение

Актуальность темы исследования.

Необходимость решения существующих проблем в сфере защиты прав и интересов детей назрела еще в середине XX в., чем и было обусловлено подписание в 1959 г. Декларации прав ребенка¹, а затем Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.², которая впоследствии была внедрена в российское законодательство и легла в основу обновленной отрасли семейного права. Немногим позже Россия ратифицировала ряд международных договоров о защите прав и интересов детей с целью создания более эффективных механизмов защиты детей в семейных правоотношениях³.

Из статистических данных, представленных Российской Федерацией в Комитет ООН по правам ребенка, явно прослеживается тенденция роста разводов, затрагивающих права и интересы детей, снижение социально-экономического положения семей с детьми, определяющееся уровнем занятости родителей, жилищными условиями, состоянием здоровья и уровнем образования детей⁴. Данные показатели косвенно свидетельствуют о росте числа несовершеннолетних, вовлеченных в семейные конфликты, что, в свою очередь,

¹ Декларация прав ребенка 1959 г., принята резолюцией 1386 (XIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 31.01.2024).

² Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 31.01.2024).

³ Гагская Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., Российская Федерация ратифицировала договор 28 июля 2011 г. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=24> (дата обращения: 31.01.2024); Гагская Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г., Российская Федерация ратифицировала договор 20 августа 2012 г. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=70> (дата обращения: 31.01.2024).

⁴ Если, согласно четвертому и пятому периодическим докладом РФ, количество расторгнутых браков по числу общих детей в возрасте до 18 лет у бывших супругов в 2009 г. снизилось по сравнению с 2003 г. на 14,2%, то в шестом и седьмом докладах уже указано, что этот показатель в 2017 г. увеличился на 3,3% по сравнению с 2013 г. Кроме того, согласно сведениям, изложенным в шестом и седьмом объединенных докладах, численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляла 12,9% от общей численности населения, против 12,7 % в 2011 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fRUS%2f4-5&Lang=en, https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fRUS%2f6-7&Lang=en (дата обращения: 20.08.2022).

требует от государства более пристального внимания к усилению механизмов реализации основных принципов защиты прав и интересов детей в национальной правовой системе.

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки⁵, в соответствии с которыми дети получили приоритетное положение при осуществлении государственной политики. Новые ориентиры, заложенные в Основной Закон, обусловили дальнейший вектор активного законотворчества в сфере обеспечения и защиты прав и интересов детей. За несколько последующих лет был принят ряд Указов Президента Российской Федерации: от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁶; от 17 мая 2023 г. № 358 «Об утверждении Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»⁷; от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи»⁸; от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей»⁹. Во исполнение данных указов распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2023 г. № 3233-р был утвержден план мероприятий по реализации Стратегии до 2030 г.¹⁰; от 26 декабря 2023 г. № 21515-П45ТГ был утвержден План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи¹¹.

⁵ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 20.08.2022).

⁶ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 31.01.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305170008> (дата обращения: 31.01.2024).

⁸ Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 31.01.2024).

⁹ Указ Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001> (дата обращения: 31.01.2024).

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2023 г. № 3233-р Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311270040> (дата обращения: 31.01.2024).

¹¹ План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи, утвержден Распоряжением Правительства от 26 декабря 2023 г. № 21515-П45ТГ. URL: <http://static.government.ru/media/files/an2QCdQNdApXg3AFBO2ZqO4a3uAJoEI5.pdf> (дата обращения: 31.01.2024).

Тем самым, в настоящее время явно прослеживается тенденция к переориентации взглядов на детей, как главного потенциала государственной политики. Однако необходимо отметить, что основной массив преобразований все же лежит в плоскости публичного права, при том что частноправовая сфера защиты прав и интересов детей остается практически без внимания. В 2019 и 2020 гг. инициативными группами в Государственную Думу Российской Федерации был представлен ряд законопроектов о внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации¹², однако нормы, обеспечивающие приоритетное положение детей в частноправовой сфере, не нашли необходимой поддержки и за последнее время претерпели минимальные изменения.

Ранее Российская Федерация приняла на себя обязательства по различным международным договорам и значительно трансформировала законодательство в области защиты прав и интересов детей, однако правоприменительная практика до сих пор остается непоследовательной, а принятые решения зачастую содержат неоднозначное толкование терминов международных соглашений с их интерпретацией исключительно через призму национального законодательства, без учета специфики конструкций, заложенных международными конвенциями.

Из Заключения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 можно сделать однозначный вывод о том, что на современном этапе реализация положений международных договоров на уровне национальной правовой системы должна осуществляться конституционно приемлемыми способами, соответствующими взятым международно-правовым обязательствам¹³. Именно поэтому вопросы, связанные с реализацией основных

¹² Проект Федерального закона РФ № 835938-7 от 14 ноября 2019 г. «О внесении изменений в Семейный кодекс». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения 20.11.2023г.), Проект ФЗ № 989008-7 от 14 июля 2020 г. «О внесении изменений в Семейный кодекс РФ в целях укрепления института семьи». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989008-7> (дата обращения: 20.11.2023), Проект ФЗ № 989011-7 от 14 июля 2020 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный Кодекс РФ в целях укрепления института семьи». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989011-7> (дата обращения: 20.11.2023).

¹³ Заключение КС РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента РФ» // Российская газета. 2020. 17 марта.

принципов международного права о защите прав и интересов детей, участниками которых является Российская Федерация, требуют переосмысления и комплексного подхода, поскольку универсальность основных международных договоров так или иначе должна коррелироваться с основной политикой государства.

Представляется, что пробелы, связанные с реализацией положений конвенций о защите детей, в первую очередь обусловлены тем, что в науке недостаточно разработан единый понятийный аппарат, касающийся реализации основных принципов международного права о защите прав и интересов детей, а также нечетко структурирована система этих принципов.

Основные принципы, содержащиеся в международных конвенциях о защите детей, не должны быть абстрактными и отвлеченными от законотворческого и правоприменительного процесса, поскольку именно система принципов необходима для обеспечения стабильности и последовательности, для формирования устойчивой судебной практики и, как следствие, совершенствования защиты прав несовершеннолетних в рамках конфликтов, затрагивающих их интересы.

Именно через выявление, конкретизацию и систематизацию основных принципов должен быть выработан единый базис для реализации положений конвенций, которыми должны руководствоваться участники правоотношений и правоприменительные органы с целью достижения максимального баланса и равновесия между интересами участников семейных споров, а также для обеспечения наилучшего соотношения частных и публичных методов регулирования семейных отношений.

Функционирование любого правового института является эффективным, только когда оно основано на четком алгоритме, выстроенном в соответствии с определенными правовыми принципами. Если эти принципы не очерчены и не конкретизированы в доктрине, то в законодательстве и правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с пробелами закрепления и применения того или иного института, и, как следствие, неприменение или неправильное

применение норм права для защиты прав и интересов субъектов правоотношений. Именно такую ситуацию мы наблюдаем относительно реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей в национальной правовой системе.

Об актуальности рассматриваемой темы ведутся дискуссии и в научных кругах. Так, Т. Подшивалов в своей работе рассуждает, что «исследовательское поле принципов начинает нуждаться в исследованиях, направленных на анализ и обобщение актуальных достижений... практики, которые были бы связаны с толкованием и уяснением применяемых норм права с помощью принципов. Настоятельно нуждаются в исследовательском анализе социально-правовые функции отдельных институтов и конструкций, сопряженные с соответствующими принципами...»¹⁴.

Как было указано выше, Российская Федерация ратифицировала три универсальных международных договора о защите прав и интересов детей, которые были приняты в течение последних нескольких десятилетий. Каждая из них имеет свои уникальные стандарты, которые помогают обеспечить защиту всех детей в соответствии с их возрастом, полом, расой или национальностью. Однако определяющим вектором для всех международных документов так или иначе служат приоритетные принципы, закрепленные Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 г.: принцип недискриминации (статья 2); принцип наилучшего обеспечения интересов детей (статья 3); принцип обеспечения права ребенка на жизнь, выживание и развитие (статья 6); принцип уважения взглядов и учета мнения детей (статья 12). В самом тексте договора принципы нашли свое отражение в виде отдельных материально-правовых норм, однако в 2003 г. Комитетом ООН по правам ребенка в Замечании общего порядка № 5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка» для более эффективного осуществления государствами – участниками Конвенции в целом, эти нормы были выделены в общие приоритетные принципы защиты прав и

¹⁴ Подшивалов Т.П. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова; Г.С. Демидовой. М.: Проспект, 2019. С. 12.

интересов детей¹⁵. Именно эти принципы являются одним из наиболее важных международных инструментов, направленных на защиту прав и интересов детей, поскольку они позволяют не привязывать каждую конкретную ситуацию к нормам позитивного права, а предоставляют широкое поле для более гибкого регулирования правоотношений с участием несовершеннолетних и создают базис для безопасного и здорового окружения для детей, где они могут постоянно развиваться и расти вне зависимости от происходящих в обществе изменений.

В научных кругах остро обсуждается вопрос об эффективности реализации данных принципов, проведено множество точечных исследований, касающихся содержания каждого из них, однако проблема не решена до сих пор. Актуальными остаются вопросы, связанные с разработкой системы и механизмов эффективной реализации объективных принципов международной защиты прав и интересов детей, не зависящих от норм позитивного права и от субъективного толкования содержания этих норм, а также с определением сущности и места этих принципов в национальной правовой системе.

По утверждению А. Коновалова, «объективные правовые принципы не являются в строгом смысле частью позитивного права»¹⁶, поэтому принцип не всегда равен норме позитивного права и закреплён в ней. «Объективные принципы права не должны быть непременно выражены в чеканных формулировках и тем более закреплены в конкретных нормах законодательства, но их присутствие в том или ином виде в структуре позитивного права критически значимо»¹⁷.

В настоящее время назрела реальная необходимость структурирования принципов международных конвенций, на которых выстраивается система защиты прав и интересов детей на универсальном и национальном уровнях. Кроме того, необходим поиск баланса между объективными принципами и субъективной составляющей их реализации.

¹⁵ Замечания общего порядка № 5(2003) «Общие меры по осуществлению конвенции о правах ребенка (CRC/GC/2003/5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁶ Коновалов А.В. Принципы права: монография / А.В. Коновалов. М.: Норма, 2022. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 126.

Материальные и процессуальные аспекты реализации принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей также требуют дополнительного научного осмысления для формирования единых теоретических и практических критериев эффективного осуществления защиты детей в рамках национальной правовой системы.

Степень разработанности научной проблемы.

Вопросам охраны и защиты прав и интересов детей посвящено немало исследований, связанных с практическим обеспечением отдельных принципов международного права, с различными аспектами толкования определений и категорий, содержащихся в нормах международных договорах и в национальных правовых актах. Немало исследований лежит в плоскости изучения принципов правового регулирования и правореализации, понятия и сущности принципов права, их классификации, разграничения принципов и норм права.

Отдельные вопросы, затрагивающие тему данной диссертации, были предметом исследований А.Х. Абашидзе, И.Н. Барцица, А.А. Белоусовой, Ю.Ф. Беспалова, Н.А. Грешновой, Г.К. Дмитриевой, О.А. Егоровой, Л.А. Емелиной, О.В. Зайцева, О.Ю. Ильиной, А.В. Коновалова, Н.В. Кравчук, Н.В. Летовой, А.Н. Левушкина, А.Г. Малиновой, А.В. Малько, А.М. Нечаевой, Е.М. Павленко, Т.П. Подшивалова, Л.М. Пчелинцевой, А.М. Рабец, А.Я Рыженкова, Н.М. Савельевой, В.В. Субочева, А.Е. Тарасовой, Л.В. Терентьевой, Н.В. Тригубович, Л.В. Тумановой, И.А. Умновой-Конюховой, О.А. Хазовой, Р.Л. Хачатурова, О.И. Цыбулевской, Г.Н. Чеботарева, Н.А. Шайкенова, М.Л. Шелютто, Н.С. Шерстневой и других ученых.

Однако представляется, что научные работы, посвященные различным проблемным вопросам отдельных принципов международного права о защите прав и интересов детей, не являются комплексными и не раскрывают общей проблематики механизма их реализации. В науке не было проведено обстоятельного анализа более широких проблем, наличие которых является причиной появления огромной массы пробелов, а именно: не выявлены особенности и закономерности механизма реализации принципов международных

конвенций о защите прав и интересов детей; не дано определение понятия и не определено место принципов международных конвенций защиты прав и интересов детей в российской правовой системе; в дополнительной проработке нуждаются также основные проблемы современного состояния реализации изучаемых принципов. Представляется, что доктринальная разработка критериев и механизмов обеспечения рассматриваемых принципов позволит более эффективно осуществлять процессы реализации положений конвенций о защите прав и интересов детей в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

Кроме того, в последние годы вопросы реализации принципов международного права, касающихся защиты прав и интересов детей, рассматривались в основном через призму реализации норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹⁸, а также постановлений Европейского суда по правам человека, разрешающего «детские дела» на основании ее основных положений. Согласно официальной позиции Министерства иностранных дел Российской Федерации «за 26 лет членства в этой организации (Совете Европы. – *Прим. авт.*) многое было сделано для развития отечественного законодательства и правоприменительной практики»¹⁹. Однако с выходом России из Совета Европы, и, как следствие, из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека, довольно остро встали вопросы, связанные с правовыми последствиями такого выхода, а именно: юридической силой постановлений Суда, вынесенных как до, так и после выхода России из Совета Европы; судьбой уже сложившегося механизма защиты прав в целом и защиты прав и интересов детей в частности; существования реальной альтернативы эффективной реализации принципов и норм, закрепленных в универсальных международных договорах.

¹⁸ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1741635/ (дата обращения: 31.01.2024).

¹⁹ Министерство иностранных дел Российской Федерации «О выходе России из Совета Европы (справочный материал)» от 14 марта 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 31.01.2024).

Цель и задачи исследования.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей механизма реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей, определении их понятия и структуры, а также выработке практических рекомендаций для повышения эффективности механизма реализации международно-правовых принципов о защите прав и интересов детей в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

Задачи исследования:

- исследовать генезис, правовую природу и развитие принципов защиты прав и интересов детей в историческом контексте;
- раскрыть понятие принципов международного права о защите прав и интересов детей и выявить способы их эффективной реализации в национальной правовой системе;
- определить структуру и выявить основные направления механизма реализации международных конвенций о защите прав и интересов детей;
- определить критерии эффективности механизмов реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей на законодательном, административном и судебном уровнях;
- проанализировать основные теоретические подходы и концепции к проблемам экстерриториального действия национального права при реализации международных принципов о защите прав и интересов детей;
- изучить и систематизировать решения российских и международных судов и организаций с целью выявления общих правил и основных тенденций реализации принципов, являющихся предметом исследования;
- раскрыть содержание международных принципов о защите прав и интересов детей с учетом специфики реализации положений международных договоров в российской правовой системе;
- выявить основные проблемы и особенности реализации международных принципов о защите прав и интересов детей в российской правовой системе;

- определить направления совершенствования семейного законодательства в сфере защиты прав и интересов детей.

Объект и предмет исследования.

Объект исследования составляют правовые отношения в сфере реализации принципов защиты прав и интересов детей.

Предметом исследования являются: механизм реализации основных принципов международного права, закрепленных в международных договорах в области защиты прав и интересов детей, в правовой системе Российской Федерации; основные характеристики и особенности осуществления основных принципов Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. в российской правовой системе; правоприменительная практика, складывающаяся по поводу реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Теоретическую основу исследования составляют не только работы, посвященные различным правовым аспектам принципов защиты прав и интересов детей. Комплексный характер исследования обусловил необходимость обращения к различным трудам в области юриспруденции, психологии, педагогики и др.

Общие концепции о принципах права и принципах семейного права были почерпнуты из трудов Ю. Беспалова, Н. Грешновой, А. Коновалова, А. Левушкина, Н. Летовой, А. Малько, А. Нечаевой, Т. Подшивалова, Л. Пчелинцевой, А. Рыженкова, В. Субочева, И. Умновой-Конюховой, Р. Хачатурова, Н. Шайкенова, Н. Шерстневой и др.

Отдельные аспекты принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей были проанализированы на основании публикаций А. Абашидзе, О. Ильиной, Н. Кравчук, А. Тарасовой, Н. Тригубович, Л. Тумановой, О. Хазовой, М. Шелютто и др.

Большую роль для рассмотрения вопросов, связанных с реализацией принципов при разрешении семейных споров, сыграли исследования И. Барцица, Г. Дмитриевой, О. Егоровой, Л. Емелиной, О. Зайцева, Е. Павленко, А. Рабец, Л. Терентьевой, О. Цыбулевской и др.

Важное значение для настоящего исследования имели исследования в области психологии и педагогики таких ученых, как М. Басов, В. Белкина, Л. Божович, Л. Гриндхайм, Д. Дьюи, И. Лукьянцев, В. Руженков и др.

Методологическую основу исследования составляет философский диалектико-материалистический метод, поскольку именно он позволяет проводить исследования в ракурсе междисциплинарного подхода к проблеме, исследовать объект с точки зрения его сущности, природы и особенностей исторического развития, а не только с точки зрения идеального права, что, в свою очередь, может привести к более глубокому пониманию поставленной проблемы, и, как следствие, к осознанию путей ее решения.

Кроме того, автором используются общенаучные, формально-логические методы исследования, а именно: обобщение и абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция. А также методы диалектической логики: восхождение от абстрактного к конкретному, от конкретного к абстрактному, а также исторический и логический методы.

Среди междисциплинарных методов автором было отдано предпочтение методам: идеализации – математическому методу, который основан на создании идеальной формы объекта исследования, поскольку оно направлено именно на поиск наилучших вариантов регулирования рассматриваемых отношений; методу системного подхода, позволяющему выявлять свойства принципов при их взаимодействии в качестве единого целого; а также методу классификации для теоретического обоснования направлений и структуры механизма реализации международных договоров.

Среди частнонаучных методов в работе автором использованы: историко-правовой метод, который был использован для изучения формирования и эволюции принципов защиты прав и интересов детей и их осуществления в российской правовой системе; формально-юридический метод, который позволил изучать правовую природу понятий и категорий, входящих в предмет исследования; правоинтерпретационный метод, на основе которого проводились толкование и разъяснение текстов нормативных и правоприменительных актов;

метод научного исследования межотраслевых связей. Кроме того, автором был широко использован метод сравнительного правоведения, который, применительно к настоящему исследованию, на макроуровне заключается в использовании различных способов толкования нормативных актов в правоприменительной практике Комитета ООН по правам ребенка, Европейского Суда по правам человека и судов Российской Федерации для получения сравнительно-сопоставимых выводов; на микроуровне – в исследовании отдельных правовых конструкций и понятий, используемых в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике, что при должной интерпретации полученных выводов позволяет путем сравнения определить необходимые изменения российских норм, а также выявить основные тенденции развития правоприменения.

Информационная база исследования.

Информационную базу диссертационного исследования составили нормативные правовые источники (Конституция Российской Федерации, универсальные и региональные международные правовые акты по правам ребенка, отдельные правовые акты дореволюционной России, СССР, РСФСР, законы и подзаконные акты Российской Федерации, касающиеся вопросов регламентации и защиты прав и интересов детей). Информационную основу работы также составил большой объем эмпирического материала, в том числе материалы практики договорных органов защиты прав человека Организации Объединенных Наций, особенно Комитета по правам ребенка и Комитета по правам человека, а также рекомендаций Совета Европы и Европейского Суда по правам человека. Особое внимание уделено деятельности Комитета ООН по правам ребенка по рассмотрению индивидуальных сообщений. Важная информация об особенностях осуществления принципов защиты прав детей почерпнута из судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, постановлений Пленумов и Обзоров практики Верховного Суда Российской Федерации, практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации.

В ходе работы использовался обширный спектр литературных источников (книги, монографии, диссертации и авторефераты, статьи и сборники материалов конференций, иностранная литература), а также различные электронные ресурсы.

Обоснованность и достоверность результатов исследования.

Степень обоснованности и достоверности результатов проведенного исследования обеспечивается использованием широкого спектра источников, выбор которых обусловлен целью, задачами и методологией исследования, и подтверждается обширным анализом доктринальных подходов, изучением научных трудов, обстоятельным анализом и обобщением практики судов различных уровней, а также решений международных органов и организаций.

Научная новизна диссертационного исследования.

Научная новизна исследования обусловлена необходимостью проведения комплексного теоретико-правового анализа принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей в контексте единства и целостности их системы, а также разработки специальных практических механизмов их реализации. В рамках диссертационного исследования были сформулированы новые и уточнены существующие в доктрине положения, относящиеся к объекту и предмету исследования.

В ходе работы уточнено понятие принципов международного права о защите прав и интересов детей в системе принципов семейного права, предложена концепция единого механизма их реализации в национальной правовой системе, изучен характер взаимодействия между различными аспектами рассматриваемых принципов на законодательном, административном и судебном уровнях их реализации. В диссертационном исследовании сделаны важные теоретические выводы по некоторым дискуссионным вопросам: сформулированы критерии разделения таких понятий, как «законные интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка»; проведена попытка обоснования установления минимального возраста обязательного учета мнения несовершеннолетнего; уточнены понятия различных форм дискриминации по отношению к детям, а также сформулированы критерии «скрытых дискриминационных действий» на

основании возраста ребенка; выработаны минимальные стандарты, устанавливающие пределы судебного усмотрения с учетом особенностей рассмотрения дел, затрагивающих интересы детей.

Кроме того, на основе проведенного исследования для совершенствования правового механизма разрешения споров, затрагивающих права и интересы детей – граждан Российской Федерации, с учетом общемировых тенденций выработаны научно-практические обоснования экстерриториального действия национального права в отношении несовершеннолетних граждан, не domiciliрованных в иных иностранных юрисдикциях, как условия эффективного осуществления исследуемых принципов.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну.

1. Уточнено понятие принципов международного права о защите прав и интересов детей, которые предложено определять как совокупность основных фундаментальных начал, являющихся ценностными ориентирами и обуславливающих главные направления защиты прав и интересов детей на межотраслевом уровне посредством эффективного механизма реализации норм международных договоров в национальной правовой системе.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пункту 3 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

2. В ходе исследования выделено несколько способов эффективной реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей в национальной правовой системе:

- конституционализация принципов международных конвенций путем их встраивания в основной закон государства, что делает их общеобязательными для всех законодательных, административных и судебных органов и существенно повышает степень эффективности их осуществления на всех уровнях национальной правовой системы;

- реформирование законодательства путем внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, а также путем

разработки и принятия новых нормативных правовых актов, что позволяет избежать противоречий между национальным и международным правом;

- внедрение принципов международных конвенций путем разработки различных программ и стратегий, что позволяет своевременно выявлять основные проблемы и разрабатывать приоритетные направления, выбирать способы и формы реализации принципов международных конвенций в интересах детей, осуществлять межотраслевое взаимодействие между органами различных ветвей власти на федеральном, региональном и местном уровнях;

- обеспечение приоритетной защиты прав и интересов детей в процессе правоприменения, что позволяет более гибко регулировать конкретные правоотношения вне зависимости от изменений, происходящих в обществе.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 3, 4 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

3. Реализация принципов международного права о защите прав и интересов детей рассматривается в диссертации как единый механизм, который осуществляется в рамках комплексного межотраслевого взаимодействия и единства законодательного, административного и судебного уровней:

- законодательный уровень включает в себя законотворческую деятельность государственных органов, а также деятельность иных государственных органов и организаций, некоммерческих структур, социальных институтов гражданского общества, индивидов, осуществляемую в целях обеспечения исполнения международно-правовых обязательств и направленную на усовершенствование и приведение норм национального законодательства в соответствие принципам международного права о защите прав и интересов детей;

- административный уровень включает в себя создание и регламентацию деятельности национальных органов и организаций, выполняющих функции, связанные с обеспечением исполнения международно-правовых обязательств, а также координационное взаимодействие между национальными и международными органами и организациями, институтами гражданского

общества и индивидами, с целью обеспечения эффективного осуществления принципов международного права о защите прав и интересов детей;

- судебный уровень включает в себя деятельность по осуществлению международных принципов о защите прав и интересов детей в рамках рассмотрения конкретных споров в национальных и международных судах. Данный уровень в том числе охватывает разработку и внедрение адекватных и доступных процессуальных процедур и правил, направленных на защиту процессуальных прав и интересов детей в соответствии с принципами международного права.

Любой уровень механизма реализации необходимо понимать с точки зрения комплексного подхода, включающего в себя не только деятельность конкретных органов и организаций, но и совокупность методов, подходов и средств, позволяющих надлежащим образом обеспечить встраивание принципов международного права о защите прав и интересов детей в национальную правовую систему государства.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 3, 9 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

4. Основной особенностью реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей, позволяющей обосновать концептуальное единство указанных принципов, является наличие в каждом принципе как материально-правовых (сущностных), так и процессуально-правовых (процедурных) структурных элементов, которые определяют междисциплинарный характер принципов, расширяют сферу их реализации за пределы одной отрасли семейного права и позволяют применять принципы в отношении различных споров, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних, вне зависимости от правовой природы регулируемых отношений.

Структурные элементы каждого из принципов не ограничиваются предметом какой-либо одной отрасли права, чем предопределяется обязанность государства обеспечить надлежащий уровень реализации международных

принципов о защите прав и интересов детей в рамках национальной правовой системы в целом.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 2, 3 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

5. В диссертации обосновано экстерриториальное действие национального права при реализации международных принципов о защите прав и интересов детей за пределами национальной правовой системы, что позволяет обеспечить баланс между различными подходами к ним без утраты национальной идентичности.

Экстерриториальное действие национального права реализуется посредством применения коллизионных привязок, основанных на личном законе физического лица (гражданства и постоянного места жительства), принципах тесной связи и выбора наиболее благоприятного права, а также посредством действия национального публичного порядка как основания ограничения применения иностранного права к несовершеннолетним гражданам Российской Федерации, временно находящимся, но не домицилированным за рубежом.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 10, 31 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

6. В качестве условий реализации принципов защиты прав и интересов детей в правоприменительной практике в диссертации предложено определение специальных материальных и специальных процессуальных пределов судебного усмотрения.

Специальные материальные пределы судебного усмотрения – это юридически значимые обстоятельства, которые в обязательном порядке должны быть установлены в ходе рассмотрения дела и отражены в мотивировочной части судебного решения, если оно прямо или косвенно затрагивает права и интересы несовершеннолетнего (например, обязательная оценка краткосрочных и долгосрочных последствий разрешения спора для ребенка; обязательное

отражение в мотивировочной части решения суда анализа наилучших интересов несовершеннолетнего).

Специальные процессуальные пределы судебного усмотрения – это юридически значимые процедуры, обязательные при разрешении судебного спора, прямо или косвенно затрагивающего права и интересы несовершеннолетнего (например, обязательное назначение адвоката для защиты несовершеннолетнего лица, права и интересы которого затрагиваются судебным спором; введение специальных механизмов заслушивания детей и учета их мнения).

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 22, 25 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

7. Обосновано, что несовершеннолетний возраст является основанием дискриминации, в силу чего должен быть включен в общий перечень оснований дискриминации.

В диссертации разграничены формы дискриминации по признаку несовершеннолетнего возраста:

- в зависимости от степени проявления дифференциации между интересами ребенка и взрослого выделяется явная и скрытая дискриминация;
- в зависимости от уровня проявления дифференциации между интересами ребенка и взрослого выделяется формальная (на законодательном уровне) и фактическая (на правоприменительном уровне).

В диссертации уточнено понятие скрытой возрастной дискриминации по отношению к детям, которая представляет собой субъективно-оценочные, не очевидные правила или меры, основанные на проявлении различий, исключений, ограничений или предпочтений по признаку несовершеннолетнего возраста, кажущиеся нейтральными или не имеющие какого-либо намерения дискриминировать, но имеющие скрытый дискриминационный эффект, выраженный в умалении признания, использования или осуществления детьми прав и свобод на равных началах со взрослыми.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 9, 10 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

8. В ходе исследования основных теоретических подходов к проблемам реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей разделены и уточнены понятия «законные интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка».

Законные интересы ребенка – это императивно закрепленные в нормах права, юридически значимые обстоятельства морального и материального характера (определяемые государством в качестве общих стандартов), способные оказывать физическое и психическое влияние на всех несовершеннолетних лиц без какого-либо исключения. Законные интересы ребенка коррелируются с интересами общества, защищаются государством вне зависимости от индивидуальных особенностей ребенка и являются основой стабильного регулирования семейных правоотношений.

Наилучшие интересы ребенка – это конкретные юридически значимые потребности морального и материального характера, которые определяются с учетом индивидуальности ребенка или группы детей, не ограничиваются императивно закрепленными в нормах права юридически значимыми обстоятельствами и заключаются в создании наиболее благоприятных краткосрочных и долгосрочных условий, оказывающих влияние на нормальное физическое, психическое, духовное, культурное и нравственное развитие несовершеннолетних.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 9, 10 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные выводы дополняют и развивают имеющиеся в семейном и других отраслях права представления о механизме реализации принципов

международного права о защите прав и интересов детей, в том числе о комплексном подходе к механизму реализации основных принципов Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.

В ходе исследования уточнены понятия принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей; законных и наилучших интересов детей; различных форм дискриминации, в том числе по иным основаниям, не указанным в международных и национальных нормативных актах; судебного усмотрения при реализации принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей; расширены основания экстерриториального действия права.

Таким образом, результаты исследования расширяют академические знания о предмете исследования и создают фундамент для дальнейших научных изысканий по разработке наиболее оптимальной и эффективной модели механизма реализации принципов универсальных договоров в области защиты прав и интересов детей на национальном уровне.

Целью теоретических выводов и рекомендаций, содержащихся в настоящем исследовании, является повышение эффективности реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей в отечественной правоприменительной практике.

Практическая значимость исследования определяется необходимостью определения направления совершенствования семейного законодательства в сфере защиты прав и интересов детей. Рекомендации, сформулированные на основании научного исследования механизма реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей, могут быть использованы для разработки и повышения эффективности действия норм семейного права, гражданского права, гражданского процессуального права, международного частного права.

В ходе исследования обоснована необходимость установления минимального возраста обязательного учета мнения детей, достигших четырнадцати лет, а также сделан вывод, что несовершеннолетние лица по достижении указанного возраста во всяком случае должны быть заслушаны в

рамках специальных процедур с обязательным привлечением квалифицированного специалиста.

В связи с этим в работе даны конкретные рекомендации по внесению дополнений в Семейный кодекс Российской Федерации, а именно – предлагается дополнить статью 57 Семейного кодекса Российской Федерации абзацем следующего содержания: «Учет мнения ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет, обязателен при рассмотрении любых вопросов, затрагивающих его права и интересы».

Для решения проблемы определения скрытой возрастной дискриминации предлагается установить понятие скрытых дискриминационных действий, которые представляют собой нейтральные по своему характеру действия или бездействия, хотя бы совершенные без дискриминационных намерений, но ставящие несовершеннолетнего ребенка в уязвимое положение по сравнению со взрослым без какого-либо разумного обоснования, и влекущие дискриминационные последствия в виде отсутствия соразмерности между принятыми мерами и достигаемыми законными целями. Разграничение понятий скрытых дискриминационных действий и законных ограничений, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних, а также на достижение законных целей, необходимых в демократическом обществе, направлены на развитие положений статьи 79 Конституции Российской Федерации.

На основе проведенного исследования в диссертации предлагается разграничить и нормативно закрепить момент возникновения права ребенка на жизнь, выживание и развитие, как биологическое условие продолжения человеческого рода, – с момента рождения, которым признается физическое отделение плода от матки; моментом возникновения права на выживание и достойное развитие, как условие настоящего и будущего существования и благополучия ребенка, – с момента зачатия, как внутриутробного, так и с применением репродуктивных технологий.

Кроме того, предлагается расширить категорию дел, входящих в исключительную подсудность российских судов, спорами, затрагивающими права

и интересы несовершеннолетних граждан Российской Федерации, которые не домицилированы в иностранном государстве, хотя и временно проживают за рубежом, вне зависимости от гражданства родителей, путем внесения изменений и дополнений в статью 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации («Исключительная подсудность») и в статью 412 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации («Отказ в принудительном исполнении решения иностранного суда»).

Результаты данного исследования могут быть также использованы в рамках учебных курсов по семейному праву, гражданскому праву, международному частному праву и гражданско-процессуальному праву.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Диссертация была выполнена и прошла обсуждение на кафедре правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения ИГСУ РАНХиГС.

Теоретические положения и выводы исследования были положены в основу пяти работ автора, четыре из которых были опубликованы в научных журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты диссертационного исследования нашли отражение в докладах, представленных на международных и всероссийских научно-практических конференциях, в том числе: на II Международной научно-практической аспирантской конференции памяти В.Ф. Яковлева (г. Москва, 2 декабря 2022 г.), доклад на тему «Эволюция принципов защиты прав детей»; Международной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы» (г. Москва, 19.05.2023 г.), доклад на тему «Место принципов защиты прав детей в системе принципов российского права»; Аспирантском юридическом Форуме ГАУНГ «Трансформация российского права: тенденции, ориентиры, решения» (г. Москва, 14 июня 2023 г.), доклад на тему «Перспективы развития системы защиты прав

детей на основе приоритетных принципов международных конвенций»; VII Международном Невском Форуме (г. Санкт-Петербург, 22 июня 2023 г.), доклад на тему «Действие принципа экстерриториальности защиты прав детей в современных условиях»; 66-ом Ежегодном Собрании Российской Ассоциации международного права «Международное право в современных геополитических условиях» (г. Москва, 29 июня 2023 г.), доклад на тему «Место принципов международного права о защите прав и интересов детей в российской правовой системе»; III Международной научно-практической аспирантской конференции памяти В.Ф. Яковлева (г. Москва, 15 декабря 2023 г.), доклад на тему «К вопросу о соотношении понятий «законные интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка» в российском семейном праве»; Втором Центрально-Азиатском международно-правовом форуме «Право как основа региональной экономической интеграции» (Казахстан, г. Алматы, 14 июня 2024 г.), доклад на тему «Действие основных принципов международного права о защите прав и интересов детей при разрешении трансграничных семейных споров».

Перечень публикаций автора.

Основные выводы и положения диссертационного исследования были опубликованы автором в следующих научных журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Сурдина, А. И. Основные принципы Конвенции ООН о правах ребенка и проблемы их реализации в российской правовой системе / А. И. Сурдина // Нотариальный вестник. – 2022. – № 12. – С. 57–64.

2. Сурдина, А. И. Принципы защиты прав детей: понятие, сущность и место в системе принципов российского права / А. И. Сурдина // Власть Закона. – 2023. – № 3(55). – С. 351–364.

3. Сурдина, А. И. Критерии содержания и осуществления родительских прав в отношении несовершеннолетних детей в философии Джона Дьюи / А. И. Сурдина // Государственная служба. – 2023. – Т. 25, № 4(144). – С. 24–30.

4. Сурдина, А.И. К вопросу об экстерриториальном действии национального права при реализации приоритетных принципов Конвенции ООН о правах ребенка / А. И. Сурдина // Право и управление. – 2024. – № 7. – С. 22–29.

Структура диссертационной работы определяется ее целями и задачами и состоит из введения, трех глав, девяти параграфов и заключения.

Глава 1. Принципы международного права о защите прав и интересов детей в российской правовой системе

1.1. Эволюция принципов защиты прав и интересов детей в российском и международном праве: исторический аспект

Анализ эволюции принципов защиты прав детей на всем протяжении исторического развития национального и международного семейного права позволяет сделать вывод о постоянном взаимодействии двух систем. Причем на российское семейное право на всем протяжении его формирования и кодификации огромное влияние оказывали принципы и нормы иностранного и международного права. При этом национальные традиции и принципы, нормы морали и нравственности, понятие социальной справедливости сыграли не последнюю роль в выстраивании единой концепции в разные исторические периоды, в том числе и в части формирования основных принципов защиты прав детей.

Вопросы, затрагивающие права и законные интересы детей, сохраняли свою актуальность на всех этапах развития правовой науки и практики. Однако законодатель не всегда ориентировался на проблемы, связанные с зависимым положением ребенка от родителей, должностных лиц и государства. Проблемы пределов осуществления родительских прав, содержания родительских обязанностей, объема правоспособности, дееспособности и деликтоспособности несовершеннолетних, учета интересов детей в основном решались законодателем в ракурсе существовавших традиций, устоев и религиозных убеждений.

Обусловлено это тем, что «отношения, возникающие из союза родителей и детей, являются более естественно-нравственными, чем юридическими»²⁰.

Дважды в истории семейного права – в VIII в. и XX в. – уровень проникновения и влияния иностранного и международного права оказался настолько велик, что послужил полному пересмотру нормативной структуры семейного права и переориентировал национальную правовую систему на реализацию и встраивание этих принципов в структуру российской правовой системы.

Рассматривая развитие прав детей в историческом контексте, следует отметить, что на первом этапе огромную роль в формировании этой правовой категории сыграли два фактора: проникновение византийского права, а также большое влияние обычаев и устоев христианской церкви на взаимоотношения между субъектами детско-родительских отношений.

Первые нормы, регулирующие правоотношения, затрагивающие права и интересы детей, были закреплены в двух вариантах Кормчей книги, которая изначально представляла собой не что иное, как свод норм, заимствованных из иностранного права. В ее состав вошли нормы византийского права, содержащиеся в двух редакциях Номоканона, византийских сводах законов VIII и IX вв. – Эклоге и Прохитроне, а также нормы южнославянского закона Судный Людем. Кроме того, в нее были инкорпорированы извлечения из Пятикнижия Моисея.

«Включение этих актов в русские Кормчие книги имело большое значение, хотя служило скорее цели ознакомления русских судей с византийскими законодательными образцами (наряду с национальными законами), чем цели придания этим актам обязательной силы закона»²¹.

Таким образом, на начальных этапах влияние норм иностранного права имело важное правообразующее значение для формирования основных правовых взглядов на положение детей в семейных отношениях.

²⁰ Памятники русского права: в 35 т. Т. II: Памятники права удельной Руси: учебно-научное пособие / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 212.

²¹ Там же. С. 173.

Кроме того, весь период с Древней Руси и до начала XIX в. семейные отношения регулировались нормами не только светского, но и обычного права, а также правилами, утвержденными Церковью.

Особое внимание уделялось публичному характеру этих отношений, поскольку конфликты между родителями и детьми часто разбирались на общинных сходах, что подчеркивало значимость межличностных взаимоотношений в обществе, и Церковь играла доминирующую роль в регулировании брачно-семейных отношений.

Положение детей в семье всецело зависело от авторитета родителей. Ребенок находился в полном подчинении родительской власти, которая распространялась в числе прочего и на жизнь, здоровье, личные неимущественные интересы детей независимо от их возраста. «Законодательство до конца XVII в. не признавало жизнь несовершеннолетнего ребенка равной по социальному и правовому значению жизни взрослого»²². Родители имели безусловную власть над детьми, что приводило к жестоким поступкам (для наказания детей родители могли отдавать их в холопство, практиковалось насильственное пострижение детей в монахи, в свою очередь, дети не имели права жаловаться на своих родителей). Государство и церковь поддерживали эту практику, не предоставляя детям никаких самостоятельных прав.

По Соборному Уложению 1649 г. родители даже не подвергались серьезному наказанию за убийство своих детей, дети же могли быть приговорены к смертной казни за убийство своих родителей. Если вопросы, связанные с непослушанием и проступками детей, выносились на публичные обсуждения, то на родителей подавать жалобы было запрещено. Все это, вполне естественно, зачастую приводило к своеволию, злоупотреблению родительской властью. Дети не считались полноправными субъектами детско-родительских отношений и не выходили из соподчиненного состояния вплоть до смерти отца. Уязвимое положение детей считалось естественным течением жизни, о необходимости

²² Памятники российского права: в 35 т. Т. III: Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. II / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 370.

защиты их прав и интересов в рассматриваемый исторический период ни государство, ни Церковь не заботились, оставляя этот вопрос за рамками своего внимания.

Начиная с XVIII в. вопросы, связанные с детско-родительскими отношениями, претерпевают изменения в сторону улучшения положения детей. Несмотря на то, что за ними все еще не было закреплено самостоятельных прав, на родителей была возложена обязанность содержать и воспитывать своих детей до совершеннолетия.

Физические наказания использовались в отношении детей вплоть до 1917 г. Однако уже в XVIII в. право родителей на применение физического насилия стало «постепенно ограничиваться запретом на калечение и ранение детей; была введена ответственность за доведение детей до самоубийства, а также за неосторожное и умышленное их убийство»²³.

Большую роль на объем детских прав стала оказывать сословная структура общества. Например, дворяне и духовенство, начиная со времен Петра III, могли быть привлечены к ответственности за отсутствие начального образования у детей. Однако вопросы, связанные с внутрисемейной жизнью, так и не стали предметом государственного внимания, а родители обладали практически безграничной властью над детьми.

Несмотря на то, что в вопросах детско-родительских отношений государственное регулирование оставалось практически неизменным, за исключением небольших изменений, именно в это время начинает активно развиваться институт опеки и попечительства детей-сирот. Так, уже при Петре I с 1705 г. в России стали учреждаться приюты для незаконнорожденных детей, немногим позже – госпитали для подброшенных младенцев. С 1721 г. была

²³ Памятники российского права: в 35 т. Т. 10: Законодательство первой половины XIX века в сфере частного права: учебно-научное пособие / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 294.

учреждена должность Главного магистрата, особого органа, в ведение которого передавались сиротские дома и контроль за ними²⁴.

Позднее Указом Екатерины I от 7 ноября 1775 г. был учрежден Городской сиротский суд, в ведение которого была передана забота о малолетних сиротах и вдовах (прообраз современного органа опеки и попечительства). Жалобы родителей на своих детей стали рассматриваться в специально созданном для этого Совестном суде, который мог использовать примирение, как способ урегулирования детско-родительских конфликтов²⁵.

Данные факты свидетельствуют об изменении отношения государства в сторону признания важности его роли в обеспечении защиты прав детей. Законодатель начинает воспринимать детей как основной потенциал для развития общества в государственно значимом направлении. Дети, оставшиеся без попечения родителей, стали восприниматься важной частью социума; детско-родительские отношения перестали оцениваться с позиции только лишь авторитета родителей, о чем свидетельствует введение процедуры примирения, при которой презумпция вины несовершеннолетних стала отходить на второй план. С этого времени в семейном праве происходит смена публично-правовой парадигмы государства в сторону регулирования внутрисемейных детско-родительских отношений, а сознание общества постепенно начинает переориентацию на признание приоритетного воспитания и заботы о детях.

Следующим переломным этапом в историческом развитии государственного регулирования детско-родительских отношений стал Свод законов Российской Империи, составленный повелением государя Николая Павловича, в книге V которого «Законы гражданские и межевые», содержится раздел «О правах и обязанностях семейственных»²⁶ (том X, часть I).

²⁴ Павленко Е. М. Становление и развитие концепции прав ребенка в Российской Федерации / Е. М. Павленко // Правовая жизнь. 2021. № 1(33). С. 53–59.

²⁵ Загоровский И.А. Курс семейного права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 215.

²⁶ Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Продолжение: 1832, 1833, 1834, 1835 годы, ч. 2: Продолжение: 1832, 1833, 1834, 1835 годы. ч. 2. Статьи к 6, 7, 8, 9 и 10 томам Свода. 1836. С. 1221–2114.

Власть родителей была все еще достаточно велика, поскольку они имели право применять исправительные меры, вплоть до ссылки детей в смиренные дома, однако теперь законодатель ограничил ее объемы пределами, установленными законами. Так, жизнь детей выводилась законодателем из-под власти родителей, а за их убийство родители уже несли наказание наравне с посторонними. Кроме того, законодателем были очерчены родительские обязанности, которые выходили за рамки материального обеспечения, и заключались еще и в необходимости дать детям нравственное образование и воспитание в духе патриотизма, существовавшем на тот момент времени в государстве. Интересен тот факт, что на законодательном уровне была закреплена обязанность родителей по обучению детей в возрасте от 10 до 18 лет именно в России. Кроме того, вводился институт родительского представительства детей в случае нарушения прав последних.

Анализируя этот этап развития семейно-правового регулирования, А. Нечаева обращает внимание на формирование в этот период категории «интерес» не только применительно к детско-родительским отношениям, но и применительно к участию государственных и судебных органов, участвующих в разрешении семейных споров с участием несовершеннолетних²⁷.

Однако законодательство по отношению к детям все еще оставалось дискриминационным. Помимо классового разделения, существовало разделение детей на законнорожденных и незаконнорожденных, при этом объем прав у тех и других разительно отличался. Дети, которые появились на свет вне официального союза, и те, кто родился в результате внебрачных отношений, признавались незаконнорожденными. Такие дети, даже несмотря на возможный последующий брак их родителей, и воспитанные своими же родителями, не получали прав на отчество или наследство отца. Их социальный статус определялся по матери. Тем не менее существовало и исключение, позволяющее изменить их положение с

²⁷ Нечаева А.М. Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних: монография. М.: Проспект, 2016. С. 43.

незаконнорожденного на законнорожденного через специальное императорское постановление.

Анализируя эволюцию семейных детско-родительских отношений, И. А. Покровский в качестве одного из основных явлений выделяет подчинение родительской власти, а впоследствии и опеки государственному контролю, который на определенном этапе становится средством устранения возможных злоупотреблений родительскими правами. Нельзя не согласиться, что «борьба с этими злоупотреблениями, связанными с неизбежным вторжением в семейную жизнь, конечно, представляет чрезвычайные трудности, тем не менее другого выхода здесь нет, ибо личность детей должна быть ограждена от своекорыстного пользования родительскими правами»²⁸.

После революции и установления советской власти в России в развитии правовой системы государства снова произошел переломный момент, что привело к кардинальной трансформации основных принципов регулирования, в том числе и детско-родительских отношений.

Передача опыта от родителей к детям стала играть ключевую роль в формировании личности ребенка, который воспринимался полноценной частью общественного строя. Этот процесс был необходимостью, обусловленной естественными факторами жизни в социальной группе, а также неотъемлемым условием как для существования ребенка в обществе, так и для нормального функционирования общества в целом. По словам Г. Свердлова, «воспитание родителями своих детей – дело, в результатах которого прямо и непосредственно заинтересован весь народ»²⁹.

Патриархальные взгляды на положение детей искоренялись принятием в 1918 г. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и

²⁸ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. М.: Эксмо, 2023. С. 210.

²⁹ Свердлов Г.М. Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве / Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 15.

опекунском праве, в раздел III которого была включена глава II «Личные права и обязанности детей и родителей»³⁰.

Представляется, что именно этот документ положил начало формированию современных принципов защиты прав детей в российской правовой системе. В нем впервые закреплялись положения о том, что «дети, родители которых не состоят в браке между собой, во всем приравниваются к в правах с детьми, рожденными от лиц, состоящих в браке» (примечание 1 к статье 133); что «родительские права осуществляются исключительно в интересах детей и при неправомерном их осуществлении суду предоставляется право лишить родителей этих прав» (статья 153); что «родители обязаны заботиться о личности несовершеннолетних детей» (статья 154); что «защита интересов детей, личных и имущественных, лежит на родителях» (статья 155). Таким образом, государство впервые признало ребенка самостоятельным субъектом права и закрепило понятие интереса ребенка в качестве основного критерия осуществления родительских прав и обязанностей.

Необходимо отметить, что именно этот период формирования основных принципов защиты прав детей не был основан на принципах и нормах международного права. Эта трансформация была определена изменением основной парадигмы российского общества и, как следствие, парадигмы всей правовой системы в целом. Политика государства была переориентирована на осознание важности правосубъектности ребенка.

Однако «приоритетом концепции детства в нашей стране оставалась защита детей от угроз различного характера, связанных с жизненной неустойчивостью ребенка, при этом проблемы разрешались в контексте коллективистской среды»³¹ с целью формирования индивида, полезного для общества и государства. То есть на данном этапе ключевым все же оставался основной публичный элемент,

³⁰ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (Принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Павленко Е.М. Становление и развитие концепции прав ребенка в Российской Федерации / Е.М. Павленко // Правовая жизнь. 2021. № 1(33). С. 55.

ориентированный на функционирование общественной среды и встраивание ребенка в социум.

В это же время вопросы, связанные с правовым положением детей, с принятием в 1924 г. Лигой Наций Женевской декларации прав ребенка³² становятся неотъемлемой частью международного права. Несмотря на простоту текста, в этом документе были заложены основы тех принципов, которые через 65 лет стали приоритетными в рамках Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.

В Женевской декларации было подчеркнуто, что ребенок нуждается в нормальном умственном и физическом развитии. Документ закреплял необходимость предоставлять детям все лучшее, что может предложить человечество, а также обеспечивать их жизнь и нормальное развитие. «Декларация содержала как моральные и этические аспекты прав ребенка («ошибающийся ребенок должен быть поправлен», «ребенок должен расти в атмосфере любви»), так и физические, материальные аспекты («голодный ребенок должен быть накормлен», «ребенок должен получить помощь в тяжелое время испытаний в первую очередь»)³³.

Несмотря на то, что Декларация представляла собой значительный шаг в сторону защиты прав и интересов детей, несогласованность позиций государств внутри самой структуры организации, положения документа не получили должного развития. Следует отметить, что нормы Женевской декларации 1924 г. также не нашли своего отражения в российском национальном праве.

На этом этапе российское семейное право продолжает развитие по своему собственному пути. Дальнейшее формирование основных принципов семейного права, в том числе принципов защиты прав детей, ознаменовано принятием

³² Кабанов Л.В. Реализация общепризнанного международно-правового принципа, обеспечивающего наилучшие интересы ребенка: универсальные и региональные аспекты: монография / В.Л. Кабанов. М.: РУДН, 2016. С. 192 (Приложение) (Женевская декларация прав ребенка, принята Пятой Ассамблеей Лиги Наций от 26 ноября 1924 г.).

³³ Сурдина А.И. Эволюция принципов международных конвенций о защите прав детей // Межотраслевой подход в юридической науке: Экономика. Право. Суд: сборник материалов II Международной научно-практической аспирантской конференции памяти В.Ф. Яковлева (г. Москва, 2 декабря 2022 г.) / под науч. ред. О.В. Зайцева, А.И. Сурдиной: РАНХиГС, Ин-т гос. Службы и управления, Высшая школа правоведения. М.: Статут, 2023. С. 282.

Кодекса о браке, семье и опеке 1926 г.³⁴ В статье 25 этого нормативного правового акта законодатель предоставил незаконнорожденным детям одинаковые права с детьми, рожденными в браке, тем самым продолжив формирование принципа недискриминации детей по признаку рождения, начало которому было положено еще Законом 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей»³⁵.

«Законодательство о браке и семье было достаточно прогрессивным для того времени. Однако в условиях все усиливающейся реакции так не могло продолжаться долго»³⁶. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. наложил запрет на установление отцовства в отношении внебрачных детей, вследствие чего правовой статус внебрачных детей вновь стал не равен статусу детей, рожденных в браке³⁷. Через год, 14 марта 1945 г., законодательство смягчило это неравенство в сторону детей тех родителей, которые заключили брак после рождения ребенка³⁸.

В это время международное право, так же, как и российское, ступило на следующий этап, который был отмечен принятием Декларации прав человека 10 декабря 1948 г.³⁹ Этот документ закрепил основные положения, касающиеся прав человека, включая права ребенка, а также охрану семьи, материнства и детства.

Несмотря на то, что Декларация, в силу своей правовой природы, содержит рекомендательные положения, она является частью Международного Билля о

³⁴ Кодекс о браке, семье и опеке (утв. Постановлением ВЦИК РСФСР от 19 ноября 1926 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Россия. Законы и постановления. Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей. Неофиц. изд. Санкт-Петербург, ценз. 1902. С. 9, 22.

³⁶ Левушкин А.Н. История развития института прав и обязанностей родителей и детей в России // Обеспечение баланса частноправового регулирования общественных отношений в парадигме конвергенции норм права: научные воззрения доктора юридических наук, профессора А.Н. Левушкина: монография: в 2 т. / А.Н. Левушкин. М.: Юстицинформ, 2023. Т. 1. С. 283.

³⁷ Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ Указ Президиума ВС СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Всеобщая Декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 11.07.2023).

правах человека, переведена более чем на 500 языков мира и нашла свое отражение в большинстве национальных юрисдикций, в том числе и в российской правовой системе, поэтому значение этого документа трудно переоценить.

Декларация не имеет ограничений, касающихся исключительно прав детей, однако содержащийся в ней термин «каждый человек» включает в себя всех лиц, начиная с момента их рождения. Это означает, что дети, так же как и взрослые, обладают правом на жизнь, свободу и защиту от нарушения их прав и интересов. Они также имеют право на личную неприкосновенность, защиту от дискриминации по любому признаку, на эффективную охрану своих прав и свобод, а также на свободное выражение своего мнения.

Далее, в 1959 г. была принята Декларация прав ребенка⁴⁰, основанная на нормах Женевской декларации 1924 г. и Декларации прав человека 1948 г. Несмотря на то, что документ также носит рекомендательный характер, важно отметить, что в историческом контексте его принятие предопределило последующую регламентацию института защиты прав детей в Конвенции о правах ребенка 1989 г., которая закрепила положения Декларации 1959 г. на юридическом уровне.

В это время в России вступает в силу очередной нормативный правовой документ, регулирующий брачно-семейные отношения – Кодекс о браке и семье 1969 г.⁴¹ Законодатель пошел по пути расширения родительских прав, четкой регламентации условий установления отцовства, детального регулирования оснований лишения родительской ответственности. Кроме того, Кодекс более детально закрепил равенство прав и обязанностей обоих родителей, однако при этом материнство (вероятно, под влиянием Принципа шестого Декларации прав ребенка) признавалось приоритетным при определении места жительства детей после развода.

Важно отметить, что все вопросы, связанные с иностранным элементом, решались исключительно с позиции российского законодательства либо в рамках

⁴⁰ Декларация прав ребенка, принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 11.07.2023).

⁴¹ Кодекс о браке и семье (утв. ВС РСФСР 30.07.1969г.) // СПС «КонсультантПлюс».

двусторонних договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, первый из которых был заключен с Корейской Народно-Демократической Республикой в 1957 г.⁴² «Значение унифицированных коллизионных норм этих договоров о правовой помощи было тем более велико, что действовавшее до принятия Семейного кодекса РФ 1995 г. отечественное законодательство не допускало применения к семейным отношениям иностранного права»⁴³.

Окончательным этапом формирования принципов защиты прав детей стало принятие Конвенции ООН о правах ребенка в 1989 г., а также нескольких факультативных протоколов к ней: о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г.⁴⁴; об участии детей в вооруженных конфликтах в 2000 г.⁴⁵; о процедуре сообщений 2011 г.⁴⁶ (последний не был ратифицирован Российской Федерацией).

Этот уникальный международно-правовой акт, в отличие от деклараций, закрепляет обязательства государств в области обеспечения и защиты прав ребенка. Все государства – участники Организации Объединенных Наций (кроме США) являются участниками данной Конвенции. Договор был ратифицирован СССР 26 января 1990 г. и вступил в силу 15 сентября 1990 г.

Все перечисленные международные акты послужили формированию основных принципов защиты прав детей, которые были обозначены Комиссией ООН по правам ребенка в Замечаниях общего порядка от 3 октября 2003 г. № 5

⁴² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 16 декабря 1957 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53105/ (дата обращения: 11.07.2023).

⁴³ Марышева Н.И. Вопросы международной унификации норм семейного права, определяющих личные неимущественные отношения родителей и детей: Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Унификация международного частного права в современном мире: сб. статей. М., 2013. URL: <https://znanium.com/catalog/product/525709> (дата обращения: 11.07.2023).

⁴⁴ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принят резолюцией 56/263 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml (дата обращения: 11.07.2023).

⁴⁵ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (дата обращения: 11.07.2023).

⁴⁶ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, принят резолюцией 66/138 Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 2011 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml (дата обращения: 11.07.2023).

«Общие меры по осуществлению конвенции» в качестве приоритетных: принцип недискриминации; принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка; принцип, обеспечивающий неотъемлемое право ребенка на жизнь, выживание и здоровое развитие; принцип уважения взглядов ребенка⁴⁷.

Принятие Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. стало важной вехой в формировании принципов защиты прав детей не только на универсальном, но и на национальном уровнях. Важно понимать, что по сравнению с предыдущими этапами это был действительно революционный для того времени шаг. Конвенция «представляла собой радикальный взгляд на возможности и права детей»⁴⁸. Помимо основных принципов, Конвенция закрепила широкий ряд фундаментальных индивидуальных норм, получивших дальнейшее развитие в рамках национальных правовых систем.

В 1990 г. в Нью-Йорке была принята Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей, которую Россия также подписала 31 января 1992 г.⁴⁹

В России принятие Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. послужило отправной точкой для очередной кардинальной трансформации российского семейного законодательства, поскольку широкий спектр норм, закрепляющих права детей, был воспринят новым Семейным кодексом Российской Федерации⁵⁰.

Однако вопрос об эффективности реализации принципов Конвенции ООН остается в правовой науке открытым и крайне дискуссионным.

«Одной из отличительных особенностей данного периода было господство в публичном пространстве точки зрения, что мир движется к единству на основе так называемых «общечеловеческих ценностей» и что задача нашей страны —

⁴⁷ Замечания общего порядка № 5 (2003) «Об общих мерах по осуществлению Конвенции о правах ребенка». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2F2003%2F5&Lang=en (дата обращения: 11.07.2023).

⁴⁸ Гриндхайм Л.Т. В наилучших интересах ребенка: от века ребенка к веку устойчивого развития // Культура детства в процессе трансформации: 30 лет Конвенции ООН о правах ребенка в действии на пути к устойчивому развитию / под ред. Й.С. Борген, Э.Э. Одегаард. Брилл, 2021. С. 13–36. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv1sr6k8f.9> (дата обращения: 19.10.2022).

⁴⁹ Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей, принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 1990 г. // Дипломатический вестник. 1992. № 6. С. 6.

⁵⁰ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1.

принять эти ценности как данность, отбросив в сторону «за ненужностью» собственный опыт, то есть по сути дела отказаться от национальной идентичности. Вследствие этого положения международных договоров в области прав человека, в том числе на этапе ратификации некоторых из них, были восприняты некритически»⁵¹. И действительно, на протяжении многих веков российское семейное право развивалось по собственному традиционному пути, основанному сначала на родительской власти и отрицании правосубъектности ребенка, затем на восприятии ребенка частью социума и наделении его правами, необходимыми для нормального существования полноценной личности с целью обеспечения функционирования социалистического общества. При этом вопросы, связанные с международным, а также иностранным правом, рассматривались только через призму примата национального права, а имплементация норм международных договоров в частноправовой сфере практически не присутствовала.

Объем документов, раскрывающих основные принципы защиты прав детей, в международном масштабе довольно широк. Это свидетельствует о том, что государства признают важность и актуальность унификации института защиты прав детей. Все эти принципы в той или иной формулировке присутствуют в разных универсальных и региональных конвенциях, которые были приняты как до, так и после подписания Конвенции о правах ребенка. «В принятой ООН в 2000 г. Декларации тысячелетия первые из шести целей развития в новом тысячелетии прямо предусматривают защиту детей»⁵².

Однако Россия никогда не спешила унифицировать семейное законодательство, о чем свидетельствует ратификация только «детских» международных договоров и спустя несколько лет после их подписания:

⁵¹ Павленко Е.М. Новый вектор развития концепции прав ребенка в современной России // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 15 апреля 2021 года / под общ. ред. В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. М.: Саратовский источник, 2021. С. 336–341.

⁵² Доронина Н.Г. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. Н.Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. // СПС «КонсультантПлюс».

Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (Российская Федерация ратифицировала договор 28 июля 2011 г.).

Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г. (Российская Федерация ратифицировала договор 20 августа 2012 г.).

Кроме того, в настоящий момент российское законодательство идет по пути приоритетной реализации принципов защиты прав детей в публично-правовой сфере, и в меньшей степени затрагивает частноправовые аспекты. Нельзя не согласиться с мнением Л. Емелиной о том, что «юридическая наука практически не сопровождает должным образом этот аспект, находящий отражение в нормотворчестве и правоприменении в сфере детства»⁵³. Кроме того, до сих пор в научных кругах ведутся дискуссии относительно правового статуса несовершеннолетних, при этом однозначного мнения по данному вопросу не сформировано ни в теории, ни на практике⁵⁴.

Последние несколько лет российское законодательство ориентировано на установлении собственной политики, соответствующей ценностям, традициям и устоям российских граждан. «В целях сохранения традиционных семейных ценностей на современном этапе государство усиливает их присутствие в законодательных нормах»⁵⁵.

Конституционализация рассматриваемых принципов идет по пути признания приоритетного положения детей в рамках государственной политики, принимаются соответствующие стратегии, концепции и планы мероприятий, направленные на создание условий для всестороннего развития детей. «Если мы посмотрим на механизмы регулирования семейных отношений, то можем сделать

⁵³ Емелина Л. А. Права и законные интересы несовершеннолетних: историко-правовые аспекты / Л. А. Емелина // Детство – территория безопасности: сборник материалов конференции, Москва, 8 октября 2021 года / Московский городской педагогический университет. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 371–374.

⁵⁴ Летова Н.В. Правовое положение детей по законодательству Российской Федерации / Н.В. Летова; Ин-т государства и права Российской акад. наук. М.: ИГП РАН. 2011. С. 7.

⁵⁵ Астапова Т.Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования законодательства // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 2.

вывод о том, что в настоящее время сила социального авторитета в сфере государственного контроля и регулирования семейных отношений достаточно велика»⁵⁶. При этом регламентации частноправовых вопросов, затрагивающих в том числе детско-родительскую часть семейного права, законодатель уделяет недостаточно внимания, что приводит к тому, что они до сих пор остаются на уровне регулирования, сложившегося в конце 90-х годов XX века.

1.2. Понятие принципов международного права о защите прав и интересов детей и способы их реализации в российской правовой системе

Необходимость проведения детального анализа и научной разработки понятия такой правовой категории, как принципы защиты прав и интересов детей, обусловлена особой уязвимостью детей в спорах, касающихся их прав, а также отсутствием единообразия в толковании и применении принципов и норм, регламентирующих процессуальные и материальные аспекты защиты детей.

Международные конвенции о защите прав и интересов детей являются важнейшим международным инструментом, направленным на защиту детей. Они устанавливают нормы и принципы, которые государства-участники должны соблюдать при разработке своих законов и политик в отношении детей. Несмотря на значительный прогресс в области защиты прав и интересов детей, многие страны сталкиваются с серьезными проблемами и вызовами в реализации этих конвенций, и Российская Федерация не является исключением.

Для эффективного функционирования любого правового института или категории необходимо иметь четкий алгоритм, основанный на правовых

⁵⁶ Сурдина А.И. Критерии содержания и осуществления родительских прав в отношении несовершеннолетних детей в философии Джона Дьюи // Государственная служба. 2023. № 4 (144). С. 26.

принципах. Пробелы в правоприменительной практике возникают, если правовые принципы не определены и не конкретизированы в доктрине. В результате могут возникать проблемы с применением норм права, что усложняет защиту прав и законных интересов субъектов правоотношений. Такая ситуация наблюдается, в частности, относительно реализации норм детских международных конвенций в национальном законодательстве.

«Между тем следует отметить, что, действительно, для реализации субъективных прав и юридических обязанностей участниками семейных отношений важное значение играют принципы. Они определяют содержание законов, устанавливают направления их совершенствования»⁵⁷.

Понятие принципов международного права о защите прав и интересов детей.

Для того чтобы определить место принципов международного права о защите прав и интересов детей в системе принципов российского права, необходимо уточнить их теоретическое определение. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к общим определениям принципов права и принципов семейного права.

По мнению И. Умновой-Конюховой, «современное толкование предполагает, что принципы уже не воспринимаются как простые элементы. Вместо этого, это сложные и интегрированные понятия, которые служат основой (корнями) для роста традиционных и конкретных норм права. Иными словами, они задают границы и содержание структуры нормативного здания или «правового дерева»⁵⁸.

Действительно, для формирования понятия принципов права в науке используется широкий спектр оснований. Несмотря на это, все они сходятся в придании принципам права фундаментального, исходного начала, необходимого для возникновения и эффективного функционирования права. Целью такого

⁵⁷Астапова Т.Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 3.

⁵⁸ Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики / И.А. Умнова-Конюхова. М.: РГУП, 2019. С. 10.

регулирования является достижение максимальной эффективности в управлении социально значимыми общественными отношениями.

Однако вопрос о том, насколько эффективно принципы защиты прав и интересов детей самостоятельно могут применяться, как исходные начала правового регулирования правоотношений с участием детей, в науке является довольно спорным. Так, в частности, Т. Подшивалов полагает, что в настоящее время «начинает ощущаться ослабление привычно констатируемого наукой положения о том, что «принципы помогают преодолеть пробелы в праве». Это доктринальное выражение, фактически уже ставшее устойчивой сентенцией, давно ожидает своего подтверждения за счет предметного исследования судебной практики со ссылкой на участие принципов в закрытии пробелов»⁵⁹.

За отправную точку в исследовании возьмем устоявшееся определение принципов семейного права, сформулированное Л. Пчелинцевой, которая констатирует, что «принципы семейного права представляют собой фундаментальные начала, на которых основывается семейное законодательство и практика его применения, обусловленные особыми предметом и методом регулирования семейных правоотношений»⁶⁰. Это определение, несомненно, получило общее признание в науке, но насколько оно коррелируется и может быть применимо к определению принципов защиты прав и интересов детей, которые традиционно рассматриваются как составная неотъемлемая часть принципов семейного права?

Нельзя не отметить, что предмет семейного права довольно широк, поэтому принципы и нормы, посвященные защите прав детей, теряются в массиве общеотраслевых принципов, что закономерно приводит к затруднениям при их определении, толковании и реализации.

Вопросы самостоятельности семейного права в рамках правовой системы Российской Федерации до сих пор являются предметом для научных дискуссий⁶¹,

⁵⁹ Подшивалов Т.П. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова; Г.С. Демидовой. М.: Проспект, 2019. С. 12.

⁶⁰ Семейное право России: краткий учеб. курс / Л. М. Пчелинцева. 4-е изд., перераб. М.: Норма, 2006. С. 23.

⁶¹ Беспалов Ю.Ф. Частное право: проблемы теории и практики / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016. С. 5.

что порождает проблемы определения места большинства правовых институтов в системе российского права, и принципы защиты прав и интересов детей в данном случае не являются исключением. «Для семейного права проблема определенности и целостности системы принципов является в значительной мере судьбоносной, так как в цивилистической доктрине вопрос об отраслевой самостоятельности семейного права пока еще является дискуссионным»⁶².

Поскольку семейное право строится на принципе соблюдения баланса частных и публичных методов регулирования, что обусловлено особым интересом государства в обеспечении нормального функционирования семьи и максимально эффективной защиты прав и интересов детей, определение, систематизация и классификация принципов реализации норм международных соглашений в национальном законодательстве должны рассматриваться именно через призму функционирования системы межотраслевых связей для обеспечения разумного баланса интересов всех участников правоотношений. Метод научного исследования межотраслевых связей, обоснованный М. Чельшевым, заключается в «выявлении особенности функционирования системы межотраслевых связей»⁶³ исследуемого явления.

Представляется, что для полноценного теоретического анализа принципы защиты прав и интересов детей необходимо рассматривать как сложносоставное, межотраслевое, междисциплинарное явление, поскольку оно, несомненно, выходит за рамки предмета семейного права. Как отмечает М. Шелютто, «надлежащая, полная реализация конституционных положений, имеющих семейно-правовое значение, невозможна исключительно в границах семейного законодательства, она обеспечивается системой норм разноотраслевой природы»⁶⁴.

⁶² Рабец А.М. Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 9.

⁶³ Комиссарова Е.Г. Влияние методологии на выбор методов исследования в цивилистике. Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. научных статей / отв. ред. А.В. Габов. М.: Статут, 2016. С. 101.

⁶⁴ Шелютто М.Л. Реализация конституционных принципов семейного права в российском законодательстве // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 56–64.

Данный вывод подтверждается, в том числе, и анализом судебной практики, доказывающим, что принципы, закрепленные Конвенцией, применяются судами для обоснования решений не только при рассмотрении семейных споров. Кроме того, положения Конвенции применяются как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами разных уровней. При этом совершенно не имеет значения, затрагивают ли споры права и интересы конкретных детей или неопределенного круга несовершеннолетних.

Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15 декабря 2021 г. по делу № А40-41871/2019⁶⁵ суд ссылается в числе прочего на положения статьи 3 Конвенции при отмене судебных актов нижестоящих судов о включении квартиры должника в конкурсную массу и направлении дела на новое рассмотрение. При обосновании своей позиции суд указал на то, что при вынесении решений судами не был принят во внимание тот факт, что спорная квартира является единственным жильем для проживания несовершеннолетних на территории РФ, интересы детей были проигнорированы, а к участию в деле не были привлечены компетентные органы.

В деле по заявлению администрации Волгограда в лице комитета муниципального заказа к Управлению Федеральной антимонопольной службы по Волгоградской области Арбитражный суд Поволжского округа рассматривал вопрос о нарушении Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». При отмене судебных актов в Постановлении от 14 октября 2014 г. по делу № А12-6722/2013⁶⁶ суд также ссылается на статью 3 Конвенции, поскольку заказ размещался на поставку продуктов питания для образовательных учреждений, и все вопросы, связанные

⁶⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 декабря 2021 г. по делу № А40-41871/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3f73d457-e99b-4054-a957-d3cdcafc17f1/ef216dde-e7e4-4144-af58-910635d3a74f/A40-41871-2019_20211215_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.02.2023).

⁶⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 октября 2014 г. по делу № А12-6722/2013. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/05565be1-344b-4df7-9a97-2a5dbab58be8/8dcce105-2bf2-4222-9133-33ea9543c52f/A12-6722-2013_20141014_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.02.2023).

со спорами о проведении торгов, так или иначе затрагивали права и законные интересы несовершеннолетних.

Важно отметить, что, в отличие от первого примера, где суд рассматривал вопросы, затрагивающие конкретных детей, в данном деле перед судом стоял вопрос о защите прав и законных интересов неопределенного круга несовершеннолетних, обучающихся в детских образовательных учреждениях.

Вывод о межотраслевом действии принципов защиты прав и интересов также можно сделать и на основе практики Комитета ООН по правам ребенка.

Так, в Соображении Комитета по правам ребенка, принятым в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения от 25 января 2023 г. № 101/2019 по делу «З.М. против Швейцарии», рассматривалось дело гражданки России, жительницы Чеченской республики, относительно процедуры высылки ее и детей в результате отказа в предоставлении убежища. Дело было осложнено фактами семейного насилия, свидетелями которого были дети, а также угрозой смерти или наказания в случае возвращения на родину в результате обвинения заявительницы в супружеской измене, а также отобрание детей родственниками супруга⁶⁷.

В Соображении Комитета по правам ребенка, принятом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения от 25 января 2023 г. № 130/2020 по делу «С.Е.М.А. против Франции» предметом рассмотрения стала ситуация, связанная с отказом несопровождаемому ребенку-мигранту, гражданину Пакистана, находящемуся в ситуации улицы, в доступе к системе защиты детей, в результате чего он был лишен доступа к социальным услугам, образованию и жилью. Кроме того, в указанном Соображении Комитетом рассматривалось нарушение процедуры определения возраста, а также произвольное изменение его индивидуальности (несоответствующего возраста и даты рождения), и, как

⁶⁷ Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщения от 25 января 2023 г. № 101/2019 по делу «З.М. против Швейцарии» (CRC/C/92/D/101/2019). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3807/en-US> (дата обращения: 18.12.2023).

следствие, лишение несовершеннолетнего права на защиту, закрепленного статьями 3 и 12 Конвенции о правах ребенка⁶⁸.

Соображение Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 г. по делу «Н.Б. против Грузии» было посвящено защите ребенка от физического и психического насилия со стороны воспитателя в детском саду, нарушению права на доступ к личной информации, отсутствию должной реакции и расследования инцидента со стороны государственных и административных органов⁶⁹.

Анализ значительного объема судебной практики и практики Комитета ООН по правам ребенка, содержащей ссылки на основные принципы Конвенции, но непосредственно не связанной с рассмотрением семейных споров, позволяет сделать однозначный вывод о том, что принципы защиты прав и интересов детей применяются для регулирования большого массива правоотношений, в которых прямо или косвенно участвуют дети (семейные, жилищные, административные, налоговые, корпоративные, миграционные и иные), что явно свидетельствует о межотраслевом характере данной категории.

Соответственно, ключевым аспектом, который объединяет принципы международного права о защите прав и интересов детей, служит их уникальная структура, сочетающая в себе как фундаментальные материально-правовые, так и процедурные процессуально-правовые структурные элементы, которые не привязаны к какой-либо одной области права и выходят далеко за рамки узкоспециализированных норм. Этот факт подчеркивает необходимость для государства гарантировать выполнение международных принципов о защите прав и интересов детей через целостный механизм реализации на уровне всей системы национального права.

Таким образом, основываясь на общих определениях, выработанных в науке, можно определить *принципы международного права о защите прав и*

⁶⁸ Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщения от 25 января 2023 г. № 130/2020 по делу «С.Е.М.А. против Франции» (CRC/C/92/D/130/2020). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3747/en-US> (дата обращения: 18.12.2023).

⁶⁹ Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщения от 1 июня 2022 г. № 84/2019 по делу «Н.Б. против Грузии» (CRC/C/92/D/84/2019). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3053/en-US> (дата обращения: 18.12.2023).

интересов детей как совокупность основных фундаментальных начал, которые являются ценностными ориентирами и обуславливают главные направления защиты прав и интересов детей на межотраслевом уровне посредством эффективного механизма реализации норм международных договоров в национальной правовой системе.

Однако важно отметить, что при разрешении споров, затрагивающих интересы несовершеннолетних, суды далеко не всегда применяют положения международных конвенций о защите прав и интересов детей, а ссылки на международно-правовые нормы зачастую носят сугубо формальный характер, и решения далеко не всегда выносятся через призму основных принципов защиты прав детей. «При этом речь идет в основном не о разрешении противоречия между российским законодательством и Конвенцией на основании последней, а скорее о дополнительной правовой аргументации позиции, занятой судом в защиту прав и интересов ребенка, или о случаях отсутствия прямой нормы, на основании которой может быть разрешено дело»⁷⁰.

Способы реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей в российской правовой системе.

В научных кругах также остро обсуждается вопрос, связанный с разработкой системы и механизмов эффективной реализации объективных принципов защиты прав и интересов детей, не зависящей от норм позитивного права и от субъективного толкования содержания этих норм. Данный факт свидетельствует о том, что в настоящее время назрела необходимость определения места международных принципов защиты прав и интересов детей, на которых выстраивается система защиты детей в общей правовой системе.

В первом параграфе был дан краткий обзор основных этапов развития принципов защиты прав детей не случайно. Нам необходимо четко понимать, что данная категория была сформирована на международно-правовом уровне, поэтому встраивание норм международного права в национальную систему

⁷⁰ Шелютто М.Л. Конвенция ООН о правах ребенка и конституционный уровень защиты прав детей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 2(57). С. 30–36.

требует от государств не только ратификации конвенций и соглашений, но и принятия на внутреннем уровне эффективных мер, способных обеспечить полное соблюдение обязательств, предусмотренных этими договорами.

Положения части 4 статьи 15 Конституции РФ, несомненно, имеют важное значение для решения вопроса о применении норм международных договоров в случае, если в них содержатся иные правила, чем предусмотрены национальным законом. Применительно к анализу Гагской конвенции от 28 октября 1980 г. О. Хазова отметила важность следования судами «принципам, заложенным в самой Конвенции, и правилам, выработанным конвенционной судебной практикой, для обеспечения единообразного применения Конвенции в разных странах»⁷¹. Это заключение определено может быть применено к механизмам реализации любого международного договора, поскольку носит обобщающий характер.

Однако «вопрос заключается в том, вправе ли все суды самостоятельно устанавливать соответствие законов международным договорам и в случае несоответствия применять договорное положение вместо нормы закона... поскольку функция суда состоит в том, чтобы применять право, а не конструировать его»⁷². В данном случае снова встает вопрос о взаимозависимом статусе всех уровней механизма реализации принципов защиты прав детей, поскольку проблема целесообразности закрепления принципов в позитивном праве стоит довольно остро. Представляется, что для решения поставленной задачи необходимо определить не только место принципов защиты прав и интересов детей в национальной правовой системе, но также выяснить, при каком их положении и закреплении возможно наиболее эффективное осуществление защиты детей.

⁷¹ Хазова О.А. Некоторые аспекты трактовки понятий незаконного перемещения и незаконного удержания ребенка в контексте Гагской Конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 г. // Закон. 2016. № 10 (октябрь). С. 175–186.

⁷² Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 160–173.

Концептуально можно выделить несколько подходов к определению способов реализации принципов международного права в национальной правовой системе:

- усиление влияния принципов посредством их конституционализации;
- реформирование законодательства, внесение изменений и дополнений в уже действующие нормативные правовые акты, принятие новых законов;
- разработка различных программ и стратегий;
- обеспечение приоритетной защиты прав и интересов детей в процессе правоприменения.

Встраивание любого принципа в Основной Закон государства, несомненно, делает его общеобязательным не только для суда, но и для законодательных и административных органов, и существенно повышает уровень осуществления норм международных договоров в национальной системе. Такой подход способствует распространению принципов на всех, кто имеет дела с детьми, не зависимо от характера сложившегося правоотношения.

Фактически попытка реализации первого подхода при определении места принципов защиты прав и интересов детей была предпринята законодателем в 2020 г., благодаря чему в Конституцию РФ были включены положения о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, а создание условий для достойного воспитания детей в семье находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Так, А. Рабец, анализируя в своем исследовании положения новой Конституции РФ, делает вывод, что с учетом новых конституционных поправок защита прав детей дополнилась новыми блоками «социально-правовых», «политико-правовых» и «детско-родительских» принципов⁷³.

И если с первыми двумя блоками вполне можно согласиться, то при анализе текста Конституции РФ можно заметить, что третий блок, касающийся детско-родительских отношений, в обновленной редакции Основного Закона

⁷³ Рабец А.М. Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 9.

практически отсутствует. В частности, в качестве новых принципов автор приводит в пример принцип равенства в семейных правоотношениях вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств (часть 2 статьи 19), с чем согласиться нельзя, поскольку этот принцип недискриминации не претерпел изменений, и из него лишь косвенно возможно вывести равенство прав взрослых и детей (подробнее о дискриминации по возрастному признаку будет раскрыто в параграфе 2.1 настоящего исследования).

Принципы приоритетности детствосбережения в государственной политике и приоритета семейного воспитания детей, закрепленные в части 4 новой статьи 67.1, также нельзя отнести к блоку детско-родительских, поскольку о семейном воспитании в ней упоминается через призму переориентации обязанностей родителей на государство в случае, если ребенок остается без попечения.

Кроме того, нельзя не отметить, что признание детей важнейшим достоянием в том виде, в котором оно сформулировано в Основном Законе, оставляет широкое поле для субъективных оценок и дискуссий и не может само по себе стать основанием для признания ребенка самостоятельным субъектом права в том контексте, который предполагается Конвенцией и содержащимися в ней принципами.

Этот вывод ярко иллюстрируется явным оживлением дискуссий в рамках отечественной научной мысли. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что «принятая формулировка содержит не только характеристику значимости, но также и большой потенциал реализации действий в отношении детей, свойственных политике как таковой»⁷⁴. Несомненно, эти поправки дали толчок к изменению ситуации и пересмотру положения ребенка в семье и социуме. Но представляется, что кардинально поправки проблеме не решили, поскольку ребенок рассматривается не как самостоятельный субъект, а скорее как объект государственной политики. Права ребенка продолжают рассматриваться как

⁷⁴ Емелина Л.А. Конституционный принцип защиты прав ребенка в России и проблемы его реализации // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021г.) РАН, ИНИОН, отд. правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. М., 2022. С. 13–21.

надстройка в целостной структуре семьи как единого организма, а учет интересов ребенка до сих пор отсутствует среди основ семейного законодательства⁷⁵.

Проблемам, связанным со вторым подходом к реализации принципов защиты прав и интересов детей и поиском их места в правовой системе, в работах ученых и юристов также уделяется немало внимания. Необходимость реформирования законодательства, принятие новых законов является предметом большого количества теоретических и практических работ. Как справедливо замечает Н. Варламова, «в результате конституционной реформы 2020 г. Конституция Российской Федерации пополнилась новыми нормами-ценностями. Дальнейшее развитие данных норм зависит от их толкования, конкретизации и непосредственного применения»⁷⁶.

Невозможно отрицать тот факт, что корректировка действующих законов, а также принятие качественно новых нормативных правовых актов позволяет избежать противоречий между национальным и международным правом. Особенно этот подход актуален с внесением в Основной Закон положений о неисполнении решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции РФ.

Так, Ю. Беспалов констатирует, что «российская государственная семейная политика, семейное законодательство, правоприменение по семейным делам не имеют единых системных подходов к существу семейных отношений, их ценности для человека, общества и государства в целом»⁷⁷, что однозначно свидетельствует о необходимости разработки концептуально нового подхода к реформированию законодательства, затрагивающего права и интересы детей.

В июле 2020 г., после принятия поправок в Конституцию РФ, в Государственную Думу был внесен проект федерального закона № 989008-7 «О

⁷⁵ Кравчук Н.В. Принцип развивающихся способностей ребенка: теория и практика // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021г.) РАН, ИНИОН, отд. правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. М., 2022. С. 122–132.

⁷⁶ Варламова Н.В. Права человека и «юриспруденция ценностей» // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 11–45.

⁷⁷ Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. С. 6.

внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи». Однако концепция данного законопроекта полностью лежала в сфере публично-правового регулирования семейных правоотношений, оптимизации механизмов и средств государственной защиты семьи, введении института родительской ответственности и не затрагивала частноправовую сферу семейных правоотношений.

Предлагаемые к принятию поправки в Семейный кодекс Российской Федерации, которые в настоящее время разрабатываются Исследовательским центром частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, «исходят из необходимости обеспечить понимание ключевого значения правосубъектности ребенка, в первую очередь обязанностей родителей в отношении детей; соблюдение наилучших интересов ребенка и учет его развивающихся способностей; а также гибкость правового регулирования положения ребенка в семье в целом»⁷⁸.

Представляется, что наиболее успешным примером реализации принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей стало принятие Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей»⁷⁹. В соответствии с этим законом самые значительные изменения и дополнения были внесены в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, который, в частности, был дополнен главой 22.2 «Производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации». Кроме того, немногим ранее было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности,

⁷⁸ Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

⁷⁹ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2331.

возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей»⁸⁰. Необходимо отметить, что данные изменения и дополнения, а также принятие новых нормативных правовых актов обеспечили впоследствии максимально эффективный уровень реализации принципов данной Конвенции, поскольку стали основой для качественного взаимодействия всех уровней реализации принципов – законодательного, административного и судебного.

В качестве еще одного перспективного направления реформирования законодательства многие ученые предлагают рассматривать создание специализированных судов, российский и зарубежный опыт успешного функционирования которых неоднократно был предметом рассмотрения в научной литературе. Для российской правовой системы идея не нова, поскольку опыт создания специализированных судов в России уже имеется, и довольно успешный (например, Суд по интеллектуальным правам). Предполагается, что создание подобного судебного механизма позволит вывести на ступень выше реализацию принципов защиты прав и интересов детей в ракурсе обязательств, поставленных перед государством международными договорами⁸¹.

Кроме того, в настоящее время живую дискуссию вызывает обсуждение идеи о разработке и принятии качественно нового нормативного правового акта, основополагающими принципами действия которого должны стать, среди прочего, принципы международных конвенций о защите прав детей. Так называемый Кодекс детства должен представлять собой межотраслевой документ, который не будет ограничен исключительно семейными правоотношениями. Предполагается, что он должен охватывать весь спектр правоотношений, затрагивающих права и интересы детей, поскольку именно в этот документ может

⁸⁰ Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 141.

⁸¹ См., например: Кистринова О.В. Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. 2015. № 2. С. 9–11; Филиппов С.А., Цепкова Т.М. Нужны ли России «семейные суды»? Культура и качество правосудия по семейным делам // Правовая культура. 2018. № 3. С. 72–81; Рыженков А.Я. Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9. С. 59–65; Вуколова А.И., Казанкова Т.Н. Правовые проблемы взыскания алиментов в Российской Федерации // Актуальные проблемы правоведения. 2022. № 1 (73). С. 11–14.

быть гармонично встроена рассматриваемая категория, которая будет предопределять весь спектр основных направлений защиты детей на межотраслевом уровне.

Обсуждению концепции «Кодекса детства» посвящено немало секций, докладов и выступлений на научно-практических конференциях и конгрессах. Так, в рамках XI Международного Юридического форума 2023, прошедшего в Санкт-Петербурге, этому вопросу была посвящена отдельная секция «Кодекс детства: юридические фантазии или реальная необходимость?», в ходе которой ведущие специалисты и ученые в области права, политики, медицины, образования обсуждали перспективы принятия такого масштабного межотраслевого документа⁸².

Третий концептуальный подход основывается на реализации принципов через принятие и осуществление различных национальных программ, стратегий и концепций. В Замечаниях общего порядка № 5 (CRC/GC/2003/5) Комитет ООН по правам ребенка разъясняет свою позицию в отношении таких мероприятий: «хотя некоторые из этих факторов могут представляться по сути своей лишь средствами косметического улучшения положения, их возникновение по меньшей мере свидетельствует об изменении концептуального подхода к представлению о месте, занимаемом детьми в обществе, решимости ставить проблемы детей на более высокий уровень в шкале политических приоритетов и более глубоком осознании воздействия государственного управления на решение проблем детей и обеспечение их прав человека»⁸³.

Реализация государственной политики в интересах детей является одним из приоритетных направлений в Российской Федерации. Продуманность и последовательность действий в данной сфере подтверждается несколькими стратегическими документами.

⁸² URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/2828/> (дата обращения: 30.04.2023).

⁸³ Замечания общего порядка № 5(2003) «Общие меры по осуществлению конвенции о правах ребенка» (CRC/GC/2003/5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en (дата обращения: 30.04.2023).

Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на период с 2012 по 2017 годы⁸⁴. Указом Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 объявлено Десятилетие детства с 2017 г. до 2028 г.⁸⁵ Для успешной реализации намеченных задач Правительством РФ приняты решения, которыми предусмотрены различные мероприятия в интересах детей. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. была утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р⁸⁶.

Далее, Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 утверждена Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года⁸⁷, Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2023 г. № 3233-р утвержден план мероприятий по реализации Стратегии до 2023 г.⁸⁸

Данная Стратегия представляется стратегически важной для реализации принципа приоритета детей в государственной политике, поскольку создает условия для разработки решений органами государственной власти и органами местного самоуправления, которые формируют систему комплексной безопасности детей; помогает выявить и предотвратить угрозы безопасности детей; определить приоритетные меры и обеспечить их эффективность при реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей.

Подобная государственная поддержка и защита интересов детей не только способствует их благополучию, но и является гарантией успешного будущего страны. Но насколько эффективна данная концепция для развития приоритетного направления в области защиты прав детей и реализации основных принципов

⁸⁴ Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418> (дата обращения: 30.04.2023).

⁸⁵ Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 30.04.2023).

⁸⁶ Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 30.04.2023).

⁸⁷ Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305170008> (дата обращения: 30.04.2023).

⁸⁸ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2023 г. № 3233-р Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2023 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311270040> (дата обращения: 30.04.2023).

Конвенции, в настоящее время говорить сложно. Этот подход предполагает довольно длительный, многовекторный и многоуровневый процесс.

Очень интересен опыт, описанный в исследовании А. Филиповой и Н. Бухтияровой, где с помощью количественного контент-анализа была проверена результативность мероприятий, проведенных в рамках Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. В ходе исследования учеными был сделан вывод о том, что «несмотря на шестилетний период действия Нацстратегии, с 2012 по 2017 гг., сложно говорить о существенных изменениях в практиках детского участия на уровне семьи, школы, муниципалитета, а также об изменении отношения взрослых к детям»⁸⁹.

При этом, как уже отмечалось ранее, признавая детей важной приоритетной составляющей государственной политики, законодатель в настоящее время идет по пути регулирования брачно-семейных отношений через призму защиты публичных интересов. Такой подход, несомненно, обеспечивает эффективную реализацию и основных принципов, заложенных Конвенцией о правах ребенка. Однако представляется, что механизм реализации должен затрагивать, в том числе, и сферу частноправового регулирования, поскольку в области семейных правоотношений преобладают именно частноправовые нормы, регулирующие взаимоотношения между членами семьи.

Четвертый способ реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей базируется на утверждениях о том, что в связи со спецификой семейных отношений позитивное право далеко не всегда может эффективно их регулировать, о чем в свое время рассуждали еще Д. Мейер, А. Загоровский, И. Покровский. По их словам, право, хоть и не статично, но не всегда успевает мгновенно реагировать на происходящие в государстве социокультурные изменения в обществе, поэтому такие правоотношения часто подчиняются «определениям закона физиологического и закона нравственного,

⁸⁹ Филипова А.Г. О смыслах, барьерах и практиках участия детей: размышления над седьмым разделом Национальной стратегии действий в интересах детей / А.Г. Филипова, И.Н. Бухтиярова // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 1. С. 23–36.

нежели определениям права»⁹⁰. Именно поэтому обеспечение приоритетной защиты прав и интересов детей не через нормы позитивного права, а в процессе правоприменения является еще одним способом эффективной реализации принципов защиты прав и интересов детей, наиболее приближенным к реальным условиям существования семейных отношений в данном конкретном промежутке времени.

Об этом не раз упоминал в своих актах Конституционный Суд Российской Федерации. Так, например, в Постановлении от 8 июня 2010 г. № 13-П суд указал, что во исполнение соблюдения баланса интересов между интересами родителей и коррелирующими интересами детей в зависимости от конкретных обстоятельств интересы детей могут быть поставлены в приоритет перед интересами взрослых⁹¹. Такой подход, в том числе, позволяет создавать более гибкие условия для реализации принципов о защите прав и интересов детей, заложенных в международных конвенциях.

Кроме того, в настоящее время наблюдается тенденция расширенного применения принципов международного права о защите прав и интересов детей. Следуя веяниям времени, некоторые исследователи делают вывод о необходимости корректировки законодательства не только с учетом четырех принципов, определенных Комитетом ООН по правам ребенка в Замечаниях общего порядка № 5 (CRC/GC/2003/5) в качестве приоритетных, но и с учетом новых, формирующихся, принципов.

Одним из таких правообразующих концепций предлагается рассматривать принцип развивающихся способностей ребенка, которая, по мнению ученых, «должна быть признана одним из руководящих принципов толкования соответствующих норм права»⁹². В настоящее время принцип развивающихся

⁹⁰ Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2023. С. 755.

⁹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П // СПС «Гарант».

⁹² См., например: Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38; Кравчук Н.В. Принцип развивающихся способностей ребенка: теория и практика // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021г.) РАН, ИНИОН, Отд. Правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. М., 2022. С. 13–21.

способностей ребенка как раз может быть реализован не через нормы позитивного права, а на этапе правоприменения.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что принципы международного права о защите прав и интересов детей обладают межотраслевым характером и не должны быть ограничены исключительно нормами Семейного кодекса Российской Федерации. Актуальность вопроса об определении места этой категории в системе принципов российского права является очевидной, однако на сегодняшний день механизм, позволяющий разработать и закрепить целостную систему принципов защиты прав и интересов детей, в российской правовой системе отсутствует.

Глава 2. Условия реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей в правовой системе Российской Федерации

2.1. Имплементация принципов международного права о защите прав и интересов детей и механизм их реализации в правовой системе Российской Федерации

Анализ исторического аспекта развития основных принципов защиты прав детей наглядно показал, что начиная с середины XX в. влияние норм международного права на формирование российского семейного права было настолько существенным, что вопрос о непосредственной реализации норм и принципов, заложенных в международных договорах, до сих пор вызывает полемику в научных кругах.

Кроме вопросов, связанных с реализацией международно-правовых принципов в национальной правовой системе, в теории также ведется непрекращающаяся дискуссия о соотношении норм международного и внутригосударственного права. Внесение изменений в Конституцию РФ в 2020 г. еще больше усилило данные противоречия. Для решения проблемы осуществления универсальных норм и принципов во внутригосударственной правовой системе этот вопрос требует дополнительных научных пояснений.

Представляется, что одна из причин данной полемики кроется в различном понимании и толковании понятий «имплементация» и «реализация» международных договоров, что, в свою очередь, разделяет исследователей на тех, кто признает примат международного права в правовой системе Российской Федерации, и на тех, кто его отвергает.

В соответствии с текстом Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.⁹³ заключение любого международного договора проходит три обязательных стадии:

1. Согласование и принятие текста договора;
2. Установление аутентичности текста;
3. Выражение согласия государства на обязательность договора.

Согласно статье 11 Венской конвенции, третья стадия заключения международного договора может быть выражена через непосредственное подписание текста договора, обмен документами, через его ратификацию, принятие, утверждение, а также присоединение к нему. Перечень способов выражения согласия не является исчерпывающим. Исходя из анализа данной нормы, можно сделать вывод, что конструкция третьей стадии есть не что иное, как имплементация государством норм международного договора в структуру национального законодательства. При этом необходимо отметить, что вопросы дальнейшей внутренней реализации международных норм, по которым государство выразило согласие на обязательность, не входят в стадию имплементации в том понимании, в котором она интерпретируется главным источником права международных договоров.

Еще А. Гавердовский в своем фундаментальном исследовании института имплементации международно-правовых норм предложил следующее понятие: «Имплементация норм международного права – это целенаправленная организационно-правовая деятельность государств, предпринимаемая индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств»⁹⁴.

То есть имплементация – это механизм, который осуществляется государством посредством проведения различных правовых процедур,

⁹³ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 25.11.2023).

⁹⁴ Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права / А.С. Гавердовский. Киев: Выща школа, 1980. С. 62.

определенных международным правом и закрепленных национальным законодательством, последствием которых является принятие государством обязательств по международному соглашению. Механизм имплементации предшествует последующей реализации норм и принципов международного договора в рамках национальной юрисдикции. Реализация же, в свою очередь, является внутренней самостоятельной деятельностью государства, принявшего на себя обязательство по международному договору.

Представляется, что подход, изложенный А. Гавердовским, разделяющий процессы имплементации и реализации, наиболее четко соответствует сегодняшнему времени и дает основания для приведения к единому знаменателю дискуссии о соотношении международного и национального права в процессе реализации государством унифицированных норм.

Кроме того, такой подход о разделении процедур имплементации и реализации международного договора поддерживается и Комитетом по правам ребенка. Так, в пункте 20 Замечаний общего порядка № 5 (2003) «Об общих мерах по осуществлению Конвенции о правах ребенка» Комитет поясняет, что «сама по себе имплементация не избавляет от необходимости обеспечить, чтобы все соответствующие положения внутреннего законодательства, включая любые местные законы или нормы обычного права, были приведены в соответствие с Конвенцией»⁹⁵. Встраивание Конвенции в структуру национального законодательства страны подразумевает возможность ее прямого использования в судебных делах и при исполнении законов местными властями, а также предусматривает приоритет ее положений в случае противоречий с национальным законодательством или устоявшейся практикой. Тем не менее даже успешная имплементация Конвенции требует дополнительных усилий для гарантии соответствия всех релевантных отечественных нормативов стандартам, установленным Конвенцией.

⁹⁵ Замечания общего порядка № 5 (2003) «Об общих мерах по осуществлению Конвенции о правах ребенка». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2F2003%2F5&Lang=en (дата обращения: 22.08.2023).

В настоящем исследовании предлагается рассматривать имплементацию как публичную деятельность по признанию и закреплению государством обязательства по международно-правовому договору и включение содержащихся в нем принципов и норм в национальную правовую систему. Реализацию же норм международного договора в таком случае необходимо определять как деятельность государства по осуществлению имплементированных в правовую систему норм международных договоров или решений международных организаций.

При таком разделении двух понятий целесообразно определить реализацию международных договоров как исключительно внутригосударственную деятельность, связанную с международным правом только через необходимость исполнения взятых государством международных обязательств, но при этом определяемую существующими в государстве традициями, взглядами, устоями и ценностями. При этом вопросы о способах и механизмах реализации норм международного права – это вопросы, входящие исключительно во внутреннюю компетенцию государства.

Именно такой подход дает нам возможность ответить на дискуссионный вопрос, связанный с полемикой между частью 4 статьи 15 Конституции РФ о главенствующей роли международных договоров в правовой системе России и статьей 79 Конституции РФ о неисполнении решений межгосударственных органов, если такие решения противоречат Основному Закону⁹⁶.

Представляется, что при предложенном выше разграничении процессов имплементации и реализации и определении реализации международных договоров исключительно как внутригосударственной деятельности, основанной на существующих в государстве обычаях, взглядах, устоях и ценностях, не приходится говорить о примате международного права над национальным правом. Представляется, что этот вопрос необходимо рассматривать в ракурсе дискуссий о соотношении толкования международными организациями

⁹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.

унифицированных норм, по которым государство взяло обязательства в соответствии с национальным законодательством.

Таким образом, для надлежащего осуществления норм и принципов международного договора недостаточно только его имплементации, поскольку имплементация – это первый этап встраивания международного договора в национальную правовую систему, который заключается в признании и закреплении государством международно-правового обязательства. «Автоматически» принципы права не могут быть реализованы в правовой системе государства, для этого должна быть выстроена эффективная многоуровневая модель реализации, позволяющая надлежащим образом обеспечить их закрепление и осуществление в рамках правовой системы государства.

Так как в настоящей работе рассматриваются вопросы, связанные с реализацией принципов международного права о защите прав и интересов детей, представляется, что анализ этого механизма целесообразно рассматривать на основании главных принципов, закрепленных Конвенцией о правах ребенка 1989 г., которая, как было сказано в предыдущей главе, оказала колоссальное влияние на формирование основных принципов российского семейного права.

В статье 4 Конвенции содержится требование к государствам-участникам принимать все необходимые законодательные, административные и другие меры для осуществления признанных в ней прав и интересов детей.

Важной частью роли государства в реализации Конвенции является надзор за исполнением основных норм, стандартов и принципов. В соответствии со статьей 44 Конвенции ООН о правах ребенка государства-участники с периодичностью в пять лет обязаны предоставлять в Комитет ООН по правам ребенка доклады о мерах по выполнению положений Конвенции, в том числе о конкретных мерах по реализации основных ее принципов. Российской Федерацией с момента ратификации Конвенции было предоставлено несколько докладов о достигнутом прогрессе в данной сфере и имеющихся трудностях⁹⁷:

⁹⁷ См. База данных договорных органов ООН. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/TBSearch.aspx?Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

- Первый периодический доклад о выполнении Конвенции о правах ребенка охватывает период с 1990 по 1992 г.⁹⁸ Был рассмотрен на третьей сессии Комитета Организации Объединенных Наций по правам ребенка 21–23 января 1993 г.⁹⁹

- Второй периодический доклад Российской Федерации о выполнении Конвенции о правах ребенка охватывает период с 1993 по 1997 г.¹⁰⁰ Был рассмотрен на двадцать второй сессии Комитета Организации Объединенных Наций по правам ребенка 23 сентября 1999 г.¹⁰¹

- Третий периодический доклад о реализации Российской Федерацией Конвенции о правах ребенка (CRC/C/RUS/3) охватывает период с 1998 по 2002 г.¹⁰² Был рассмотрен на сороковой сессии Комитета по правам ребенка 28 сентября 2005 г.¹⁰³

- Четвертый и пятый периодические доклады Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка охватывают период с 2003 по 2009 г.¹⁰⁴ Были представлены единым документом и рассмотрены на 65-й сессии Комитета по правам ребенка 23–24 января 2014 г.¹⁰⁵

⁹⁸ Первый периодический доклад о выполнении положений Конвенции о правах ребенка (CRC/C/3/Add.5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F3%2FAdd.5&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

⁹⁹ Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по первому периодическому докладу Российской Федерации от 18 февраля 1993 г. (CRC/C/15/Add.4). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F15%2FAdd.4&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁰⁰ Второй периодический доклад Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка (CRC/C/65/Add.5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F65%2FAdd.5&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁰¹ Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по второму периодическому докладу Российской Федерации от 10 ноября 1999 г. (CRC/C/15/Add.110). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F15%2FAdd.110&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁰² Третий периодический доклад Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка (CRC/C/125/Add.5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F125%2FAdd.5&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁰³ Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по третьему периодическому докладу Российской Федерации от 23 ноября 2005 г. (CRC/C/RUS/CO/3). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FCO%2F3&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁰⁴ Объединенные четвертый и пятый периодические доклады Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка (CRC/C/RUS/6-7). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2F4-5&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁰⁵ Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. (CRC/C/RUS/CO/4-5). URL:

- Шестой и седьмой периодические доклады о выполнении положений Конвенции охватывают период с 2011 по 2019 г.¹⁰⁶ Были рассмотрены на 2768-й и 2769-й сессиях Комитета Организации Объединенных Наций по правам ребенка 2 февраля 2024 г.¹⁰⁷

В рамках указанных докладов для формирования объективной картины реализации принципов Конвенции государство представляет статистические данные, отчеты о текущем состоянии законодательства, результатах административной работы, эффективности правоприменительной практики, а также иную информацию о выполнении соответствующих положений.

Исходя из анализа докладов, государство предоставляет периодический отчет об осуществлении положений конвенции преимущественно на трех уровнях – законодательном, административном и судебном, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что механизм реализации принципов международного договора не является односторонним и одноуровневым. Деятельность государства по выполнению своих обязательств и осуществлению международных договоров представляет собой единый процесс реализации международно-правовых принципов одновременно на трех уровнях.

1. Законодательный уровень. Охватывает принятие новых нормативных правовых актов, изменяющих и дополняющих национальные нормы права в целях обеспечения исполнения международно-правовых обязательств, а также надлежащего толкования международно-правовых норм.

2. Административный уровень. Заключается в создании национальных органов и организаций, выполняющих административные функции, связанные с обеспечением исполнения международно-правовых обязательств.

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FCO%2F3&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁰⁶ Объединенные шестой и седьмой периодические доклады Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка (CRC/C/RUS/6-7). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2F6-7&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁰⁷ Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по объединенным шестому и седьмому периодическим докладом Российской Федерации от 8 февраля 2024 г. (CRC/C/RUS/CO/6-7). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FCO%2F6-7&Lang=en (дата обращения: 03.03.2024).

3. Судебный уровень. Прежде всего связан с практикой применения национальными судами международно-правовых норм.

При этом необходимо отметить, что законодательный, административный и судебный уровни рассматриваемого механизма не тождественны деятельности законодательных, административных и судебных органов государства, а также способам реализации, которые рассматривались в параграфе 1.2.

Любой уровень механизма реализации необходимо понимать с точки зрения комплексного подхода, включающего в себя не столько деятельность конкретных органов и организаций, сколько совокупность методов и подходов, позволяющих полноценно встроить принципы международного права в национальную правовую систему государства.

Законодательный уровень.

В первую очередь необходимо отметить, что законодательный уровень механизма реализации основных принципов международного права о защите прав и интересов детей не ограничивается лишь деятельностью законодательных органов власти государства по созданию новых норм права. Именно поэтому законодательный уровень механизма реализации не релевантен полностью такому способу реализации, как принятие новых законодательных актов и внесение изменений в уже существующие.

Законодательный уровень представляет собой непрерывный процесс и включает в себя не только законотворческую деятельность различных государственных органов, но и деятельность иных государственных органов, некоммерческих организаций, социальных институтов гражданского общества, индивидов, направленную на приведение норм позитивного права и обычных норм в соответствие в принципами, заложенными в Конвенции.

Смысл данного уровня заключается в исполнении обязательства государств «обеспечить, чтобы положения Конвенции всеми надлежащими средствами были наделены юридической силой в их внутренних правовых системах»¹⁰⁸. При этом

¹⁰⁸ Замечания общего порядка № 5 (2003) «Об общих мерах по осуществлению Конвенции о правах ребенка». URL:

функция законодательного уровня все же заключается в пересмотре и целостной трансформации национального законодательства с целью обеспечения исполнения принципов международного права о защите прав и интересов детей в рамках правовой системы.

Так, например, ни в одном семейно-правовом нормативном акте нет закрепления ни материально-правовых, ни процессуально-правовых критериев принципа обеспечения наилучших интересов, есть перечень норм, устанавливающих конкретные права и обязанности субъектов по отношению к детям, но нет конструкций, позволяющих применять этот принцип обезличенно, что приводит к вольному его толкованию через субъективное восприятие каждой конкретной ситуации¹⁰⁹. В законодательных актах часто используется конструкция «права и законные интересы ребенка», получается, что законодатель сознательно разделяет эти правовые категории, но если права ребенка в законодательных актах четко закреплены, то в чем заключается категория «законные интересы ребенка», законодатель умалчивает. Кроме того, в различных нормах используются такие категории, как «законные интересы ребенка» и «интересы ребенка», при этом за рамками правовых конструкций остаются критерии, по которым законодатель разделяет эти понятия.

Реализация принципа уважения взглядов и учета мнения ребенка на законодательном уровне также до сих пор порождает дискуссии, как в науке, так и в практических кругах¹¹⁰. Представляется, что нормативное его закрепление в статье 57 Семейного кодекса Российской Федерации не соответствует тому уровню, который обеспечивает необходимый минимальный порог участия несовершеннолетних в принятии решений, непосредственно касающихся их

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2F2003%2F5&Lang=en (дата обращения: 18.07.2024).

¹⁰⁹ Кравчук Н.В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 98.

¹¹⁰ См., например: Величкова О.И. Выяснение мнения ребенка в судебном процессе: психолого-правовые подходы // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021г.) РАН, ИНИОН, отд. правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. М., 2022. С. 133–141; Ионова Д.Ю., Казиханова С.С. Актуальные проблемы судебной защиты прав несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 8. С. 42–48.; Чечулина А.А. К вопросу о реализации права ребенка быть заслушанным в суде // Российский судья. 2022. № 9. С. 18–22.

интересов. Во-первых, в законе устанавливается обязательный учет мнения ребенка только с десяти лет. Во-вторых, обязательный учет мнения ребенка ограничен минимальным кругом вопросов (изменение имени и фамилии, восстановление в родительских правах, усыновление и т.д.). Однако, так как ребенком признается лицо, не достигшее 18-летнего возраста, то получается, что даже при условии, что несовершеннолетний, достигший такого уровня зрелости, при котором он имеет возможность получить паспорт, в состоянии заключать брак, имеет право выбрать место жительства, отдельное от родителей, при решении конфликтных ситуаций не всегда имеет возможность повлиять на исход дела, непосредственно касающегося его интересов.

Реализация принципа недискриминации на законодательном уровне, в отличие от первых двух принципов, представляется наиболее успешной. Большой объем антидискриминационных норм содержит условия, закрепляющие запрет на установление различий при осуществлении детьми их прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. По этой причине в пункте 16 Ответов на вопросы Комитета по правам ребенка к шестому и седьмому периодическим докладам содержится утверждение о том, что «требование о принятии всеобъемлющего закона по борьбе с дискриминацией, представляется избыточным»¹¹¹. Однако проблемы, связанные с недискриминацией по иным обстоятельствам, остаются за рамками внимания законодателя. Действительно, не представляется возможным охватить все обстоятельства, которые могут препятствовать реализации прав и свобод несовершеннолетних. Однако как наука, так и практика помимо явной дискриминации признают наличие дискриминации скрытой, которая не всегда проявляется теми критериями, которые закреплены нормами права. К таким скрытым основаниям относится

¹¹¹ Ответы Российской Федерации на перечень вопросов в связи с ее объединенными пятым и шестым периодическими докладами от 1 ноября 2023 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FRQ%2F6-7&Lang=en (дата обращения: 15.12.2023).

дискриминация по признаку возраста. Именно поэтому законодателю необходимо установить критерии, позволяющие квалифицировать в качестве дискриминационных действия или бездействия субъектов права.

При реализации принципа, обеспечивающего право ребенка на жизнь, выживание и развитие также существуют определенные сложности, связанные с пробелами в законодательстве, а также с различным толкованием включенных в него понятий (например, соотношение момента рождения и момента возникновения правосубъектности, проблема учета развивающихся способностей ребенка, установление баланса между интересами ребенка в настоящем и будущем и т.д.).

По мнению многих исследователей, одним из характерных признаков принципов права является их нормативная закреплённость и конкретизация в позитивном праве, наряду с их предопределённостью экономическими и социальными особенностями развития общества, а также обобщающим характером содержания¹¹². Несмотря на то, что принципы по природе обладают векторными свойствами для правотворчества и правоприменительной практики, их смысл, значение и толкование должны быть доведены законодателем до участников правоотношений. Как подмечал в своих трудах А. Рыженков, «принципы права могут и должны конкретизироваться в нормах глав и параграфов соответствующих законов и, таким образом, решать поставленные перед соответствующей отраслью права задачи»¹¹³. Анализ судебной и административной практики, свидетельствующий об отсутствии единообразия в толковании и применении принципов защиты прав детей, явно свидетельствует о наличии существенных пробелов в этой области на законодательном уровне.

Как уже отмечалось, семейное законодательство не включает в перечень основных начал принципы Конвенции ООН о правах ребенка, не раскрывает суть этих принципов в законах и подзаконных актах, связанных с обеспечением прав детей, лишь частично и не всегда конкретно закрепляя отдельные их элементы в

¹¹² Умнова-Конюхова И.А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. М.: РГУП, 2019. С. 10.

¹¹³ Рыженков А.Я. Принципы семейного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 55.

различных нормах. Такое состояние законодательства непременно приводит к серьезным проблемам и нарушениям прав несовершеннолетних, поскольку «практика перестала применять принципы обезличено...»¹¹⁴. Данное утверждение еще раз свидетельствует о необходимости конкретизировать принципы в позитивном праве.

При этом целесообразно отметить, что в доктрине вопрос о таком свойстве принципов, как их нормативность, является довольно дискуссионным. Нельзя не согласиться с А. Коноваловым в том, что «Принципы права – объективная категория, их востребованность никак не влияет на авторитет их содержания. Реализация принципов, напротив, – категория субъективная, ценность которой обусловлена степенью ее соответствия субъективному первоисточнику»¹¹⁵. Нормативное закрепление не должно стать ограничивающим фактором для существования того или иного принципа. Формулирование конкретного содержания принципа в норме права – это один из этапов реализации принципа, но не его сущностный признак. Однако «закрепление принципа в норме права является наиболее сильным вариантом, создающим наилучшие предпосылки для его реализации на практике»¹¹⁶.

Многие положения Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» были заимствованы из Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. (например, статья 54 «Право ребенка жить и воспитываться в семье» коррелируется со статьей 9 Конвенции, статья 57 «Право ребенка выражать свое мнение» – со статьями 12 и 13 Конвенции, статья 64 «Равенство прав и обязанностей родителей» – со статьей 18 Конвенции и т.д.).

Глава 22.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации «Производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об

¹¹⁴ Подшивалов Т.П. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова; Г.С. Демидовой. М.: Проспект, 2019. С. 11.

¹¹⁵ Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2022. С. 105.

¹¹⁶ Там же. С. 115.

осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации» была принята прежде всего в целях эффективной реализации Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.¹¹⁷

Такой способ претворения принципов международных конвенций в национальное законодательство представляется наиболее оптимальным для единообразного их толкования и применения, что обеспечивает максимальный уровень защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Административный уровень.

В отличие от законодательного уровня административный уровень механизма реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей включает в себя координационное взаимодействие не только между национальными органами и организациями, институтами гражданского общества и индивидами, но и между разнонациональными и международными структурами с целью наиболее полной гармонизации и обеспечения эффективного осуществления и обеспечения защиты прав и интересов детей. Кроме того, административный уровень охватывает создание и регламентацию деятельности национальных органов и организаций, выполняющих функции, связанные с обеспечением исполнения международно-правовых обязательств.

Эффективность объективных принципов права – это один из важных элементов их реализации. Если принцип может быть эффективно адаптирован к каждому конкретному правоотношению, то этот фактор будет определяющим для констатации эффективности его реализации. Адаптация, в свою очередь, должна проходить по достаточно четким и понятным критериям и стандартам. Однако единых процедур, четких критериев, конкретных правил поведения либо иных руководящих указаний для административного уровня либо не имеется, либо они разработаны неполно, абстрактно и зачастую отвлеченно от реальных

¹¹⁷ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201405060004> (дата обращения: 13.12.2023).

правоотношений, в связи с чем особое значение придается субъективному усмотрению лиц, участвующих в разрешении конфликтов, затрагивающих права детей.

Так, например, в пункте 4.4. Методических рекомендаций органам опеки и попечительства разъяснено, что в акте обследования жилищных условий должны быть отражены результаты беседы с ребенком, о его отношении и привязанности внутри семьи, а также о мнении ребенка по вопросам, касающимся существа спора. При этом в том же документе Министерством просвещения Российской Федерации замечено, что «специалисты органов опеки и попечительства испытывают сложности в подготовке заключения по существу спора о воспитании детей, так как не владеют знаниями основ возрастной и социальной психологии, а также технологиями разрешения конфликтов (восстановительной медиации)»¹¹⁸. При этом требований к представителям органов опеки, полномочным проводить беседы с ребенком, данные методические рекомендации не содержат, что свидетельствует о существовании незакрытых пробелов на данном уровне.

Однако помимо явно недоработанных инструментариев, регламентирующих детские процедуры, есть и примеры успешной административной реализации принципов, одним из которых может служить создание центрального органа для обеспечения Гаагской конвенции о международном похищении детей. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 (в редакции от 19 декабря 2018 г.) «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» в целях реализации обязательств по главе 2 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. полномочия центрального органа возложены на

¹¹⁸ Методические рекомендации для органов опеки и попечительства по сопровождению семейных споров о месте жительства ребенка и порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя близкого родственника // Письмо Министерства просвещения РФ от 2 августа 2021 г. № 07-4282 «О методических рекомендациях». Всего 33% из опрошенных специалистов проходили повышение квалификации по основам конфликтологии, медиации в семейных конфликтах, участия органа опеки и попечительства в преодолении внутрисемейных конфликтов, и 20,5% по основам возрастной психологии, социальной психологии, педагогики // СПС «КонсультантПлюс».

Министерство просвещения Российской Федерации (изначально – Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования и науки РФ)¹¹⁹. Роль и деятельность Центрального органа по реализации профильной конвенции трудно переоценить, поскольку именно через практику данного органа происходит аккумулярование и выявление тех проблем, которые возникают при исполнении Конвенции.

Судебный уровень.

Судебный уровень является не только максимально субъективным, но и наиболее приближенным к жизненным конфликтным ситуациям. И чем более конкретным процесс реализации будет на законодательном уровне, чем четче принципы будут исполняться на административном уровне, тем меньше будет пробелов в практике судов, а также вынесенных решений, явно противоречащих основным принципам защиты прав и интересов детей.

Необходимо отметить, что судебный уровень реализации включает в себя не только соблюдение международных принципов о защите прав и интересов детей в рамках рассмотрения конкретных споров в национальных и международных судах, а также административных органах. Данный уровень, в том числе, охватывает разработку и внедрение адекватных и доступных процессуальных процедур и правил, направленных на защиту процессуальных прав и интересов детей (например, доступ к квалифицированному представительству при рассмотрении отдельных категорий дел, внедрение процедур дружественного к детям правосудия); обеспечение информацией детей и их законных представителей, позволяющей им надлежащим образом осуществлять свои права на защиту; обеспечение необходимой поддержкой (не только юридической, но и психологической, реабилитационной и иной).

Судебный уровень, в том числе, может обеспечиваться посредством выполнения общих международно-правовых договоров о правовой помощи, в

¹¹⁹ Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» (в редакции Постановления Правительства РФ от 19 декабря 2018 г. № 1586). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=102153037 (дата обращения: 01.02.2024).

которых часто содержатся основные положения для наиболее эффективного осуществления процессуальных процедур. Так, например, 28 июня 2023 г. для Российской Федерации вступила в силу Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. В статью 6 данного договора, помимо основного объема правовой помощи, включено положение о том, что правовая помощь может осуществляться в «формах и видах, исходя из конкретных обстоятельств, интересов правосудия и общества в целом»¹²⁰. Такой расширенный подход позволяет реализовывать надлежащие процессуальные процедуры, в том числе в ракурсе реализации международных принципов о защите прав и интересов детей в рамках национального права.

Судебный уровень наряду с административным позволяет более гибко применять принципы международного права о защите прав и интересов детей, вне зависимости от своевременного или несвоевременного появления или изменения норм позитивного права.

Существует небезосновательное мнение, что «судьи должны обладать правом при разрешении дела исходить из своего усмотрения, однако должны быть определены критерии допустимости судебного усмотрения. В частности... судебское усмотрение должно касаться только фактической стороны дела, потому что юридическая оценка фактов и определение юридических последствий должны полностью опираться на закон, и в этой части никакого судебного усмотрения не допускается»¹²¹. Наиболее проблемные вопросы этого уровня будут рассмотрены в параграфе 3.2 настоящего исследования.

Таким образом, основной задачей для достижения надлежащего выстраивания и эффективного функционирования соответствующих правоотношений, непосредственно связанных с защитой прав детей, является

¹²⁰ Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2023. № 30. Ст. 5501. Режим Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. в настоящее время сохраняется с Республикой Молдова, Грузией и Туркменистаном.

¹²¹ Свириной Ю.А. Судебный прецедент, правовые позиции суда и судебское усмотрение как источник права // Ученые труды Российской адвокатуры и нотариата. 2020. № 4(59). С. 26–30.

более детальная разработка и нормативное закрепление принципов защиты прав и интересов детей, что должно быть надлежащим образом обеспечено одновременно на трех уровнях: законодательном, административном и судебном.

Направления процесса реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей.

Анализируя механизм реализации принципов международного права о защите прав и интересов детей в рамках национальной системы, можно выделить различные направления этого процесса. Представляется, что систематизация и классификация этих направлений позволит более качественно оценивать степень эффективности осуществления этих принципов, а также определять и обеспечивать баланс между различными интересами на всех трех уровнях, о которых речь идет в настоящем параграфе.

Так, в зависимости от интересов, на которые направлена реализация международных конвенций о защите прав и интересов детей, можно выделить *реализацию публично-правовых интересов и реализацию частноправовых интересов.*

Как было указано ранее, в настоящее время публично-правовому интересу государство уделяет большое внимание. Цели государственной политики направлены на воспитание молодого поколения в духе патриотизма и активного гражданского участия, соответствующих традициям и культурным достижениям России: обеспечение благополучия подрастающего поколения в соответствии с Основным Законом страны; укрепление защитных мер, обеспечивающих интересы и права несовершеннолетних, предотвращение нарушений их прав и их последующее восстановление.

Законодательные инициативы по реформированию семейного законодательства либо содержат в основном положения о реформировании публично-правовых аспектов защиты прав детей, либо отклоняются, либо существенно изменяются в процессе их принятия, либо касаются правового положения взрослых членов семьи, но не затрагивают детско-родительские отношения.

Так, за последнее время на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации было внесено несколько законопроектов: 14 ноября 2019 г. проект ФЗ № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; 14 июля 2020 г., проект ФЗ № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи», проект ФЗ № 989011-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи».

Первый законопроект полностью содержал предложения по реформированию имущественных правоотношений супругов (раздел совместно нажитого имущества, распределение долей, согласие второго супруга на совершение сделок, регулирование отношений по заключению брачного договора). Второй законопроект был связан с введением дифференцированной системы мер защиты ребенка органами публичной власти вместо отмены института отобрания ребенка при угрозе его жизни и здоровью; регламентацией отношений, касающихся подкинутых детей; с обеспечением единства в толковании и понимании различных терминов, в том числе в отношении понятий «родитель» и «иной законный представитель».

Основываясь на трудах В. Яковлева, можно утверждать, что при реализации принципов международных конвенций о правах детей необходимо обеспечивать баланс соотношения публично-правовых и частноправовых аспектов рассматриваемого процесса, поскольку, как утверждал ученый, «без должного взаимодействия публичного и частного права многие задачи не могут быть решены, и, что особенно парадоксально, частные интересы не могут быть обеспечены и защищены в отсутствие эффективного публично-правового регулирования»¹²².

В зависимости от характера правоотношений, на которые направлен процесс реализации международных конвенций о защите прав и интересов детей,

¹²² Яковлев В.Ф. Экономика. Право. Суд. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2003. С. 200.

можно выделить *материально-правовой* и *процессуально-правовой* аспекты реализации.

Так, О. Зайцев, исследуя вопросы, связанные с реализацией Гаагских конвенций 1980 г. и 1996 г., выделяет в качестве материальных аспектов такие, как: действие международных договоров между их участниками, выбор механизмов реализации (отсылочный либо путем принятия новых норм права), толкование и применение принципов и норм договоров на административном и судебном уровнях (соотношение унифицированных понятий и определений с национальным законодательством, их содержание, толкование и применение на всех трех уровнях реализации). В качестве процессуальных аспектов в исследовании выделяются: установление специальных административных и судебных процедур, обеспечивающих реализацию международных договоров, компетенция государственных и судебных органов, признание и исполнение мер, принятых государством-участником в рамках реализации¹²³.

Вопрос о соотношении материально-правового и процессуально-правового аспектов реализации принципов детских конвенций в контексте настоящего исследования представляется крайне актуальным. Осуществление принципов через их закрепление и отражение в нормах материального права практически невозможно без надлежащей регламентации процессуального законодательства.

В зависимости от характера проводимых мероприятий процесс реализации международных конвенций о защите прав и интересов детей можно выделить *федеральное, региональное и местное направления реализации*.

В соответствии с пунктом «к» статьи 72 Конституции РФ, вопросы правового регулирования семейных отношений находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Согласно положениям Семейного кодекса РФ, субъекты могут принимать законы по ограниченному кругу вопросов, отнесенных к их компетенции, а также по вопросам, которые не урегулированы

¹²³ Зайцев О.В. Вопросы юрисдикции при реализации положений международных конвенций о защите детей в России (Гаагские конвенции 1980 и 1996 годов) // Национальные юрисдикции в системе международного сотрудничества (российско-французское исследование) / отв. ред. русского издания И.Н. Барциц. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 93–114.

непосредственно федеральным законодательством. При определении границ регионального законодательства подчеркивается иерархия нормативных правовых актов, то есть нормы семейного права, содержащиеся в законах субъектов РФ, должны соответствовать Семейному кодексу РФ.

Таким образом, механизм реализации международного права о защите прав и интересов детей представляет собой деятельность государства по осуществлению имплементированных в правовую систему международных договоров или решений международных организаций. Это взаимосвязанный единый механизм, который осуществляется одновременно на трех уровнях: законодательном, административном и судебном. Особенностью механизма реализации международных конвенций является его разнонаправленная ориентация.

2.2. Экстерриториальное действие национального права как условие реализации международных принципов защиты прав и интересов детей

Защита прав детей на основе международных конвенций является одной из важнейших областей деятельности государств, международных организаций и неправительственных структур. Конвенции дают возможность создать единую систему правовой защиты, что позволяет снизить уровень нарушений и обеспечить более высокий уровень безопасности для всех детей.

На сегодняшний день основным критерием оценки эффективности защиты прав и интересов детей является эффективность осуществления приоритетных принципов, закрепленных в Конвенции ООН о правах ребенка. Именно эти принципы (наилучшего обеспечения интересов, уважения взглядов, недискриминации, обеспечения права ребенка на жизнь и развитие) играют одну

из ведущих ролей в регулировании разного рода правоотношений с участием детей в рамках государственной системы и на международном уровне, что особенно важно учитывать при разрешении трансграничных споров с участием детей.

Однако часто такая система правовой защиты прекращает действовать либо не работает эффективно. Это вызывает серьезные опасения в отношении будущего поколения и требует более активных действий со стороны государства и международного сообщества. Как утверждает в своем исследовании О. Ильина, стремление законодателя к кардинальным изменениям для защиты традиционных семейных ценностей представляется вполне логичным в свете сложившихся международных отношений¹²⁴.

Реализация принципов международных конвенций в отношении детей – граждан РФ в иностранных юрисдикциях, с учетом сложившейся геополитической ситуации, в настоящий момент сталкивается со значительными трудностями. Главными проблемами в данной сфере становятся: отсутствие юридической помощи гражданам РФ в иностранных государствах; затруднения в доступе к правосудию; отсутствие возможности оплаты необходимых пошлин, налогов и сборов; дискриминация по национальному принципу; несовместимость толкования основных принципов в различных юрисдикциях; отсутствие механизмов контроля за нарушением.

При возникновении споров о детях, в частности о возвращении в РФ по процедуре Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г., имеется существенный риск отказа в возвращении по статье 13 Гаагской конвенции «в связи с угрозой причинения физического или психического вреда ребенку или возможностью создания невыносимых для него условий»¹²⁵ без каких-либо разумных юридических обоснований.

¹²⁴ Ильина О.Ю. Новшества семейного кодекса Российской Федерации: предпосылки, содержание и последствия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3(75). С. 8.

¹²⁵ Гаагская Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., Российская Федерация ратифицировала договор 28 июля 2011 г. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=24> (дата обращения: 31.01.2024).

Одним из таких примеров может служить производство по делу суда г. Ажен, местного отделения суда г. Марманд, Франция, определение о возбуждении производства по которому вынесено в ноябре 2022 г.

Так, в марте 2022 г. мать, имеющая двойное гражданство – России и Украины, – без согласия отца уехала с пятилетним сыном, гражданином России, во Францию, сообщила об утере документов ребенка, указав ложные сведения о его украинском гражданстве.

В правовой помощи на территории Франции отцу было под различными предложениями отказано, в том числе со стороны русскоговорящих адвокатов, внесенных в список посольства Франции в РФ. Также у отца возникли проблемы с оплатой услуг переводчиков и нотариусов и оформлением необходимых документов.

В связи с имеющимся риском отказа в возвращении ребенка по Гаагской конвенции отец воспользовался национальной судебной защитой, подал иски о расторжении брака и определении места жительства ребенка с ним в России. После вступления решений в законную силу отец дважды пытался вернуть ребенка, дважды был арестован. В октябре 2022 г. вернулся в Россию с сыном, по дороге был задержан в Финляндии, но отпущен после предъявления решения российского суда.

В ноябре 2022 г. судьей по семейным делам суда г. Ажен, Франция, было возбуждено гражданское дело по иску матери о расторжении брака, определении места жительства ребенка с матерью во Франции; взыскании алиментов. На стадии досудебной подготовки суд в определении указал, что «в результате событий и началом войны России с Украиной, матери и ребенку пришлось покинуть Россию... Ситуация в стране стала очень сложной не только для украинцев, но и для самих русских... Отец поддерживает действия российских властей»¹²⁶. При этом суд Франции также использовал национальные нормы

¹²⁶ Определение о возбуждении производства по делу и вызове в суд г. Ажен, местного отделения суда г. Марманд по делу о расторжении брака между М.Е. и К.А., офиц. перевод с французского на русский язык осуществлен г-жой Еленой Бертран, устным и письменным присяжным переводчиком, судебным экспертом при Апелляционном суде Ажена 16.09.2022 г., зарегистрирован под № 2022/186 (не опубл., находится в архиве судьи досудебного

семейного законодательства, несмотря на то что при трансграничных спорах о международном похищении детей должны действовать механизмы международно-правовые.

Таким образом, как показывает практика, несмотря на то, что и Россия, и Франция являются государствами – участниками Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. и Гаагской Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г., даже самый действенный и продуманный механизм разрешения трансграничных споров, закрепленный международным договором, в последнее время перестал эффективно действовать в рамках юрисдикций государств-участников. В связи с этим возникла необходимость разрешать споры с учетом национальных механизмов в ракурсе применения базовых принципов, закрепленных Конвенцией ООН о правах ребенка. Но и тут стороны часто сталкиваются с проблемой отсутствия единообразия в толковании и применении основных принципов защиты прав и интересов детей. В приведенном примере это принципы наилучшего обеспечения интересов ребенка, уважения его мнения, а также недискриминации.

Логично, что ситуация, которая сложилась в настоящее время между государствами, не должна приводить к игнорированию принципов, заложенных в детских конвенциях. Толкование норм международного частного права в ракурсе характера международных отношений между государствами также не является перспективным выходом из сложившейся ситуации, поскольку защита прав и интересов детей любого государства должна быть эффективной и рациональной как на национальном, так и на международном уровнях.

Одним из возможных вариантов решения проблемы является закрепление и распространение экстерриториального действия национального права применительно к принципам, закрепляющим защиту прав и интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации, находящихся на территории иностранного государства. Именно поэтому «в последнее десятилетие

повышенную актуальность приобретает проблема экстерриториального применения национального права»¹²⁷.

По мнению И. Барцица, «экстерриториальность – это расширение правовой юрисдикции в отношении лиц... за пределами физических границ определенной страны»¹²⁸.

Нельзя не согласиться с А. Самариным, который утверждает, что «правовое пространство государства – это не только нормативные акты государства, действующие на территории государства, но и сетевые взаимозависимости... правовых ценностей и принципов, которым следует государство»¹²⁹. Экстерриториальность национального права создает единую правовую платформу, действие которой выходит далеко за правовое пространство государства, создавая концепцию наднационального трансграничного действия внутренних юридических норм.

По общему правилу государство распространяет свою территориальную юрисдикцию в рамках четко определенных государственных границ, и, соответственно, юридическая сила национального законодательства не распространяется за пределы этих границ, поэтому концепция экстерриториального действия принципов защиты прав и интересов детей и национальных норм, их закрепляющих, требует логического научного обоснования. Представляется, что для целей настоящего исследования уместно использовать понятие личного закона физического лица, а также принципы международного частного права: принцип тесной связи в совокупности с действием национального публичного порядка, а также принцип выбора наиболее благоприятного права как оснований ограничения применения иностранного права к несовершеннолетним гражданам Российской Федерации, временно находящимся за границей.

¹²⁷ Чернядзева Н.А. К вопросу о защите гражданских прав в условиях односторонних ограничительных мер зарубежных государств // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1(69). С. 98.

¹²⁸ Барциц И.Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. (Научные доклады: государство и право). С. 131.

¹²⁹ Самарин А.А. Экстерриториальное действие права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Самарин Алексей Алексеевич; [Место защиты: Нижегород. Акад. МВД России]. Н. Новгород, 2016. С. 12.

Так, экстерриториальность может быть «первичная» и «вторичная». При первичной государство распространяет свою юрисдикцию на своих граждан вне зависимости от места и нахождения, при вторичной – юрисдикция государственного закона, примененная на его территории к конкретному правоотношению, может создавать юридические последствия за рубежом. Юрисдикция государства всегда распространяется на его граждан, даже когда они находятся за пределами государственных границ, в отношении лица начинает действовать «коллизия права», которая включает в себе формулы, позволяющие определять право, применимое к конкретному лицу, юридическому факту либо правоотношению.

Как указывает Г. Дмитриева, двойное правовое подчинение гражданина, который находится на территории иностранного государства, является одной из особенностей правового положения физического лица в трансграничной частноправовой сфере¹³⁰. Выезжая с территории государства, лицо никогда не теряет связи с государством, а его правовое положение подчиняется его личному закону, который применяется в двух вариантах: либо законам государства его гражданства, либо законам государства домицилия (места жительства лица). Личным законом физического лица определяется не только его дееспособность и некоторые личные права, но также и его права в сфере семейных и наследственных правоотношений¹³¹. В силу того, что несовершеннолетние лица в силу своей уязвимости должны быть обеспечены максимально эффективным уровнем защиты за пределами своего государства, распространение на них закона государства гражданства может стать одной из ключевых специальных мер защиты, о которых упоминалось в Замечании общего порядка № 17 (1989 г.) «Статья 24 (права ребенка)» Комитета по правам человека.

Интересен тот факт, что изначально в Конвенцию ООН по правам ребенка предлагалось включить формулировку о том, что ее «действие распространяются

¹³⁰ Дмитриева Г.К. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 286.

¹³¹ Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2019. С. 173.

на каждого ребенка, находящегося на территории или под юрисдикцией» государств-участников. Однако с тем, чтобы исключить коллизии и охватить все возможные ситуации, делегаты от Польши, а затем от Финляндии предложили исключить термин «территория» из текста договора и ограничиться лишь термином «юрисдикция». Впоследствии государства пришли к согласию и признали, что государство может также обладать юрисдикцией над действиями, которые совершаются или приводят к негативным последствиям за пределами его национальных границ¹³².

По вопросу экстерриториального действия государства гражданства несовершеннолетних высказывался и Комитет по правам ребенка в Соображениях по делу «Н.П. против Парагвая» от 3 февраля 2020 г.¹³³, где обратил внимание, что Конвенция не ограничивает юрисдикцию государства пределами национальной территории.

Несмотря на то, что вопрос рассматривался в свете обеспечения защиты прав и интересов детей-мигрантов, данная концепция по аналогии применима и к экстерриториальности действия национального права для реализации принципов защиты прав детей во всех вопросах, затрагивающих их права. Кроме того, предоставление детям-мигрантам прав большего объема по сравнению с детьми, находящимися за пределами юрисдикции своего государства, но не получившим статус мигранта, может автоматически привести к нарушению принципа недискриминации, закрепленному статьей 2 Конвенции, которая запрещает отдавать предпочтение одним детям перед другими, как в негативном, так и в позитивном контексте.

В своем исследовании Л. Терентьева рассматривает три взгляда на действие принципа экстерриториальности:

¹³² Legislative history of the Convention on the Rights of the Child (HR/PUB/07/1). New York. Geneva, 2007. P. 332–333. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/602462> (дата обращения: 07.02.2024); Extra-territorial jurisdiction of States over children and their guardians in camps, prisons, or elsewhere in the northern Syrian Arab Republic: Legal Analysis. UNHR. Special procedures. 2020 (Geneva, Switzerland) P. 3. URL: www.ohchr.org/Documents/Issues/Terrorism/UNSRsPublicJurisdictionAnalysis2020.pdf (дата обращения: 07.02.2024).

¹³³ Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 30/2017 по делу «Н.П. против Парагвая» от 3 февраля 2020 г. (CRC/C/83/D/30/2017). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2629/en-US> (дата обращения: 07.12.2023).

- «доктрина субъективной территориальности – осуществление государством юрисдикции в отношении действия, совершенного на его территории, но оконченного за границей;
- доктрина объективной территориальности, когда действие в целом совершено за пределами территории государства, однако его последствия затрагивают интересы этого государства;
- и доктрина эффекта, или доктрина последствий, в рамках которой понимание экстерриториальности исходит не из географических границ государства, а степени связи конкретного дела с иностранной или национальной юрисдикцией»¹³⁴.

И если первые две доктрины в основном применяются в международном уголовном праве, то третья, основанная на принципе тесной связи, вполне может быть применима и к частноправовым отношениям, в том числе и к отношениям, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних граждан РФ.

Принцип тесной связи является одним из специальных принципов международного частного права, и в качестве субсидиарной привязки для выбора применимого права закреплен в пункте 2 статьи 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации. В семейном законодательстве данный принцип прямо не закреплен, поэтому может использоваться применительно к семейным правоотношениям через норму статьи 4 Семейного кодекса Российской Федерации о применении к семейным отношениям гражданского законодательства.

В пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 в качестве обстоятельств, определяющих территориальную связь с правом государств, в том числе, указано место жительства и гражданство лица. Кроме того, в качестве одного из основополагающих начал при определении наиболее тесной связи Суд предлагает применять концепцию наилучшей реализации общепризнанных принципов

¹³⁴ Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 167.

гражданского права. Такая позиция также позволяет обосновать тесную связь правоотношений с участием несовершеннолетних граждан Российской Федерации, имеющих место жительства в своем государстве, с национальным правом, поскольку данная концепция наилучшим образом соответствует реализации основных детских принципов, а также основных интересов ребенка¹³⁵.

В одном из своих исследований Г. Федосеева предлагает в совокупности с принципом тесной связи применять с семейным правоотношениям принцип наиболее благоприятного права, который основан на «соображениях разумности и объективности, направленных на достижение объективного результата»¹³⁶. При этом автор предлагает использовать указанный принцип в качестве основного правила для выбора права, применимого к семейным отношениям с иностранным элементом с участием детей. Представляется, что концепция о наилучшей реализации общих принципов, сформулированная Верховным Судом Российской Федерации в упомянутом выше постановлении, коррелируется и с принципом выбора наиболее благоприятного права, как еще одного основания экстерриториального действия детских принципов в отношении несовершеннолетних российских граждан.

В последнем Замечании общего порядка № 26 (2023 г.) «О правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата»¹³⁷ Комитет предлагает принцип динамичного толкования Конвенции в связи с развитием новых кризисов и проблем, а также в очередной раз напоминает о необходимости экстерриториального характера действия базовых принципов для обеспечения доступности механизмов защиты прав для детей как находящихся в пределах юрисдикции государств, так и для детей, находящихся за пределами их территории.

¹³⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/28079/> (дата обращения: 07.02.2024).

¹³⁶ Федосеева Г.Ю. Принцип наиболее тесной связи и принцип наиболее благоприятного права применительно к регулированию трансграничных брачно-семейных отношений // Lex Russica. 2006. Т. 65, № 1. С. 110.

¹³⁷ Замечания общего порядка № 26 (2023) «О правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F26&Lang=en (дата обращения: 01.12.2023).

Данное положение базируется на принципах доктрины объективной территориальности, когда действие в целом совершено за пределами территории государства, однако его последствия затрагивают интересы этого государства и его граждан.

Еще одним основанием для экстерриториального действия национальных правовых норм и принципов, регулирующих правоотношения с участием детей, может служить применение публичного порядка как способа ограничения применения иностранного права к несовершеннолетнему гражданину, находящемуся за пределами территории своего государства. По словам Л. Терентьевой, «Установление экстерриториальной предписывающей юрисдикции также возможно даже в отсутствие предусмотренной в законе экстерриториальной сферы его действия, если его экстерриториальное применение имеет существенный публично-правовой интерес для соответствующего государства»¹³⁸.

Нормы, закрепляющие оговорку о публичном порядке, известны законодательствам большинства стран мира. В российском праве такие нормы закреплены в различных отраслевых кодексах, в том числе в статье 1193 Гражданского кодекса РФ и статье 167 Семейного кодекса РФ, которые содержат негативный вариант такой оговорки.

Самое понятие «публичный порядок» ни в гражданском, ни в семейном законодательстве не содержится, единообразное применение и толкование этого термина также отсутствует. В судебной практике можно найти некоторые разъяснения, однако и они не дают возможности четко определить понятие публичного порядка.

Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 мая 2000 г. № 5-Г00-59 указывается, что под публичным порядком понимаются, в частности, основы правопорядка, которые закреплены в первую

¹³⁸ Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 171.

очередь в Конституции и законах Российской Федерации¹³⁹. В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 19 июня 2001 г. № 60пв-02 указывается, что нарушение публичного порядка подразумевает нарушение фундаментальных основ установленного в государстве правопорядка¹⁴⁰.

С учетом внесенных в 2020 г. в Конституцию РФ положений о том, что дети являются важнейшим достоянием и приоритетом государственной политики России, установление экстерриториальности защиты прав детей вполне соответствует тем ценностями, которые закреплены в Основном Законе.

В связи с тем, что дети рассматриваются основой государственной политики, являются продолжением поколенческой преемственности, постольку, даже находясь за пределами юрисдикции своего государства гражданства, они не перестают быть носителями этой преемственности и не выбывают из-под защиты своего государства. Разумно предположить, что такой подход, позволяющий привязывать наилучшие интересы ребенка с тем толкованием, которое воспринимается именно в государстве гражданства верным и правильным, или хотя бы с учетом тех ценностей, которые существуют в государстве, как раз и будет основой для экстерриториального действия права при реализации принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей. Подобной позиции придерживался в своем исследовании И. Барциц, который отметил, что «фундамент «ценностной экстерриториальности» можно обнаружить практически во всех конституциях мира, когда речь заходит о защите прав своих граждан, в том числе находящихся за пределами своего государства»¹⁴¹.

В рамках Обзора практики Комитета ООН по правам ребенка, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений, подготовленного Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, Суд обратил внимание на то, что «в целях эффективной

¹³⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № 5-Г00-59 // СПС «Гарант».

¹⁴⁰ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2001 г. № 60пв-02 // СПС «Гарант».

¹⁴¹ Барциц И.Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. С. 128.

защиты прав и свобод человека судам необходимо... учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека»¹⁴².

Данный подход действительно позволяет унифицировать разнонациональные подходы к единообразному применению основных принципов Конвенции, однако не в полной мере соответствует тем тенденциям, которые происходят в России и мире по поводу восприятия и толкования принципов защиты прав и интересов детей в ракурсе существующих в различных регионах и государствах традициях, ценностях и устоев. Именно поэтому в 2020 г. в статью 79 Конституции РФ была включена норма, согласно которой решения межгосударственных органов, направленные на толкование норм и принципов, содержащихся в международных договорах, не применяются на территории Российской Федерации, если они не согласуются с основными, базовыми ценностями и традициями, существующими в государстве. Это связано, в том числе, и с субъективным восприятием судей, специальных докладчиков, секретарей и иных лиц, которые, так же как и все остальные, обладают своим личным мнением и взглядами, сформированными в зависимости от того, в каком государстве они родились, воспитывались и чьи интересы представляют. При таких условиях достаточно сложно привести толкование ценностных норм под одну универсальную систему, что еще раз подтверждает необходимость распространения юрисдикции государства за рамки территории.

Вопросы экстерриториальности принципов защиты прав и интересов детей в негативном контексте косвенно затронуты не только в основной детской Конвенции, но и в Конвенции о применимом праве 1996 г., которая формулирует принцип экстерриториальности через выбор юрисдикции к правоотношениям с участием ребенка по его личному закону, и в статьях 5 и 6 признает компетенцию того государства, где обычно проживает ребенок. К тому же Российская Федерация присоединилась к договору с оговоркой о том, что, если родительская

¹⁴² Обзор практики Комитета ООН по правам ребенка, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений (подготовлен Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

ответственность несовместима с какой-либо мерой, принимаемой российскими органами в отношении имущества ребенка, она может быть не признана в рамках национального правопорядка¹⁴³.

Кроме того, в статье 8 Конвенции регламентируется ситуация, при которой компетенция по рассмотрению спора может быть передана другому государству (например, государству гражданства ребенка), если государство обычного проживания сочтет, что такая передача необходима для обеспечения наилучших интересов ребенка. В данном случае генеральной привязкой будет являться закон домицилия, субсидиарной – закон гражданства, закон места рождения ребенка, закон места расторжения брака, закон наиболее тесной связи и т.д.

Вопрос о применимом праве в статье 15 данного договора решается по закону страны суда, то есть по закону государства обычного места жительства, чья юрисдикция распространяется на сложившиеся правоотношения. Право другого государства может быть применено только в исключительных случаях и только с учетом принципа тесной связи. К вопросам возникновения и осуществления родительской ответственности также применяется право обычного места проживания ребенка, то есть право государства домицилия.

Таким образом, Конвенция о применимом праве 1996 г. предоставляет национальным судам широкое поле для усмотрения при выборе наиболее благоприятного для ребенка применимого права и наиболее эффективной юрисдикции. А следовательно, можно сделать вывод о том, что возможность экстерриториального действия принципов защиты прав детей косвенно закрепляется в тексте договора.

При рассмотрении феномена экстерриториальности принципов Конвенции необходимо учитывать тот факт, что, несмотря на их универсальность, проблема несогласованности норм Конвенции ООН о правах ребенка и, как следствие, наличия несовпадающих подходов к их реализации, основанных на различии в ценностях, традициях и устоях, не дает в полной мере принципам одинаково

¹⁴³ Федеральный закон от 5 июня 2012 г. № 62-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3079.

действовать в разных юрисдикциях. Вопрос о непосредственном применении таких норм, в частности, решается через толкование их международными органами и организациями¹⁴⁴, поэтому совершенно необходима конструкция, позволяющая соотнести толкование национальное и международное и не потерять национальную идентичность, а также соблюсти тот баланс, который должен существовать между толкованием государственным и международно-правовым.

Представляется, что такой конструкцией может стать подход, основанный на экстерриториальности действия национального права в области защиты прав детей с учетом коллизий, основанных на личном законе ребенка. То есть экстерриториальная юрисдикция на детей должна распространяться с учетом личного закона ребенка, основанного на его гражданстве, как генеральной привязке, либо на постоянном месте жительства, как субсидиарной привязке. При таком подходе трансформация основных принципов Конвенции о правах ребенка будет осуществляться посредством конструктивного диалога между внутринациональным и международным правом.

На основе проведенного анализа полагаем, в российское законодательство целесообразно внести поправки, устанавливающие основные гарантии прав несовершеннолетних граждан РФ не только на территории государства, но и за его пределами, сформулировав в Семейном кодексе РФ нормы, посвященные выбору применимого права на основе тесной связи, с учетом личного закона ребенка, а также выбора наиболее благоприятного для ребенка права.

Кроме того, необходимо расширить категорию дел, входящих в исключительную подсудность российских судов, спорами, затрагивающими права и интересы несовершеннолетних граждан Российской Федерации, не домицилированных и временно проживающих за рубежом, вне зависимости от гражданства родителей, а также дополнить основания отказа в принудительном

¹⁴⁴ Шахназаров Б.А. Непосредственное применение правил международных договоров при осуществлении защиты прав субъектов внутригосударственных и трансграничных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8(117). С. 180.

исполнении решений иностранных судов, вынесенных в отношении несовершеннолетних граждан, а именно:

- в статью 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации («Исключительная подсудность»);

- в статью 412 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации («Отказ в принудительном исполнении решения иностранного суда»).

Кроме того, для успешной практической реализации принципа экстерриториальности защиты прав и интересов детей необходимо создать эффективную систему контроля за его выполнением, в том числе обеспечить присутствие юристов и адвокатов в консульских учреждениях или на территории РФ, которые предоставляли бы консультации и помощь по делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних граждан Российской Федерации, находящихся за рубежом.

В пункте 10.8 Соображения, принятого Комитетом по правам ребенка по делу «Н.П. против Парагвая» от 3 февраля 2020 г., разъяснено, что в соответствии с Конвенцией государства должны брать на себя экстерриториальную ответственность за защиту детей, являющихся их гражданами, за пределами своей территории, действуя через механизм консульской защиты с учетом интересов детей и при соблюдении их прав человека¹⁴⁵.

2 февраля 2023 г. в ходе рабочей встречи Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации Марии Львовой-Беловой с министром иностранных дел Российской Федерации Сергеем Лавровым было предложено усилить работу по предоставлению правовой помощи соотечественникам при

¹⁴⁵ Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 30/2017 по делу «Н.П. против Парагвая» от 3 февраля 2020 г. (CRC/C/83/D/30/2017). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2629/en-US> (дата обращения: 07.12.2023); Совместное замечание общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 Комитета по правам ребенка, пп. 17 е) и 19. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F23&Lang=r (дата обращения: 07.12.2023).

дипломатических представительствах по вопросам защиты прав несовершеннолетних, проживающих за рубежом¹⁴⁶.

Таким образом, экстерриториальность действия принципов международного права о защите прав и интересов детей в отношении несовершеннолетних граждан может обеспечиваться и осуществляться через распространение действия национальных норм за пределы государственной юрисдикции с помощью механизма, предусмотренного, в том числе, и международным правом внешних сношений.

Реализация принципа экстерриториальности должна стать частью общей культуры государства и быть признана важным элементом социальной ответственности. Обеспечить эффективное исполнение приоритетных принципов защиты прав детей необходимо с учетом их межотраслевого характера, не ограничиваясь исключительно нормами семейного права. Необходимо создать системно-целостный объем правовых норм, направленных на защиту прав детей, граждан Российской Федерации, находящихся за рубежом.

2.3. Критерии судебного усмотрения при реализации принципов защиты прав и интересов детей в правоприменительной практике Российской Федерации

При разрешении любого правового спора в суде стороны используют различные способы доказывания для обоснования своей позиции. В соответствии со статьей 67 Гражданского процессуального кодекса РФ все доказательства оцениваются судом по внутреннему убеждению судьи на основе всей

¹⁴⁶ Состоялась рабочая встреча Уполномоченного при Президенте по правам ребенка Марии Львовой-Беловой и министра иностранных дел Сергея Лаврова. URL: <http://www.kremlin.ru/events/administration/70438> (дата обращения: 04.04.2023).

совокупности представленных сторонами доказательств, из которых ни одно не может иметь заранее установленной силы. Внутреннее убеждение судьи в науке рассматривается в ракурсе такого понятия, как усмотрение.

При реализации принципов защиты прав и интересов детей на судебном уровне вопрос, связанный с судебным усмотрением, стоит достаточно остро, поскольку сами принципы не содержат четкой структуры, порождающей конкретность и ясность для судей, образуя при этом «исходный пункт для обдумывания и взвешивания»¹⁴⁷ решений.

В делах, связанных с детьми, суды неизбежно сталкиваются с морально-нравственными аспектами семейных отношений, всегда возникает множество индивидуальных ситуаций и особенностей, которые невозможно привести к единообразному толкованию и разрешению. Каждое дело имеет свои уникальные характеристики, и судьи должны учитывать многообразие факторов, чтобы принять справедливое решение. Однако, что справедливо для одной семьи, не обязательно может быть справедливо для другой, и поэтому усмотрение суда должно оставаться гибким и открытым для адаптации к каждой конкретной ситуации. Законодатель не может предусмотреть все возможные варианты, и поэтому судам действительно необходимо иметь широкие полномочия для принятия решений, основанных на справедливости и законности. В конечном счете усмотрение суда позволяет судьям применять закон в соответствии с конкретными обстоятельствами каждого дела и обеспечивать справедливость и правовую гарантию для всех сторон.

Однако дела, затрагивающие права и интересы ребенка, требуют особого внимания, поскольку в данной категории споров всегда возникает конфликт интересов между интересами и правами ребенка, в том числе правами на защиту в соответствии с основными детскими принципами, и интересами и полномочиями взрослых, на которых неизбежно ложится ответственность за принятие конкретных решений, влияющих на жизнь несовершеннолетнего.

¹⁴⁷ Барак Аарон. Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: НОРМА, 1999. С. 68.

Чтобы определиться с сущностью рассматриваемого понятия, начать стоит с того, что судебное усмотрение – явление многоаспектное, поэтому в науке используется различная терминология относительно данной правовой категории: судебное усмотрение, судейское усмотрение, дискреция, индивидуальное судебное регулирование¹⁴⁸. Не вдаваясь в дискуссии по поводу данного вопроса, для целей настоящего исследования за основу примем точку зрения о равнозначности этих понятий, поскольку судья при вынесении решения всегда действует от имени Российской Федерации и суда, к юрисдикции которого относится рассматриваемое дело. Поэтому при освещении различных подходов к сущности рассматриваемого понятия далее по тексту будет сохранена именно та терминология, которую используют ученые в своих исследованиях.

Так, еще И. Покровский в своих трудах крайне критично относился к вопросу о судейском усмотрении, определяя его как судейское правотворение и «органическую и неустранимую опасность судейского произвола»¹⁴⁹. Не отрицая некоторую пользу для интересов конкретной личности в конкретной ситуации, ученый все же считал, что судейское усмотрение «всегда бесконечно вредно для основного и общего интереса личности, интереса в определенности ее правового положения»¹⁵⁰. Основным авторитет И. Покровский отдает четко определенной, логически выверенной норме, закреплённой в законе, не отдавая воле суда решение того или иного вопроса на основе каких бы то ни было критериев. Более того, все возможные критерии усмотрения, будь то справедливость, культура, природа вещей, общественная польза и т.д., подвергаются исследователем жесткой критике.

Р. Дворкин в своих трудах вообще отрицал существование судебного усмотрения. По словам С. Касаткина, ученый «отвергает идеи о том... что право

¹⁴⁸ Ершов В.В. Судебное усмотрение? Индивидуальное судебное регулирование? Актуальные теоретические и практические проблемы // Судейское усмотрение: понятие, основания, пределы: материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2015. С. 56.

¹⁴⁹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Эксмо, 2023. С. 100.

¹⁵⁰ Там же. С. 101.

может содержать пробелы, при которых в нем отсутствует единственно верное решение... и которые компенсируются через судебское усмотрение»¹⁵¹.

Однако подобные мнения в научных кругах критикуются, и все же большинство исследователей признают «неизбежность существования судебного усмотрения в любой правовой системе»¹⁵², хотя по поводу его природы взгляды разнятся колоссально.

Исходя из анализа множества определений судебного усмотрения, можно сделать вывод о многоаспектности этого понятия. Так, Судебное усмотрение рассматривается и как «власть, данная судье для того, чтобы он выбрал решение из ряда законных вариантов»¹⁵³; как «один из необходимых элементов правоприменения, без которого осуществление правосудия представляется невозможным»¹⁵⁴; как «мотивированная правоприменительная деятельность, осуществляемая в процессуальной форме и состоящая в выборе варианта решения правового вопроса»¹⁵⁵; как «мыслительно-аналитическая деятельность по выбору единственно верной правовой нормы, принципа, правовой позиции, правоположения судебной практики при наличии нескольких легитимных вариантов»¹⁵⁶; «способ восполнения пробелов в праве»¹⁵⁷.

В любом случае, как бы ни определяли понятие судебного или судебского усмотрения, как правоприменительную деятельность в целом или ее элемент, как власть, как правомочие, как мыслительную деятельность судей, в итоге все сводится к единственной конкретной цели – выбору единственно правильной и

¹⁵¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Эксмо, 2023. С. 18.

¹⁵² Касаткин С.Н. Границы Империи: юридический интерпретативизм Рональда Дворкина на карте правовых теорий: монография. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. С. 23.

¹⁵³ Барак Аарон. Судейское усмотрение. С. 20.

¹⁵⁴ Вердиян Г.В. Принцип добросовестности в гражданском праве России: судебское усмотрение и процессуальные приемы его реализации // Мировой судья. 2019. № 1. С. 32.

¹⁵⁵ Папкина О.А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. С. 39.

¹⁵⁶ Цыбулевская О.И. Усмотрение в правоприменительной деятельности: современные подходы: монография / [Аверин А.В., Вадбольская Е.В., Глухарева Л.И. и др.]; под ред. О.И. Цыбулевской; ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте российской Федерации», Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина. Саратов: Поволжский ин-т упр. – фил. РАНХиГС, 2022. С. 178.

¹⁵⁷ Егорова О.А. К вопросу о понятии судебного усмотрения в условиях современного общества // Судейское усмотрение: сборник статей / Московское отделение АЮР; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. М.: Юстицинформ, 2020. С. 12.

справедливой альтернативы, которая будет наиболее приемлема и разумна для разрешения данного конкретного спора.

Судебное усмотрение рассматривается в доктрине не только с позиции властных полномочий судьи, но и с позиции необходимой обязанности судьи в каждом конкретном случае действовать в рамках фактических обстоятельств с соблюдением баланса интересов участников правоотношений¹⁵⁸.

Семейные правоотношения в большинстве своем находятся в поле регулирования частного права, но сложны они тем, что складываются на основе морально-этических принципов, которые существуют в каждой конкретной семье. Именно поэтому государству достаточно сложно устанавливать какие-либо четкие критерии и пределы для усмотрения, поскольку внутренние субъективные убеждения лиц, принимающих решения, не всегда позволяют им найти баланс между защитой прав и интересов ребенка или их нарушением, пусть даже из самых благих намерений.

Если идти через понятие судебного усмотрения как внутренней мыслительно-аналитической деятельности судьи, то вполне логично будет утверждать, что понятие о справедливости, разумности и наилучших интересах судья, имеющий собственных детей или внуков, будет воспринимать совершенно иначе, чем судья, не имеющий детей и семьи. Ровно так же судья молодого возраста будет смотреть на обстоятельства дела совершенно иначе, чем судья средних лет.

Анализируя правоприменительную практику российских судов, можно сделать вывод о неоднозначности и неопределенности критериев судебного усмотрения при рассмотрении дел, затрагивающих права детей. В данной ситуации можно констатировать отсутствие правовой определенности как в семейном, так и в гражданском процессуальном законодательстве, что создает серьезные проблемы в процессе правоприменения. По замечанию А. Барака,

¹⁵⁸ Канишевская Н.В. Осторожное усмотрение суда // Судейское усмотрение: сборник статей. С. 57.

«если каждое правило будет порождать судебское усмотрение в каждой ситуации, тогда ни у одного лица не будет никаких прав»¹⁵⁹.

В связи с этим вопросу пределов и критериев судебного усмотрения должно быть уделено особое внимание с тем, чтобы избежать чересчур широкого толкования обстоятельств конкретного дела через призму собственного опыта, возраста, семейного положения и иных факторов, связанных с личностью судьи, рассматривающего дело.

Как заключает А. Сурков, «пределы судебского усмотрения – это требования, которым оно должно соответствовать, и границы, в рамках которых оно возможно. Эти пределы необходимы прежде всего для обеспечения законности, обоснованности и справедливости судебского усмотрения»¹⁶⁰. В науке выделяются различные виды пределов судебного усмотрения.

Так, А. Берг выделяет материально-юридические (принципы и нормы права, фактические обстоятельства, судебная практика) и процедурно-процессуальные пределы (полномочия суда, исковые требования, сроки, права лиц, участвующих в деле)¹⁶¹. А. Папкина в своем исследовании помимо материальных и процессуальных выделяет общие (применяются при разрешении практически любого дела) и специальные (применяются при разрешении конкретного дела или категории дел)¹⁶².

Как указал Комитет по правам человека в Замечании общего порядка № 17 (1989 г.) «Статья 24 (права ребенка)», «каждому ребенку, в силу его положения как несовершеннолетнего лица, принадлежит право на специальные меры защиты в соответствии с их статусом несовершеннолетних, без какого-либо исключения или предвзятости. Эта защита должна быть обеспечена семьей, социальным окружением и государственными институтами»¹⁶³.

¹⁵⁹ Барак Аарон. Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 1999. С. 50.

¹⁶⁰ Суворов А.А. Пределы судебского усмотрения // Судейское усмотрение: сборник статей. С. 45.

¹⁶¹ Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: монография. М.: Проспект, 2020. С. 70.

¹⁶² Папкина О.А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. С. 67.

¹⁶³ Замечания общего порядка Комитета по правам человека № 17, 1989 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCCPR%2FGE.C%2F6623&Lang=en (дата обращения: 09.12.2023).

Для того чтобы судебные решения в полной мере отвечали наилучшим интересам детей, важно не просто поверхностно анализировать законодательство и судебную практику, а искать глубинные комплексные подходы и решения, определять основные важные механизмы и элементы, которые должны быть приняты во внимание при рассмотрении любого дела, связанного с правами и интересами детей. Так как семейное право содержит большое количество оценочных категорий, которые основаны на нормах морали и нравственности¹⁶⁴, для достижения наиболее законного, обоснованного и справедливого уровня решений и обеспечения надлежащей защиты детей при рассмотрении споров с их участием необходимо установить специальные процессуальные и специальные материальные пределы, соответствующие особому статусу несовершеннолетних.

Специальные процессуальные пределы судебного усмотрения – это юридически значимые процедуры и механизмы, обязательные для осуществления в рамках разрешения судебного спора, прямо или косвенно затрагивающего права и интересы несовершеннолетнего.

Специальные материальные пределы судебного усмотрения – это юридически значимые факты и обстоятельства, которые в обязательном порядке должны быть установлены в ходе рассмотрения дела и отражены в мотивировочной части судебного решения, если оно прямо или косвенно затрагивает права и интересы несовершеннолетнего.

Кроме того, для обеспечения законности, обоснованности и справедливости судебного решения, исключения судебных ошибок, специальные процессуальные и специальные материальные пределы судебного усмотрения должны действовать в полном системном единстве. Для этого законодатель должен максимально четко и ясно закрепить их в нормах процессуального и материального права.

Однако возможность судебного усмотрения в рамках конкретного спора – это определенная гарантия возможности субъективно выбрать из множества альтернатив именно тот вариант, который объективно соответствует наилучшим

¹⁶⁴ Ильина О.Ю. Оценочные категории в Семейном кодексе Российской Федерации // Социально-юридическая тетрадь. 2022. № 12. С. 56.

интересам ребенка, но и не нарушает баланс его интересов с интересами взрослого. Каждый семейный спор, несмотря на схожесть предметов и оснований, уникален, поэтому ограничение судейского усмотрения должно быть разумным и абсолютно понятным для судьи и лиц, участвующих в деле. К тому же такое ограничение должно соответствовать определенным стандартам, позволяющим применить их на практике к любому делу с участием несовершеннолетних.

Специальные процессуальные пределы.

Исходя из анализа российской судебной практики и доктрины, позиций Комитета по правам ребенка и Европейского Суда по правам человека, к специальным процессуальным пределам относятся:

- обязательное назначение адвоката для защиты несовершеннолетнего лица, участвующего в деле;
- установление требований об обязательном назначении судебной экспертизы при разрешении споров с участием детей и обязанности суда учитывать мнение экспертов при вынесении решений;
- определение механизмов заслушивания детей и учета их мнения.

Обязательное назначение адвоката для защиты несовершеннолетнего лица, участвующего в деле.

В Соображении от 18 августа 2023 г. по делу «Б.Й. и П.Й. против Чехии» Комитет по правам ребенка напомнил, что если ребенок реализует желание высказать свое мнение относительно конфликта через представителя, то последний, в свою очередь, обязан в максимально точных формулировках изложить мнение ребенка. При этом Комитет очередной раз настоятельно призвал государства обеспечить в дополнение к опекуну или лицу, представляющему его взгляды, надлежащее юридическое представительство ребенка в ходе любого разбирательства, особенно при наличии конфликтных отношений между сторонами спора¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения от 18 августа 2023 г. № 139/2021 по делу «Б.Й. и П.Й. против Чехии» (CRC/C/93/D/139/2021). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3822/ru-RU> (дата обращения: 03.02.2024).

В Соображениях Комитета от 28 сентября 2020 г. по делу «В.А. против Швейцарии» содержится вывод о том, что определение наилучшего обеспечения интересов детей требует, чтобы их положение оценивалось отдельно, даже если по субъективному мнению суда интересы детей совпадают с интересами их матери или отца, и что они могут осуществлять свое право быть заслушанными через законных представителей. Соответственно, в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, должно быть гарантировано право ребенка быть заслушанным либо непосредственно, либо через адвоката¹⁶⁶.

В Соображениях Комитета от 28 сентября 2020 г. по делу «С.М.А. против Испании» Комитет заключил, что отсутствие своевременного представительства может привести к реальной несправедливости¹⁶⁷.

В статье 50 Гражданского процессуального кодекса РФ предусмотрено назначение судом адвоката для представления интересов участвующих в деле лиц, место жительства которых неизвестно, либо в иных случаях, предусмотренных федеральным законом. Это положение дополнено статьей 78 Семейного кодекса РФ об обязательном участии органа опеки и попечительства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей. Однако такое регулирование не может надлежащим образом обеспечить надлежащий уровень обеспечения наилучших интересов ребенка в конкретном споре, поскольку, во-первых, сотрудники органов опеки и попечительства в большинстве своем не обладают достаточными правами и компетенциями для представления интересов ребенка в суде, во-вторых, обязательны для участия только в делах, связанных с воспитанием детей, а, в-третьих, в каждом конкретном споре всегда возникает конфликт интересов взрослых его участников, поэтому представлять интересы

¹⁶⁶ Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения от 28 сентября 2020 г. № 56/2018 по делу «В.А. против Швейцарии» (CRC/C/85/D/56/2018). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2762/ru-RU> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁶⁷ Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения от 28 сентября 2020 г. № 40/2018 по делу «С.М.А. против Испании» (CRC/C/85/D/56/2018). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2759/ru-RU> (дата обращения: 03.02.2024).

ребенка всегда должен квалифицированный специалист, не вовлеченный в конфликт и способный разумно оценить ситуацию.

Поэтому представляется, что для установления рассматриваемого специального процессуального предела необходимо внести дополнения в статью 50 Гражданского процессуального кодекса РФ об обязательном назначении адвоката для представления интересов несовершеннолетних лиц, участвующих в деле.

Обязательное назначение судебной экспертизы при разрешении споров с участием детей и обязанность суда учитывать мнение экспертов при вынесении решений.

По справедливому замечанию Н. Матвеевой, «на современном этапе судебно-экспертная деятельность играет неоценимую роль в принятии судом взвешенного, грамотного и обоснованного решения, в том числе при решении семейно-правовых вопросов»¹⁶⁸.

В свое время Д. Дьюи утверждал, что свобода усмотрения, помноженная на силу нравственных установок, является одной из причин, затрудняющей определение пределов и границ осуществления субъективных прав¹⁶⁹.

Вопрос о влиянии моральных установок при разрешении семейных споров очень важен, поскольку оценка любого семейного конфликта осуществляется конкретными судьями, которым свойственно формировать свои собственные, субъективные взгляды и суждения на ту или иную ситуацию. Однако такая концепция изначально представляется неверной именно потому, что суждения лица, влияющие на жизненно важные процессы и отношения в обществе, основанные на морали и нравственности, в большинстве своем сформированы не под воздействием эмпирического процесса и не проверяются опытом. Такие суждения не регулируются рациональной волей, не поддаются

¹⁶⁸ Матвеева Н.А. Судебно-экспертная деятельность при решении семейно-правовых споров // Семейное и жилищное право. 2022. № 6. С. 12.

¹⁶⁹ Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л.Е. Павловой. М.: Республика, 2003. (Мыслители XX века). С. 289.

интеллектуальному совершенствованию и применению, не основаны на научном познании и имеют значение вне зависимости от опыта как такового¹⁷⁰.

С наибольшей вероятностью избежать судебных ошибок при соотношении реальных интересов и благополучия ребенка при равенстве прав и обязанностей родителей позволит механизм обязательного проведения судебных экспертиз по рассматриваемой категории дел.

Очень интересен подход к стандартам доказывания Европейского Суда по правам человека, рассмотренный в Руководстве Совета Европы для юристов, который целесообразно использовать в целях данного исследования для обоснования назначения экспертизы в качестве ограничения усмотрения. Он заключается в установлении для дел с участием детей, как наиболее уязвимой стороны процесса, некоего «промежуточного стандарта между «балансом вероятностей» (*balance of probabilities*) и «доказанностью, исключающей любые разумные сомнения», который является более строгим, чем стандарт, используемый в гражданском праве»¹⁷¹.

Представляется, что именно таким стандартом и должно стать обязательное назначение амбулаторной судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы, выводы которой должны быть обязательно учтены при вынесении решения.

Назначение экспертизы при возникновении вопросов, разрешение которых требует специальных знаний, предусмотрено статьей 79 Гражданского процессуального кодекса РФ. В исследовании неоднократно обосновывалось, что лица, ответственные за вынесение решений, влияющих на жизнь ребенка, в большинстве своем такими знаниями не обладают. Однако следует отметить, что на практике экспертизы в основном назначаются по ходатайству одной из сторон, которая в обязательном порядке должна нести материальные издержки, связанные с оплатой работы экспертов, что не всегда доступно. Такой подход абсолютно не

¹⁷⁰ Сурдина А.И. Критерии содержания и осуществления родительских прав в отношении несовершеннолетних детей в философии Джона Дьюи // Государственная служба. 2023. № 4 (144). С. 27.

¹⁷¹ См. Руководство для юристов «Запрещение дискриминации в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (ст. 14)». С. 61. URL: <https://crjm.org/wp-content/uploads/2009/01/Article-14-Manual-Russian-translation-1.pdf>, (дата обращения: 06.02.2024).

коррелируется с принципом равноправия и состязательности и не может надлежащим образом обеспечить справедливость вынесенного решения.

В соответствии с пунктом 8 части 1 статьи 150 Гражданского процессуального кодекса РФ суд назначает экспертизу при подготовке дела к судебному разбирательству. В пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 разъясняется, что данное процессуальное действие обязательно только по некоторым категориям дел, когда необходимо выяснение психического состояния лица в момент совершения им определенного действия. Споры о детях не входят в перечень указанных дел¹⁷².

Определение механизмов заслушивания детей и учета их мнения.

В статье 37 Гражданского процессуального кодекса РФ закрепляется право лиц, достигших 14-летнего возраста (при условии эмансипации, вступления в брак либо по отдельной категории дел) защищать свои права в суде самостоятельно; обязанность суда привлекать к участию в деле несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, права которых защищаются их законными представителями; а также право суда привлекать к участию несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, круг лиц на представительство которых не ограничивается законными представителями.

Помимо того, что «право ребенка на доступ к гражданскому судопроизводству в России лимитировано»¹⁷³, уровень обеспечения участия несовершеннолетнего в гражданском процессе также крайне низок, поскольку законодателем не обеспечено надлежащих механизмов, которые технически обеспечивали бы участие ребенка в процессе в качестве полноценного субъекта наряду со взрослыми.

В Замечаниях общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным» Комитет по правам человека устанавливает пять стандартов

¹⁷² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (в ред. 09.02.2012). URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8142/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁷³ Кравчук Н.В. Право ребенка на доступ к участию в гражданском процессе// Государство и право. 2013. № 1. С. 58.

мероприятий, обеспечивающих эффективную реализацию права ребенка быть заслушанным. К таким мероприятиям относятся:

- подготовка (информирование по всем затрагивающим ребенка вопросам: процедурах, влиянии высказанных им мнений, возможности выбора между непосредственным общением или через представителя, вероятных последствиях его выбора);
- непосредственно процесс заслушивания (нетравмирующая обстановка, квалификация взрослого);
- оптимальная практика оценки способностей;
- обратная связь, которая гарантирует, что взгляды будут восприняты всерьез, а не просто заслушаны в порядке выполнения формальностей¹⁷⁴.

Представляется, что обеспечение указанных механизмов в рамках национального гражданского судопроизводства будет служить эффективным порогом для ограничения судейского усмотрения. Более того, введение таких механизмов обеспечит гораздо более высокий уровень вынесения законных, обоснованных и справедливых судебных решений.

Специальные материальные пределы.

Исходя из анализа российской судебной практики и доктрины, позиций Комитета по правам ребенка и Европейского Суда по правам человека, к специальным материальным пределам относятся:

- установление минимального, но обязательного перечня вопросов, которые должны быть поставлены эксперту при назначении экспертизы;
- обязательное отражение в мотивировочной части решения суда анализа наилучших интересов несовершеннолетнего;
- обязательная оценка краткосрочных и долгосрочных последствий для ребенка.

Установление минимального, но обязательного перечня вопросов, которые должны быть поставлены эксперту при назначении экспертизы.

¹⁷⁴ Замечание общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2F12%2F12&Lang=ru (дата обращения: 03.02.2024).

Необходимо сразу оговориться, что в связи с тем, что каждый конкретный спор индивидуален, ограничивать четкий перечень вопросов, которые судья обязан поставить перед экспертом, совершенно бессмысленно. Однако для осуществления более полной и эффективной защиты прав детей минимальный стандарт установить все же необходимо.

Исходя из анализа судебной практики и позиций межгосударственных органов, основной и главной задачей суда остается выяснение мнения самого ребенка, находящегося в конфликтной ситуации, именно поэтому минимальный перечень вопросов, подлежащих выяснению в ходе комплексной психолого-психиатрической экспертизы, должен быть направлен на выяснение степени зрелости ребенка, его отношения к сложившейся ситуации, а также влияния взрослых на формирование мнения.

Так, например, в методике определения зрелости, разработанной В. Руженковым и др., для определения зрелости предлагается использовать тест, содержащий пять показателей, так называемых маркеров личной зрелости индивида: ответственность, терпимость, самореализация, позитивное мышление и самостоятельность¹⁷⁵.

Г. Ландсдаун в своем исследовании предлагает взять следующие критерии:

- «способность понимать и передавать соответствующую информацию (понимать альтернативы, выражать предпочтения, формулировать опасения, задавать соответствующие вопросы);
- способность мыслить и выбирать с некоторой степенью независимости (осуществлять выбор без принуждения и манипуляций, самостоятельно обдумывать проблемы);
- способность оценивать потенциальную пользу, риск и вред (краткосрочные и долгосрочные последствия принимаемых решений, риски);
- достижение достаточно стабильного набора ценностей»¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Руженков В.А., Руженкова В.В., Лукьянцева И.С. Методика диагностики личной зрелости // Научные ведомости. (Серия Медицина. Фармация). 2016. № 26(247). Вып. 36. С. 66.

¹⁷⁶ Cf. Lansdown G., The evolving capacities of the child, Innocenti Research Centre, UNICEF/Save the Children, Florence (2005). С. XI. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/556609> (дата обращения: 03.02.2024).

Представляется, что решение поставленного вопроса лежит, конечно же, вне правового поля и должно быть объектом междисциплинарных исследований. Однако минимальным перечнем вопросов все же должны стать следующие: «Достиг ли ребенок определенной степени зрелости?», «Не оказывает ли кто-либо из родителей психологического воздействия на ребенка в целях формирования определенного отношения к другому родителю и к ситуации в целом?», «Каково отношение ребенка к каждому из родителей и к ситуации в целом, носит ли оно самостоятельный характер?»¹⁷⁷.

Обязательное отражение в мотивировочной части решения суда анализа наилучших интересов несовершеннолетнего.

В соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 198 Гражданского процессуального кодекса РФ в своем решении суд обязан указывать мотивы своего решения и разъяснять основания, по которым те или иные доказательства, доводы и фактические обстоятельства получили приоритет перед другими. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»¹⁷⁸ решение должно быть законным и обоснованным, что определяется, в том числе, исчерпывающими выводами, вытекающими из установленных фактов.

В Замечаниях общего порядка № 12 (2009) «О праве ребенка быть заслушанным» предлагается вводить меры, требующие от лиц, ответственных за принятие решений, пояснять, в какой мере мнению ребенка было уделено должное внимание и каковы последствия решения для этого ребенка¹⁷⁹.

В Замечаниях общего порядка № 14 (2013) «О праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов» в качестве обязательных элементов для отражения в мотивировочной части решения суда

¹⁷⁷ Гульдман В.В. Роль заключения психолого-психиатрической экспертизы при рассмотрении судебных споров о месте проживания и порядке общения с ребенком // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок и правосудие» (г. Москва, 13 декабря 2018 года). М.: АППП, 2018. С. 45.

¹⁷⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (в ред. от 25.06.2015). URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8088/> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁷⁹ Замечание общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F12&Lang=ru (дата обращения: 03.02.2024).

предлагается использовать мнение ребенка; индивидуальные особенности; оценку семейного положения и взаимоотношений с родственниками; указание на конкретные права и интересы, подлежащие защите; общую оценку всех соответствующих элементов, определяющих наилучшие интересы ребенка, со взвешенной оценкой значимости каждого из них в сопоставлении с другими¹⁸⁰.

Обязательная оценка краткосрочных и долгосрочных перспектив для ребенка.

Вопрос о том, каким образом решение суда влияет на конкретного ребенка, также должен рассматриваться с учетом формирования краткосрочных и долгосрочных последствий для несовершеннолетнего. С учетом наличия конкретных фактов, краткосрочные последствия различных вариантов решения, основанного на судебном усмотрении, просчитать можно при условии, что судья при вынесении решения будет действовать разумно, добросовестно и в рамках справедливого баланса между правами и интересами ребенка и родителей. Долгосрочные же перспективы предугадать довольно сложно, особенно с учетом отсутствия у судьи специальных навыков и знаний, позволяющих спрогнозировать, каким образом вынесенное решение может повлиять на психологическое развитие ребенка, на будущее.

В одном из исследований Н. Кравчук обосновала публичный интерес и необходимость участия государства в защите детей как представителей будущих поколений. В статье был сделан акцент на то, что необходимость учета долгосрочных перспектив при решении любых вопросов, затрагивающих интересы детей, вытекает, в том числе, из Конституции РФ, в преамбуле которой закреплена ответственность государства не только перед нынешним, но и перед будущими поколениями. И к будущим поколениям как раз относятся «не только

¹⁸⁰ Замечание общего порядка № 14 (2013) «О праве ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы принимались во внимание в первую очередь». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F14&Lang=en (дата обращения: 20.09.2023).

те, кто еще не рожден, но и те, кто уже рожден, но будет существовать тогда, когда нас уже не будет, то есть дети»¹⁸¹.

При таком ключевом подходе к расширению последствий судебного усмотрения представляется, что необходимо устанавливать дополнительные ограничения не только с позиций внутренних убеждений судьи и конкретных фактических обстоятельств, имеющихся на момент рассмотрения дела по существу. Представляется, что при назначении экспертизы в рамках судебных споров, затрагивающих права и интересы детей, вопрос о долгосрочных перспективах для несовершеннолетнего должен обязательно ставиться перед экспертами. Такой подход должен обеспечить максимальный учет интересов конкретного ребенка не только в данный момент времени, но и учесть наилучшим образом перспективы влияния вынесенного решения с учетом развивающихся особенностей ребенка.

Если рассматривать судебное усмотрение в рамках споров, связанных с реализацией принципов защиты прав детей, то, основываясь на приведенных выше различных дефинициях, *судебное усмотрение при разрешении споров, затрагивающих права и интересы детей, можно определить как элемент правоприменения, основанный на мыслительно-аналитической деятельности судьи, выражающийся в обязанности выбрать наиболее оптимальный вариант разрешения спора, наилучшим образом удовлетворяющего интересы ребенка, с учетом мнения ребенка и фактических обстоятельств, ограниченный специальными процессуальными и специальными материальными пределами.*

¹⁸¹ Кравчук Н.В. Интересы человека настоящего vs интересы человека будущего // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О.Ю. Ильиной: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. С. 159.

Глава 3. Реализация основных принципов Конвенции ООН о правах ребенка в Российской Федерации

3.1. Реализация принципа недискриминации

Принцип недискриминации закреплён в статье 2 Конвенции ООН о правах ребенка, которая гласит, что все дети, находящиеся под юрисдикцией государства-участника, подлежат защите и гарантии их прав, без каких-либо исключений, независимо от расы, пола, языка, социального происхождения, здоровья или любых других характеристик. Страны, подписавшие Конвенцию, обязуются предпринимать активные шаги для предотвращения любых форм дискриминации против детей, а также против их родителей или опекунов, исходя из аспектов их личности или действий¹⁸².

Понятие «дискриминация» в тексте Конвенции не закреплено, что представляет особые сложности для изучения и оценки эффективности реализации данного принципа в национальных правовых системах. Основные проблемы, которые были выявлены автором исследования при изучении современного состояния реализации исследуемого принципа, существенно снижают уровень его осуществления, поскольку дискриминация довольно сложно измеряется количественными (объективными) показателями и чаще носит неявный характер, который можно оценить с помощью показателей качественных (субъективных).

¹⁸² Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 31.01.2024).

Помимо отсутствия четкого понятия «дискриминация в отношении детей», при реализации рассматриваемого принципа выявлены следующие проблемы, а именно:

1. Наличие различных форм дискриминации явной и скрытой, фактической и формальной. Кроме того, дискриминация по признаку несовершеннолетнего возраста проявляется в косвенной форме, что существенно затрудняет оценку соблюдения принципа недискриминации, поскольку дискриминационные действия в отношении не только детей, но и взрослых не всегда непосредственно наблюдаемы и легко различимы.

2. Открытый перечень возможных оснований дискриминации по отношению к детям, который не является исчерпывающим. Решение вопроса о выявлении дискриминации по характеристикам, которые относятся к понятию «любых других», в том числе дискриминации по возрастному признаку, зависит от решения следующей проблемы, которая также выявлена в контексте рассматриваемой проблемы.

3. Отсутствие определения «скрытые дискриминационные действия» в отношении детей. Исследование данной категории при оценке рассматриваемого принципа представляется не только наиболее актуальным, но и самым затруднительным, поскольку в науке этой проблеме уделено недостаточно внимания.

Как было указано выше, в Конвенции ООН о правах ребенка отсутствует определение дискриминации в отношении детей, однако сущность данного понятия можно раскрыть через нормы других универсальных конвенций по правам человека в совокупности с разъяснениями, данными Комитетом по правам ребенка.

Так, в Замечании общего порядка № 18 (1989 г.) Комитет по правам человека анализирует понятие дискриминации на основе Конвенции о

ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.¹⁸³ и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1975 г.¹⁸⁴ На основе этих базовых конвенций Комитет делает общий вывод о том, что в общем смысле дискриминация – это «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, которое основано на различных признаках... или иных обстоятельствах, и которое имеет целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всеми лицами на равных началах, всех прав и свобод»¹⁸⁵.

Анализ документов Комитета позволяет выделить несколько оснований дискриминации в отношении детей, таких, как гендерная дискриминация в отношении девочек; дискриминация, связанная с этническим происхождением, классовой принадлежностью, личными обстоятельствами и образом жизни, а также политическими или религиозными воззрениями (детей или их родителей); дискриминация в отношении детей-инвалидов; дискриминация в отношении детей, зараженных ВИЧ / СПИДом; дискриминация детей из ЛГБТИ-семей; возрастная дискриминация.

При этом в качестве основных обязательств государств по борьбе с дискриминацией в отношении детей Комитет определяет: активное выявление конкретных детей и группы детей, которым для реализации своих прав могут потребоваться дополнительные меры поддержки; выявление случаев, где уже имеет место или может возникнуть дискриминация; трансформация законодательных и административных норм, контроль правоприменения;

¹⁸³ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН 21 декабря 1965 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁸⁴ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1979 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁸⁵ Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 18, 1989 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCCPR%2FGECC%2F6622&Lang=en (дата обращения: 09.12.2023).

корректировка и распределение ресурсов; пересмотр устоявшихся методик и подходов¹⁸⁶.

Для того чтобы надлежащим образом выполнять все перечисленные обязательства, государству необходимо иметь четкие представления не только о возможных видах детской дискриминации, но и о формах ее проявления в рамках различных отношений с участием детей.

Формы дискриминации по признаку несовершеннолетнего возраста.

Согласно пункту 10 Замечаний общего порядка № 1, «Дискриминация по любым признакам, независимо от того, является ли она **явной или скрытой**, оскорбляет человеческое достоинство ребенка»¹⁸⁷.

Все международные документы по правам человека подтверждают, что недискриминация и равенство являются универсальными принципами. Оценка соблюдения этих принципов может быть затруднительной, поскольку они не всегда поддаются непосредственному наблюдению и не всегда легко различимы в контексте соблюдения либо нарушения прочих прав человека. Поэтому явную и скрытую формы дискриминации по признаку несовершеннолетнего возраста можно классифицировать в зависимости от степени проявления дифференциации между интересами ребенка и взрослого.

Явная дискриминация по отношению к детям – это объективно подтвержденные, очевидные правила или меры, основанные на конкретном проявлении различий, исключений, ограничений или предпочтений по любым характеристикам, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления детьми прав и свобод на равных началах со взрослыми, которые возможно непосредственно выявить, проследить и подтвердить.

¹⁸⁶ Замечание общего порядка № 5 «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка» (CRC/GC/2003/5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en (дата обращения: 15.10.2022).

¹⁸⁷ Замечания общего порядка № 1 (2001) «Цели образования». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2F2001%2F1&Lang=ru (дата обращения: 01.12.2023).

Не всегда можно однозначно связать неравное обращение или его эффекты с явными проявлениями дискриминации, поскольку они могут быть результатом сложных процессов, включающих одновременное действие нескольких форм дискриминации или влияния других факторов. Кроме того, и дети, и взрослые зачастую могут не осознавать, что подвергаются дискриминации¹⁸⁸.

В Соображениях, принятых Комитетом по правам ребенка 20 октября 2022 г. в отношении сообщений № 114/2020, № 116/2020, № 117/2020 и № 118/2020, было рассмотрено дело заявителей против Испании в отношении статьи 2 Конвенции о запрете дискриминации по национальному признаку. В контексте рассматриваемых событий Комитет подтвердил возможность наличия явной и скрытой дискриминации и дополнительно разъяснил, что дискриминация применима как к публичной, так и к частной сфере, и что нарушение статьи 2 может быть результатом правила или меры, которые кажутся нейтральными или не имеют какого-либо намерения дискриминировать, но имеют дискриминационный эффект¹⁸⁹.

Таким образом, *скрытую дискриминацию по отношению к детям можно определить как субъективно-оценочные, не очевидные правила или меры, основанные на проявлении различий, исключений, ограничений или предпочтений по любым характеристикам, кажущиеся нейтральными или не имеющие какого-либо намерения дискриминировать, но имеющие скрытый дискриминационный эффект, выраженный в умалении признания, использования или осуществления детьми прав и свобод на равных началах со взрослыми.*

Проблема существования **формальной и фактической** дискриминации поднималась Комитетом по правам человека в Замечании общего порядка № 18 (1989), который указал, что одного формального закрепления принципа недискриминации в национальном законодательстве недостаточно. Основная

¹⁸⁸ Показатели в области прав человека. Руководство по измерению и осуществлению (HR/PUB/12/15), УВКПЧ ООН. Женева, Нью-Йорк. 2012 г. URL: [Human rights indicators ru.pdf \(ohchr.org\)](https://humanrightsindicators.ru/pdf/ohchr.org) (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁸⁹ Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщений № 114/2020, 116/2020, 117/2020, 118/2020 от 12 сентября 2022 г. по делу «А.Б.А и Ф.З.А; Ф.Е.М. и С.Е.М.; С.Е.Й. и М.Е.Й., и Н.Л., Р.А. и М.А.А. против Испании» (CRC/C/91/D/114/220, CRC/C/91/D/116/220, CRC/C/91/D/117/220, CRC/C/91/D/118/220). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3715/ru-RU> (дата обращения: 06.12.2023).

проблема заключается в выявлении именно фактической дискриминации, которая должна быть своевременно выявлена и пресечена в процессе правоприменения. Формальная дискриминация в позициях Комитета по правам ребенка определяется термином *de-jure*, фактическая определяется как дискриминация *de-facto*.

Соответственно, в зависимости от уровня осуществления дифференциации между интересами ребенка и взрослого, можно выделить формальную и фактическую формы дискриминации по признаку несовершеннолетнего возраста.

Формальная дискриминация по отношению к детям – это императивно закрепленные в нормах права очевидные, либо неочевидные правила или меры, основанные на проявлении различий, исключений, ограничений или предпочтений по любым характеристикам, выражающиеся в явном или скрытом умалении признания, использования или осуществления детьми прав и свобод на равных началах со взрослыми.

Явную формальную дискриминацию в рамках современной правовой системы можно встретить очень редко, поскольку приоритет политики в отношении защиты прав и интересов детей является основной целью современного российского законодателя. Гораздо чаще можно встретить случаи скрытой формальной дискриминации, которые зачастую встречаются из-за несовершенства юридической техники составления текстов нормативных актов либо из-за возникновения новых социально значимых правоотношений, вовремя не урегулированных правом, либо из-за наличия открытого перечня юридически значимых оснований.

Так, в качестве примера скрытой формальной дискриминации Л. Туманова приводит буквальное толкование текста статьи 56 Семейного кодекса РФ, пункт 2 части 1 которой ограничивает возможность несовершеннолетних лиц реализовать свое конституционное право на защиту законных интересов. Кроме того, автор, анализируя статьи 131, 132, 134–136 Гражданского процессуального кодекса РФ, указывает на значительные «проблемы в доступности процедуры инициирования судебного процесса» и заключает, что «для несовершеннолетних эти препятствия

могут стать непреодолимыми». Вопросы об обязательном назначении адвоката для обеспечения участия несовершеннолетнего в гражданском процессе, а также введения особых правил возбуждения производства по исковому заявлению несовершеннолетних до сегодняшнего дня остаются неразрешенными¹⁹⁰.

Еще одним примером скрытой формальной дискриминации детей является наследственное право в отношении постмортальных детей, рожденных с помощью репродуктивных технологий после смерти биологических родителей. Крайне интересно исследование В. Алейниковой, в котором она делает вывод, что «исключение постмортальных детей из круга наследников по причине их появления на свет за пределами жизни наследодателя позволяет говорить о дискриминации и ущемлении прав постмортальных детей, поскольку предполагает установление различного объема имущественных прав и, как следствие, дифференциацию детей в зависимости от момента их рождения»¹⁹¹.

Что касается фактической дискриминации, то встречается она в основном на правоприменительном уровне в рамках административных и судебных процедур. С. Дикман отмечает, что такой вид дискриминации «долго не входил в сферу интересов юриспруденции... Современная концепция юридического равенства стала включать в себя не только наличие равных прав, но и наличие равных возможностей»¹⁹², что и послужило отправной точкой для изучения этой проблемы.

Таким образом, *фактическая дискриминация по отношению к детям – проявление различий, исключений, ограничений или предпочтений по любым характеристикам, выражающиеся в явном или скрытом умалении признания, использования или осуществления детьми прав и свобод на равных началах со взрослыми на правоприменительном уровне. Примером фактической дискриминации может служить любое действие или бездействие органов и*

¹⁹⁰ Туманова Л.В. Право несовершеннолетних лиц на судебную защиту: «де-юре» и «де-факто» // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 2. С. 328–331.

¹⁹¹ Алейникова В.В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «Быть или не быть, вот в чем вопрос...» // Закон. 2023. № 4. С. 137–157.

¹⁹² Дикман С. Защита личности от дискриминации: методические рекомендации для преподавателя. М.: Новая юстиция, 2009. С. 7.

должностных лиц, ограничивающие или умаляющие реализацию ребенком своих прав и свобод (отказ в принятии заявления о защите нарушенных прав по причине недостижения полной дееспособности, затягивание сроков рассмотрения дел с участием несовершеннолетних и т.п.).

Некоторые исследователи выделяют такие формы дискриминации, как **прямая и косвенная**. Проявление прямой и косвенной форм дискриминации отличается тем, что *прямая дискриминация имеет место, когда одно лицо или группа лиц намеренно ставятся в менее благоприятное положение по сравнению с другими лицами по одному из запрещенных оснований дискриминации без разумных на то причин или юридически обоснованных целей, косвенная дискриминация «наблюдается в случаях, когда априори нейтральные законы, процедуры, политики или программы, критерии или практики де-факто ставят отдельные группы людей в неблагоприятное положение без разумного обоснования»*¹⁹³.

Соответственно, дискриминация по признаку несовершеннолетнего возраста в любом случае будет косвенной, поскольку такого запрещенного основания до сих пор законодательно не закреплено.

При этом не каждое ограничение как в отношении детей, так и в отношении взрослых будет считаться дискриминацией, кроме того, не любое ограничение имеет целью умышленное умаление их прав и интересов. Так как семейные отношения неразрывно связаны с морально-этическими ценностями, традициями и устоями, существующими в государстве, ограничения по отношению к детям могут проводиться без намерения дискриминировать, а, наоборот, с намерениями защитить или оградить несовершеннолетних от последствий, которые могут негативно повлиять на их развитие.

В Замечаниях общего порядка № 5 (2003) Комитет по правам ребенка подчеркивает, что обеспечение равенства в доступе к правам не подразумевает универсального подхода ко всем детям без исключения, а защита прав детей не

¹⁹³ Показатели в области прав человека. Руководство по измерению и осуществлению (HR/PUB/12/15), УВКПЧ ООН. Женева, Нью-Йорк. 2012 г. URL: [Human rights indicators ru.pdf \(ohchr.org\)](https://www.ohchr.org/documents/default.aspx?docid=1215) (дата обращения: 04.02.2024).

должна восприниматься как проявление благотворительности, предоставляющее детям какие бы то ни было одолжения¹⁹⁴.

В Соображениях, принятых Комитетом по правам ребенка 20 октября 2022 г. в отношении сообщений № 114/2020, № 116/2020, № 117/2020 и № 118/2020, Комитет замечает, что различие, исключение или ограничение не будут считаться дискриминацией при условии, что они основаны на разумных и объективных критериях, которые необходимы и соразмерны для достижения законной цели¹⁹⁵. То есть причины и цели того или иного ограничения должны быть юридически обоснованы, оправданы спецификой той или иной ситуации, а также соразмерны негативным последствиям, которые могут наступить при отсутствии таких ограничений.

Так, например, в Ответах на вопросы в отношении периодических шестого и седьмого доклада государство вполне логично и разумно обосновывает ограничение использования детьми социальных сетей, принадлежащих иностранной компании *Meta Platforms Inc.*, а также преимущественное использование отечественного программного обеспечения в процессе обучения и в повседневной жизни. Несмотря на то, что дети в данном случае ограничены в свободе выбора, данные действия со стороны государства не носят дискриминационный характер, поскольку соразмерны возможным негативным последствиям, а также юридически обоснованы разумными целями, изложенными в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹⁹⁶.

В российской доктрине семейного права вопросы дискриминации рассматриваются в основном в свете решения проблемы ликвидации явной

¹⁹⁴ Замечание общего порядка № 5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2F54%2F2003%2F5&Lang=en (дата обращения: 09.12.2023).

¹⁹⁵ Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщений № 114/2020, 116/2020, 117/2020, 118/2020 от 12 сентября 2022 г. по делу «А.Б.А и Ф.З.А; Ф.Е.М. и С.Е.М.; С.Е.Й. и М.Е.Й., и Н.Л., Р.А. и М.А.А. против Испании» (CRC/C/91/D/114/220, CRC/C/91/D/116/220, CRC/C/91/D/117/220, CRC/C/91/D/118/220). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3715/ru-RU> (дата обращения: 06.12.2023).

¹⁹⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 28.04.2023). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102144583&ysclid=ls9b0tace6966427989> (дата обращения: 05.02.2024).

дискриминации, запрет которой закреплен на конституционном уровне и конкретизируется в нормах семейного законодательства, и в большинстве случаев в отношении равенства прав взрослых членов семьи.

А. Рыженков в своем исследовании о вопросах дискриминации в семейном праве делает вывод, что запрет на дискриминацию полностью реализован в России, а имеющиеся ограничения либо оправданы, либо носят дискуссионный характер. При этом запрет дискриминации в сфере семейного права он определяет как «недопустимость умаления прав супругов или членов семьи посредством установления исключений, ограничений и предпочтений, обусловленных наличием социальных, национальных, языковых, расовых или религиозных мотивов»¹⁹⁷.

Противоположное мнение высказывает в своем исследовании Н. Тарусина, которая утверждает, что проблема дискриминации в семейно-правовой сфере все еще не решена. Рассматривая вопросы положения матери и отца в зависимости от их гендерного статуса, она утверждает, что «и в нормативистике, и в правоприменении неизбежно сохраняются идеи дифференциации данных статусов»¹⁹⁸.

Трудов, посвященных скрытой детской дискриминации, крайне мало, либо они касаются вопросов, связанных с правовыми и морально-этическими последствиями нетрадиционных социальных отношений, а также с новыми репродуктивными технологиями.

Еще одной проблемой эффективного осуществления принципа недискриминации видится проблема открытого перечня оснований. Как отмечает в своей работе С. Дикман, начиная с Устава ООН дальнейшее принятие различных международно-правовых актов было обусловлено постепенным расширением списка недопустимых оснований дискриминации¹⁹⁹. Связано это с

¹⁹⁷ Рыженков А.Я. Принцип запрета дискриминации в семейном праве: вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 22.

¹⁹⁸ Тарусина Н.Н. Мужчина в пространстве семейного права: от справедливой дифференциации статуса до дискриминации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1.

¹⁹⁹ Дикман С. Защита личности от дискриминации: методические рекомендации для преподавателя. М.: Новая юстиция, 2009. С. 16.

быстрым развитием во второй половине XX в. прав и свобод человека в различных областях человеческой жизни, а также с возникновением новых социально значимых правоотношений, не урегулированных полностью или частично правовыми нормами.

Для того чтобы глубже понять разнообразные способы, которыми может проявляться дифференцированное отношение, важно универсально трактовать основания, называемые «иными обстоятельствами». Кроме того, как было указано выше, многие формы дискриминации, которые на первый взгляд кажутся неоправданными и субъективными, на самом деле могут соответствовать критериям, изложенным в международных договорах и национальных нормативных актах о недопустимости дискриминационных практик.

В Обобщении правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов 2018 г. Верховный Суд РФ пояснил, что основание, связанное с «иными обстоятельствами», необходимо гибко определить для понимания других форм дифференцированного обращения, помимо тех, что прямо перечислены в международных договорах. Иные формы не могут быть разумно и объективно оправданы и имеют характер, аналогичный основаниям, указываемым в запрещающих дискриминацию статьях. При этом перечень оснований не исчерпывает все возможные варианты, поскольку характер дискриминации постоянно меняется в зависимости от конкретных условий и развивается со временем. В числе иных запрещенных оснований Верховный Суд РФ указывает, в том числе, и возраст²⁰⁰.

Однако решение вопроса выявления дискриминации по возрастному признаку по отношению к детям представляет особую сложность. Зачастую такие дискриминационные действия оправдываются тем, что дети слишком малы для того, чтобы разумно оценивать последствия тех или иных решений. Однако существует мнение, что «уязвимость детей проистекает не из-за отсутствия у них

²⁰⁰ Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица не подвергаться дискриминации, 2018 г. Подготовлено Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/27156/ (дата обращения: 09.12.2023).

способностей, а скорее из-за отсутствия их власти и статуса, с помощью которых они могли бы защищать свои права и оспаривать злоупотребления»²⁰¹.

В глобальном докладе Всемирной организации здравоохранения возрастная дискриминация (эйджизм) «относится к негативным стереотипам, предрассудкам и дискриминации, связанным с возрастом. Эйджизм может проявляться на уровне институций или в межличностных отношениях... Он может быть явным или скрытым, в зависимости от осознания и понимания проблемы. Эйджизм начинается еще в детстве и усиливается со временем. Он также пересекается с другими формами дискриминации и может иметь серьезные последствия»²⁰². «Основными факторами, определяющими эйджизм в отношении молодого населения, являются определенные личностные черты, независимо от наличия контакта с другими возрастными группами»²⁰³.

На сегодняшний день вопросы, связанные с дискриминацией детей по возрастному признаку, представляют особую сложность в рамках диалога между Комитетом по правам ребенка и Российской Федерацией. Данный факт прежде всего связан с существующими в государстве традиционными ценностями и особенностью менталитета, а также с несовершенством процессуального законодательства, не имеющего специальных процедур и механизмов, способных обеспечить несовершеннолетним надлежащий уровень реализации их прав в соответствии с их возрастными способностями и компетенциями.

Так, например, в пункте 26 Заключительного замечания к объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации Комитет по правам ребенка обратил особое внимание на некоторые аспекты реализации принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, связанных с возрастной дискриминацией в правоприменительной практике. Комитет указал на то, что «в ходе продолжающейся «антиювенальной» кампании, согласно сообщениям,

²⁰¹ Cf. Lansdown G. The evolving capacities of the child, Innocenti Research Centre, UNICEF/Save the Children, Florence (2005). С. 32. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/556609> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁰² Всемирная организация здравоохранения. Глобальный доклад о проблеме эйджизма от 18 марта 2021 г. Global report on ageism. Geneva: World Health Organization; 2021. С. 2. URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/demographic-change-and-healthy-ageing/combating-ageism/global-report-on-ageism> (дата обращения: 09.08.2023).

²⁰³ Там же. С. 82.

интересы родителей ставятся выше интересов их детей»²⁰⁴. Как указал Комитет по правам ребенка в пункте 21 Замечаний общего порядка № 20, «подростковый возраст сам по себе может порождать дискриминацию»²⁰⁵.

В российском научном сообществе основные дискуссии, связанные с дискриминацией по возрастному признаку, в основном посвящены лицам старшего поколения, которые сталкиваются с целым рядом проблем в различных сферах, начиная от медицинского обеспечения, заканчивая проблемами, связанными с трудовой деятельностью. Вопросы неравного положения несовершеннолетних по сравнению со взрослыми в вопросах осуществления и защиты их прав и интересов либо отрицаются, либо затрагиваются в исследованиях лишь поверхностно, без глубокой детализации.

Российское право не содержит прямо установленного запрета на недискриминацию несовершеннолетних по возрастному признаку, однако сложившаяся судебная практика все же дает основание утверждать о существовании скрытой фактической дискриминации, которая в том числе выражается в игнорировании мнения детей не только малолетних, но и детей подросткового возраста. Соответственно, применительно к реализации принципа недискриминации мы можем говорить о наличии не только материально-правовых, но и процессуально-правовых элементов.

Следующая проблема отсутствия понятия скрытых дискриминационных действий логично вытекает из двух предыдущих. Поскольку скрытую формальную или фактическую дискриминацию достаточно сложно выявить и доказать, признание факта ее наличия в отношении несовершеннолетних детей должно стать отправной точкой к разработке понятия скрытых дискриминационных действий, критериев их выявления, а также минимальных стандартов доказывания в рамках национального законодательства. Особую

²⁰⁴ Заключительные замечания Комитета по правам ребенка к объединенным четвертому и пятому докладом Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FCO%2F4-5&Lang=ru (дата обращения: 06.12.2023).

²⁰⁵ Замечания общего порядка № 20 (2016) «Об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F20&Lang=en (дата обращения: 01.12.2023).

сложность в работе над поставленной задачей представляет тот факт, что право на недискриминацию не может существовать автономно, вне связи с каким-либо иным правом, и всегда должно рассматриваться в контексте нарушения иных прав и интересов несовершеннолетнего.

В пункте 8 Соображения по делу «Ю.Б. и Н.С. против Бельгии» от 27 сентября 2018 г.²⁰⁶ Комитет, рассматривая дело, которое длилось в общей сложности семь лет, обратил внимание на то, что в силу малого возраста ребенка последствия указанной процедуры имели первостепенное значение для его жизни и будущего. Рассматривая вопрос о приемлемости жалобы, Комитет в пункте 7 Сообщения указал, что доводы заявителя относительно нарушений статей 2, 3, 12 и 10 были достаточно обоснованы для целей приемлемости, объявил их приемлемыми и перешел к рассмотрению по существу.

В пункте 8.7 Соображения, принятого Комитетом по делу «Н.П. против Парагвая» от 3 февраля 2020 г.²⁰⁷ № 30/2017, о неисполнении решения об определении порядка общения разлученного родителя с ребенком, Комитет указал, что значение сроков рассмотрения дел для ребенка является существенным фактором, поскольку «утраченное время может нанести непоправимые последствия для отношений».

Из анализа указанных дела безусловно следует вывод о том, что так или иначе права и интересы ребенка переплетаются, взаимосвязаны между собой, а нарушение одного принципа защиты прав детей автоматически влечет за собой нарушение другого. Интересно, что большинство жалоб, рассмотренных Комитетом, обычно включает в себя нарушение нескольких норм и принципов Конвенции, а Сообщения содержат в себе анализ нарушения нескольких

²⁰⁶ Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 12/2017 по делу «И.Б. и Н.С. против Бельгии» от 27 сентября 2018 г. (CRC/C/79/D/12/2017). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2421/en-US> (дата обращения: 09.12.2023).

²⁰⁷ Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 30/2017 по делу «Н.П. против Парагвая» от 3 февраля 2020 г. (CRC/C/83/D/30/2017). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2629/en-US> (дата обращения: 07.12.2023).

принципов и норм одновременно во взаимосвязи с ситуацией и фактическими обстоятельствами конкретного кейса.

Так, примером скрытых дискриминационных действий в отношении несовершеннолетних детей в рамках гражданского судопроизводства может служить дело, по которому 17 декабря 2019 г. была подана жалоба в Европейский Суд по правам человека на нарушение статьи 14 Европейской конвенции по правам человека 1950 г. – право на недискриминацию в свете соблюдения равенства прав детей и взрослых при осуществлении правосудия, а также статьи – право на частную жизнь с процессуальным аспектом со статьей 6 – право на справедливое и эффективное судебное разбирательство. Жалоба Небольсины против России зарегистрирована под № 1121/20²⁰⁸, принята к производству и в настоящее время ожидает рассмотрения по существу.

С августа 2017 г. Ленинским районным судом г. Астрахани, а затем Кировским районным судом г. Астрахани дважды рассматривались дела по иску Небольсиной О.А. к Небольсину С.В. о снятии запрета на выезд за границу двоим несовершеннолетним детям (дела № 2-3163/2017²⁰⁹ и № 2-2346/2018²¹⁰ соответственно). В удовлетворении исковых требований дважды было отказано, решения оставлены в силе вышестоящими судами.

При рассмотрении дела в Кировском районном суде г. Астрахани мнение детей, которым на момент рассмотрения дела было 13 и 9 лет, выяснялось в судебных заседаниях. Дети вполне осознанно высказались, что хотели бы ездить с мамой на каникулы за границу и что отец запрещает им это делать без объяснения конкретных причин.

10 августа 2018 г. в суд было представлено заключение, в котором содержались выводы о том, что, действуя в интересах детей и учитывая их

²⁰⁸ Небольсины против России, Жалоба № 1121/20. URL: <https://app.echr.coe.int/SOP/index.aspx?lg=en> (дата обращения: 03.12.2023).

²⁰⁹ Дело № 2-3163/2017. URL: http://leninsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=165272302&case_uid=8cf3e9c8-cbc4-4bb0-ae7f-b6a4a7f32b5c&delo_id=1540005 (дата обращения: 03.12.2023).

²¹⁰ Дело № 2-2346/2018. URL: https://kirovsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=205262016&case_uid=cd2e8f01-17dc-4d41-89e2-758037c00660&delo_id=1540005 (дата обращения: 03.12.2023).

мнение, орган опеки и попечительства считает возможным снять запрет на кратковременные выезды малолетних детей за пределы Российской Федерации с целью индивидуального туризма.

Суд не оценил и не принял во внимание ни мнение детей, ни заключение органа опеки и попечительства, мотивировав свое решение исключительно с позиции защиты прав отца, интересы которого, по мнению суда, могут быть нарушены в случае угрозы невозвращения детей в Россию.

8 октября 2018 г. была подана апелляционная жалоба в Судебную коллегия по гражданским делам Астраханского областного суда, дело № 33-4187/2018²¹¹. 14 ноября 2018 г. по заявлению истицы суд перешел к рассмотрению дела по правилам первой инстанции. Рассмотрение дела откладывалось по любому формальному поводу. Несмотря на то, что в исковом заявлении были заявлены конкретные сроки выезда на полгода вперед, с летних до зимних каникул, перерывы между заседаниями в апелляционной инстанции составляли две-три недели.

С момента предъявления первоначального искового заявления в суд первой инстанции и до вынесения апелляционного определения разбирательство длилось ровно 6 месяцев – с 27 июня 2018 г. по 24 декабря 2018 г., из них два месяца в суде апелляционной инстанции. В связи с длительностью процесса сроки выезда уточнялись трижды, но дети так и не смогли получить право на выезд. Более того, заявленные в суде первой инстанции сроки вышли, и их пришлось уточнять на следующие полгода. 24 декабря 2018 г. при вынесении решения суд прекратил производство по делу на том основании, что уточнение заявленных сроков выезда является изменением предмета и основания иска, при том что правовое обоснование оставалось неизменным.

Прохождение двух кассационных инстанций длилось еще полгода – до 18 июня 2019 г. В рамках надзорной инстанции 4 октября 2019 г. жалоба Верховным Судом РФ была возвращена. На момент полного завершения судебных тяжб

²¹¹ Дело № 33-4187/2018. URL: https://oblsud--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6697757&case_uid=9c5edd44-eeb1-4940-808e-80203f7ef8fc&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 03.12.2023).

детям уже исполнилось 14 и 10 лет, три из них прошли в судах, но интересы детей так и не были учтены.

Из описанных выше фактов мы можем сделать вывод о наличии скрытых дискриминационных действий со стороны судебных органов. Ни судьи, ни лица, участвующие в деле, явно не действовали с осознанным намерением ущемить либо ограничить в правах несовершеннолетних, в отношении которых рассматривался спор. Однако несмотря на то, что все процессуальные действия в описанном деле обоснованы конкретными правовыми нормами о сроках судопроизводства, не кажутся дискриминирующими и носят нейтральный характер, в то же время направлены на максимально длительное рассмотрение дела, не соответствуют эффективной защите прав и интересов несовершеннолетних и ставят детей в уязвимое положение по отношению к взрослым.

Необходимо заметить, что Комитет по правам ребенка и Европейский Суд по правам человека также рассматривают вопросы неоправданно длительного судопроизводства с участием несовершеннолетних детей, в том числе через призму нарушения принципа недискриминации.

Так, в Обобщении судебной практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов Верховный Суд РФ, ссылаясь на пункт 154 Постановления от 23 октября 2014 г. по делу «В.П. против Российской Федерации» подтвердил, что судебное разбирательство, касающееся определения места жительства ребенка, требует немедленного урегулирования. Суды и государственные органы власти должны действовать эффективно и стремиться избегать задержек при любой возможности²¹².

Методики определения и стандарты доказывания наличия скрытых дискриминационных действий на основе позиций Европейского Суда по правам человека, а также Директив Совета Европы 2000/43/ЕС (от 29 июня 2000 г. о

²¹²Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26329/ (дата обращения: 07.12.2023).

реализации принципа равного обращения со всеми лицами независимо от их расовой принадлежности и этнического происхождения) и 2000/78/ЕС (от 27 ноября 2000 г. об общих рамках равного обращения в сфере труда и занятости) были описаны в Руководстве Совета Европы для юристов «Запрещение дискриминации в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (ст. 14)», а также С. Дикманом в методических рекомендациях²¹³

На основе анализа судебной практики, практики Комитета по правам ребенка в совокупности с указанными материалами для целей настоящего исследования автором было сформулировано следующее понятие скрытых дискриминационных действий:

Скрытые дискриминационные действия по отношению к детям – это нейтральные по своему характеру действия или бездействия, хотя бы совершенные без дискриминационных намерений, но ставящие несовершеннолетнего ребенка в уязвимое положение по сравнению со взрослым без какого-либо разумного обоснования, и влекущие дискриминационные последствия в виде отсутствия соразмерности между принятыми мерами и достигаемыми законными целями.

Таким образом, для эффективного осуществления принципа недискриминации, закрепленного статьей 2 Конвенции, в открытый перечень запрещенных юридически значимых оснований детской дискриминации необходимо включить основания, возникающие в связи с новыми репродуктивными технологиями, а также несовершеннолетний возраст.

Представляется, что для решения описанных выше проблем, связанных с выявлением скрытой дискриминации, необходима комплексная научная разработка понятия, а также критериев и стандартов доказывания, необходимых для использования в правоприменительной практике.

²¹³ См. Руководство для юристов «Запрещение дискриминации в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (ст. 14)». URL: <https://crjm.org/wp-content/uploads/2009/01/Article-14-Manual-Russian-translation-1.pdf> (дата обращения: 06.02.2024); Дикман С. Защита личности от дискриминации: методические рекомендации для преподавателя. М.: Новая юстиция, 2009. 160 с.

3.2. Реализация принципа обеспечения наилучших интересов ребенка

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., является основополагающим и должен приниматься во внимание на всех уровнях национальных правовых систем в случае, когда правоотношения затрагивают интересы ребенка, вне зависимости от природы этих правоотношений.

Пункт 1 статьи 3 Конвенции ООН закрепляет, что «во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка»²¹⁴.

В соответствии с пунктом 12 Замечаний общего порядка № 5 от 3 октября 2003 г. «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка»²¹⁵ принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка является одним из приоритетных принципов, определяющих основные направления защиты прав детей. При этом пунктом 4 Замечаний общего порядка № 14 разъяснено, что «предназначение концепции наилучших интересов ребенка – обеспечить как полномасштабную и эффективную реализацию всех прав, провозглашенных в Конвенции, так и всестороннее развитие ребенка»²¹⁶.

²¹⁴ Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 31.01.2024).

²¹⁵ Замечания общего порядка № 5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F2003%2F5&Lang=en (дата обращения: 20.09.2023).

²¹⁶ Замечание общего порядка № 14 (2013) «О праве ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы принимались во внимание в первую очередь». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FC%2F14&Lang=en (дата обращения: 20.09.2023).

Исходя из концепции, предложенной Комитетом, этот принцип имеет межотраслевое значение в юридической науке и практике, ключевым для реализации остальных принципов и норм Конвенции, поэтому уровень его закрепления, толкования и реализации должен соответствовать его значимости. При этом ошибочно полагать, что рассматриваемый принцип является составной частью принципов только семейного права, поскольку норма обладает межотраслевым характером и должна учитываться в контексте любых мер, так или иначе затрагивающих права и законные интересы ребенка.

Соотношение понятий «законные интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка».

Вопросы, связанные с различными аспектами реализации принципа наилучшего обеспечения детей, находятся в постоянном диалоге между Комитетом ООН по правам ребенка и Российской Федерацией.

Диалог, в том числе, обеспечивается через предоставление периодических докладов, в которых Российская Федерация аккумулирует информацию о мерах по реализации принципов Конвенции на законодательном, судебном и административном уровнях, освещая вопросы, которые Комитет по правам ребенка ставит перед государством в Заключительных замечаниях к предыдущим докладам.

Так, еще в 2014 г. в пункте 26 Заключительного замечания к объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации Комитет по правам ребенка обратил особое внимание на некоторые аспекты реализации принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, а именно – наличие в российском законодательстве формулировки «законные интересы ребенка», по своей значимости неравноценной с «наилучшими интересами ребенка»²¹⁷.

При этом в шестом и седьмом периодических докладах Российская Федерация представила ответ только на первый вопрос, по сути, приравняв в

²¹⁷ Заключительное замечание Комитета по правам ребенка по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. (CRC/C/RUS/CO/4-5). URL: tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fRUS%2fCO%2f4-5&Lang=en (дата обращения: 01.02.2024).

пункте 41 «законные интересы» ребенка к его наилучшим интересам. Аргументация сводилась к тому, что «целями государственной политики Российской Федерации в интересах детей являются осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях их нарушений»²¹⁸.

Такой вывод ставит перед нами задачу анализа соотношения понятий «законный интерес ребенка» и «наилучший интерес ребенка». В данном случае необходимо определиться, действительно ли законодатель обеспечивает полный охват всех сфер, которые требуют пристального внимания при разрешении споров и конфликтов, затрагивающих права ребенка, понятием «законные интересы».

Для того чтобы дать ответ на поставленный вопрос, необходимо прежде всего проанализировать состояние основных действующих законодательных актов, регламентирующих права ребенка, через призму текстуального закрепления категории «интерес». В 2003 г. А. Малиновой был проведен подобный анализ по состоянию на исследуемый период, однако в связи с тем, что за 20 лет Семейный кодекс РФ претерпел изменения, представляется, что оценка текстуального анализа действующего законодательства будет в данном случае более чем уместна²¹⁹. Кроме того, текстуальный анализ нормативных актов целесообразен еще и потому, что до сих пор в нормах семейного законодательства не устранена дефектность, которая заключается в существовании большого количества оценочных понятий и категорий, наличии противоречий и неопределенностей, фрагментарным и несистемным регулированием отдельных правоотношений, о чем упоминал в своих трудах Ю. Беспалов²²⁰.

²¹⁸ Объединенные шестой и седьмой периодические доклады Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка, 2011–2019 гг. (CRC/C/RUS/6-7). URL: tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fRUS%2f6-7&Lang=en (дата обращения: 22.07.2022).

²¹⁹ Малинова А.Г. Категория «интерес» в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ур. Гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2003.

²²⁰ Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. С. 4.

В Семейном кодексе РФ категория «интерес» применительно к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, употребляется в следующих формулировках:

- «интересы несовершеннолетних» (статьи 1, 29, 39, 124);
- «интересы детей» (статьи 23, 24, 64, 65, 121, 124, 145);
- «интересы ребенка» (статьи 54, 57, 59, 66, 67, 68, 72, 73, 79, 102, 127, 131, 137, 141, 145, 155.2);
- «законные интересы» (статьи 1, 56, 148.1, 152.2, 155.3, 165).

Из буквального толкования текста нормативного акта можно предварительно сделать вывод, что законодатель сознательно разделяет понятия «законные интересы» и «интересы несовершеннолетних / детей / ребенка», что изначально ставит под сомнение их равенство. При этом из текста не усматривается, по каким критериям законодатель разделяет исследуемые понятия. Кроме того, довольно затруднительно оказалось определить, как данные категории систематически соотносятся друг с другом.

Дальнейший анализ текста Семейного кодекса РФ позволяет нам сделать вывод о том, что вопросы обеспечения защиты интересов лиц, не достигших 18-летнего возраста, также раскрываются в тексте нормативного акта неоднозначно.

Пункты 1 и 2 статьи 38 Основного Закона закрепляют, что забота о детях и их воспитание являются основными правами и обязанностями родителей, а материнство, детство и семья, в свою очередь, находятся под защитой государства.

Статья 56 Семейного кодекса РФ связывает право ребенка на защиту с правовыми последствиями нарушения его прав и законных интересов. Такая защита, исходя из текста данной нормы, входит в круг обязанностей обоих родителей, а в случае злоупотребления правом со стороны родителей – также на органы опеки и попечительства, прокуратуру и суд.

Как указывает Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 28 сентября 2023 г. № 2514-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 56 Семейного кодекса Российской Федерации, а также частью

третьей статьи 79 и частью третьей статьи 173 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», «пункт 1 статьи 56 Семейного кодекса Российской Федерации конкретизирует статью 38 (часть 1 и 2) Конституции Российской Федерации»²²¹.

Если вернуться к выводу о разделении понятий «интересы» и «законные интересы», то резонно возникает вопрос о том, как, по мнению законодателя, обстоят дела с другими интересами, которые не входят в понятие законных и текстуально не охвачены нормативным актом.

Представляется, что ответ на этот вопрос косвенно можно обосновать через взаимосвязь указанной статьи 56 со статьей 64 Семейного кодекса РФ, в которой законодатель вместо категории «законные интересы» использует уже категорию «интересы». Обязанности по их защите закон возлагает на родителей, а в случае несоответствия интересов детей интересам родителей – на представителя от органа опеки и попечительства.

Кроме того, формулировка статьи 121 Семейного кодекса РФ «Защита прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей» также соответствует формулировке статьи 64, только в данном случае защита прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, полностью возлагается на органы опеки и попечительства.

Из сделанного выше анализа текстуального изложения норм отраслевого закона логично вытекает вывод о том, что, закрепляя защиту прав и интересов ребенка, законодатель также ставит ее в зависимость от формулировки рассматриваемых понятий. При этом защита «интересов ребенка», по мнению законодателя, ложится на родителей и органы опеки и попечительства. Защиту же «законных интересов ребенка» законодатель возлагает на родителей, органы опеки и попечительства, а также прокуратуру и суд.

²²¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 2514-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision717848.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).

В Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»²²² категория «интерес» применительно к несовершеннолетним употребляется в следующих формулировках:

- «интересы детей» (статьи 4, 5, 16, 16.1, 21);
- «интересы ребенка» (статьи 5, 15);
- «законные интересы» (преамбула к закону, статьи 2, 3, 4, 7, 11, 15).

Таким образом, в указанном нормативном правовом акте законодатель также разделяет два понятия «законные интересы» и «интересы» детей и ребенка. Причем, если из буквального толкования текста Семейного кодекса РФ довольно сложно сделать вывод о соотношении рассматриваемых понятий, то анализ указанного Закона такое соотношение проследить позволяет.

Так, в статье 5 Закона указано, что к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации на осуществление гарантий прав ребенка в Российской Федерации относятся, в том числе:

- установление основ федеральной политики в интересах детей;
- выбор приоритетных направлений деятельности по обеспечению прав и законных интересов ребенка, охраны его здоровья и нравственности;
- установление порядка судебной защиты и судебная защита прав и законных интересов ребенка...

К полномочиям же органов государственной власти субъектов Российской Федерации на осуществление гарантий относится общая реализация государственной политики в интересах детей.

Таким образом, органы государственной власти при формировании основ, стратегий и концепций федеральной политики обязаны учитывать всю полноту интересов, затрагивающих сферу жизни детей. При этом обеспечение и защита прав детей в рассматриваемом акте ставится в зависимость от законных интересов, охраны здоровья и нравственности. Логика законодателя в данном

²²² Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 28 апреля 2023 г.). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054607> (дата обращения: 01.02.2024).

случае, вероятно, состоит в том, что, перечисляя через запятую объекты, входящие в сферу интересов ребенка, понятие «законные интересы» он трактует несколько уже, чем общее понятие «интересы», и соотносит их как частное с общим. При этом получается, что в рассматриваемом законе здоровье и нравственность лежат в плоскости общего объема «интересов несовершеннолетних детей», и при этом отграничены от понятия «законные интересы».

Кроме того, в Семейном кодексе РФ применительно к категории интереса, в том числе, используется формулировка «заслуживающие внимание интересы», однако применяется она исключительно в отношении совершеннолетних членов семьи: одного из супругов или одной из сторон преимущественно при регулировании имущественных отношений супругов и алиментных отношений (статьи 39, 85, 86, 87, 88, 91, 98, 101, 119). Причем в статье 39 Семейного кодекса РФ определение долей при разделе общего имущества супругов ставится в зависимость не просто от «законных интересов», а от полного спектра «интересов» несовершеннолетних. В отношении же супругов та же статья ставит процедуру распределения долей в зависимость от «заслуживающих внимание интересов».

Исходя из того, что при рассмотрении дел в отношении совершеннолетних членов семьи большинство споров ставится в зависимость только от тех интересов, которые заслуживают внимания, при том что несовершеннолетним предоставляется в данном случае приоритет, который основан на учете всего объема их интересов, можно сделать вывод о том, что учету должен подлежать «интерес» ребенка без какой-либо альтернативы.

Таким образом, из анализа текстуально закрепленных норм российского права, а также правоприменительной практики следует однозначный вывод о том, что понятие «законные интересы» по объему значительно уже, чем общие понятия «интересы» и «наилучшие интересы» в том смысле, который вкладывается в него международным договором, а также Комитетом по правам ребенка. Представляется, что разъяснение, сделанное Российской Федерацией в

пункте 41 шестого и седьмого периодических докладов, не соответствуют действительному уровню реализации принципа соблюдения наилучших интересов ребенка, закрепленному в статье 3 Конвенции о правах ребенка.

Вывод о соотношении понятий «законные интересы» и «наилучшие интересы» на данном этапе сделан с помощью анализа и буквального толкования текстов нормативных актов в пользу более широкого толкования последнего. Теперь необходимо проследить взгляды на соотношение этих понятий, сформированные правовой доктриной и практикой.

В теории права категория «интерес», как правило, рассматривается через призму субъективного права, поскольку именно «субъективное право находится в глубоком единстве с интересами»²²³.

Р. Иеринг в своей работе «Цель в праве» утверждал: «неправда то, что право всегда служит на удовлетворение условий для существования общества. Нередко оно становится в прямое противоречие с действительными интересами общества»²²⁴. Законодатель не застрахован от возможных ошибок при закреплении норм в тексте позитивного права, что может привести к пробелам и неточностям в правоприменении. Однако эти пробелы можно устранить в процессе правоприменения, руководствуясь не только формулировками, изложенными в нормах национальных законов, но и принципами, заложенными в нормах международного права, а также справедливостью и гуманностью, поскольку правоприменитель всегда имеет дело с реальными фактами и реальными судьбами.

В том же труде Р. Иеринг замечает, что «припоминая все условия, с которым связано существование общества, мы увидим, что они распадаются по роду отношения к ним права на три части... внеправовые, смешанноправовые и чистоправовые условия»²²⁵. Ученый пояснил, что есть условия, которые вообще не зависят от права, и право не принимает в них никакого участия, – это все, что

²²³ Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 115.

²²⁴ Иеринг Р. Интерес и право. Соч. д-ра Рудольфа фон Иеринга, юстиц тайного советника и проф. Готтингенск. ун-та. 1) Правоспособность учредителей. 2) Интерес и право. 3) Непреодолимая сила. Приложения: 1. Пассивные действия прав. 2. Цель в праве / пер. с нем. Ярославль: тип. Губ. зем. управы, 1880. С. 133.

²²⁵ Там же. С. 136.

связано с биологическими условиями существования человека. Второй блок условий проявляется в четырех составляющих: сохранение жизни, преемственность, труд и обмен. Право регулирует эти интересы в очень ограниченной степени. Третий вид условий – это условия, относительно которых общество исключительно ограничено правом с целью их обеспечения.

Как писал Е. Мотовиловкер, «не каждый интерес сопряжен с юридическим субъективным правом. Но каждое субъективное право в юридическом смысле связано с законным интересом... Действительные предпосылки права лежат за пределами права... Интерес есть то начальное понятие, которым открывается система правовых категорий»²²⁶.

Таким образом, уже исходя из анализа общей теории права и категории интереса в праве, мы можем сделать вывод о том, что границы интересов субъекта права гораздо шире границ его законных интересов.

В своих исследованиях Н. Шайкенов выделяет естественно-природные и социально-исторические предпосылки интереса. Он приходит к выводу, что «если материальной основой интереса является потребность, то его социальной основой выступает всесторонняя общественная связь, взаимозависимость индивидов в процессе их общественного производства и воспроизводства»²²⁷. По его мнению, интерес, воплощенный в праве, предполагает исключительно субъект-субъектные отношения, поскольку именно взаимодействие между субъектами и предполагает трансформацию интересов из сферы общественных отношений в сферу правоотношений, и, как следствие, появление у лица субъективного права, которое, в свою очередь, неразрывно связано с категорией интереса.

Опираясь на сложную структуру социальных взаимодействий, исследователь выделяет три основных типа общественных связей, охватывающих полный спектр интересов, выраженных в праве и именуемых «защищаемыми законом интересами». Эти три типа связей он разделяет на следующие уровни:

²²⁶ Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 43.

²²⁷ Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 17.

1. Первый уровень касается интересов, связанных с областью непосредственных социально-правовых требований. К ним относятся, в частности, основные права человека, такие как право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность.

2. Второй уровень отражает интересы, находящиеся в сфере правового регулирования, но не обеспеченные субъективными правами, а являющиеся предпосылками для их формирования. Такие интересы называются «законными интересами» и могут включать различные нормы-принципы, не ограниченные конкретной отраслью права.

3. Третий уровень представляет интересы, которые обеспечены конкретными субъективными правами и называются «юридическими интересами». Это такие конкретные права, как право жить и воспитываться в семье, знать своих родителей и т.д.

Детальное и глубокое исследование категории «законного интереса» проведено А. Малько и В. Субочевым в работе «Законные интересы как правовая категория». На основании научных изысканий они делают несколько важных выводов.

Во-первых, определяют социальный интерес «как единство выражения внутренней индивидуальной сущности человека и отражения объективного мира, определяющего его социальный статус, выраженное в осознанной необходимости удовлетворения сложившихся и развивающихся потребностей в рамках существующих отношений»²²⁸.

Во-вторых, характеризуют «законные интересы» как результат взаимодействия интересов и права, которое, в свою очередь, выражает государственную волю и закрепляет интересы в нормах. Интересы могут быть поддержаны правом, но не всегда полностью в нем реализуются, некоторые из них вообще не находят отражения в правовом регулировании, поскольку право

²²⁸ Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 35.

часто отстает от изменения интересов, оно консервативнее и менее подвижное. При этом так или иначе интересы, несомненно, связаны с правом.

В-третьих, выделяют категорию «законный интерес» самостоятельным объектом правовой охраны и защиты, не идентичным субъективному праву, закреплённому нормой. По их мнению, «Законный интерес – это отраженная в объективном праве... и... гарантированная государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлениях субъекта пользоваться определенным социальным благом, а также в необходимых условиях обращаться за защитой к компетентным структурам – в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным»²²⁹.

Другая классификация интересов была предложена в исследовании А. Малиновой, которая выделяет:

1. Правовые интересы – условия благополучия, обеспечение которых является целью правового регулирования. Понятие охватывает все виды интересов, реализация которых может быть опосредована правом. По мнению автора, не все интересы в семейных отношениях защищены правом, это зависит от системы ценностей и критериев благополучия в обществе.

2. Легитимные интересы, о защите, учете и обеспечении которых законодатель прямо говорит в нормах права. В эту группу она включает юридически значимые интересы (обозначаемые в законодательстве или как «интересы», или как «заслуживающие внимания интересы»), а также законные интересы (обозначаемые в законодательстве как «законные интересы» и «охраняемые законом интересы»)²³⁰.

При этом «законные интересы» она определяет несколько шире, чем предыдущий исследователь, а именно – как недиспозитивные условия благополучия, закреплённые нормами-принципами и стандартами, обеспечивающие правоспособность граждан и выходящие за пределы отдельной

²²⁹ Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 125.

²³⁰ Малинова А.Г. Категория «интерес» в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ур. Гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2003. С. 9.

нормы или даже отрасли права, трансформируясь в нормах более высокого уровня включая Конституцию РФ, международное право и отраслевые законы²³¹.

Таким образом, исследуя многоуровневую систему социальных отношений, можно увидеть, что различные виды общественных связей и интересов имеют свою собственную структуру и характеристики, которые определяют их юридическую значимость и степень защиты со стороны закона.

А. Нечаева, исследуя категорию интереса ребенка, также приходит к выводу об отсутствии единства в определении. При этом она предлагает собственный взгляд на данный термин, трактуя его через симбиоз трех понятий: «развитие ребенка, условия его жизни, цели воспитания»²³², и приходит к выводу о том, что «понятия «охраняемый законом интерес», «законный интерес» и просто «интерес», фигурирующие в Семейном кодексе Российской Федерации, совпадают»²³³.

В рамках анализа судебной практики также усматривается отсутствие единства применительно к толкованию рассматриваемых категорий.

Так, в пунктах 5, 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» под интересами ребенка понимаются: отношения между ребенком и каждым из родителей, в том числе привязанность ребенка к каждому из родителей; отношения с другими членами семьи; нравственные и иные личные качества родителей; материально-бытовое положение для создания ребенку условий для воспитания и развития, а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей²³⁴. В пункте 8 добавляются «обстоятельства, способные оказать

²³¹ Малинова А.Г. Категория «интерес» в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ур. Гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2003. С. 10.

²³² Нечаева А.М. Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних: монография. М.: Проспект, 2016. С. 4.

²³³ Там же. С. 47.

²³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изм., внесенными Постановлением Пленума от 26 декабря 2017 г. № 56). URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8220/> (дата обращения: 20.12.2023).

воздействие на физическое и психическое здоровье ребенка, на его нравственное развитие».

В пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении)» интерес ребенка трактуется как «создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития»²³⁵.

То есть интерес ребенка, по мнению правоприменителя, заключается не только в создании надлежащих условий здесь и сейчас, но и в создании таких условий «на будущее», которые в дальнейшем также благоприятно скажутся не только на материальном, но и на духовном, нравственном, психическом развитии ребенка. Необходимо заметить, что правоприменитель специально, либо неосознанно, но так же, как и законодатель, не ограничивает интересы ребенка исключительно законной их составляющей.

Согласно пункту 2 статьи 78 Семейного кодекса РФ, орган опеки и попечительства обязан провести обследование условий жизни не только несовершеннолетнего, но и того лица или лиц, которые претендуют на его воспитание. Какие именно вопросы подлежат выяснению в ходе обследования, а также что должно быть отражено в заключении, законодатель умалчивает. Резонно предположить, что в данной статье было бы логично описать минимальные требования к лицам, проводящим обследование, а также осветить круг вопросов, которые подлежат выяснению для вынесения решения на основе обеспечения наилучших интересов детей.

Степень реализации данного принципа на административном уровне можно проследить на примере Методических рекомендаций для органов опеки и попечительства по сопровождению семейных споров, утвержденных Письмом Министерства просвещения Российской Федерации от 2 августа 2021 г. № 07-4282. В соответствии с п. 4.4 заключение органа опеки и попечительства,

²³⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении)» (с изм., внесенными Постановлением Пленума от 17 декабря 2013 г. № 37). URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8369/> (дата обращения: 20.12.2023).

сформированное по результатам обследования жилищных условий ребенка, должно соответствовать интересам последнего. К таким интересам государственный орган относит «прежде всего создание благоприятных условий, как материального, так и морального характера, обеспечивающих нормальное воспитание, здоровье детей, их физическое, психическое, духовное и нравственное развитие»²³⁶.

Таким образом, законные интересы ребенка можно определить как императивно закрепленные в нормах права юридически значимые обстоятельства морального и материального характера, определяемые государством в качестве общих условий, способных оказывать физическое и психическое влияние на всех несовершеннолетних лиц без какого-либо исключения. Законные интересы ребенка коррелируются с интересами общества, защищаются государством вне зависимости от его индивидуальных особенностей и являются основой стабильности регулирования семейных правоотношений.

Однако для определения наилучших интересов ребенка общего императивного закрепления интересов, которые находятся под защитой государства, недостаточно, поскольку такой подход не соотносится с необходимостью учета индивидуальных особенностей конкретного ребенка или конкретной группы лиц, находящихся в определенной жизненной ситуации. В Замечании общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным» уточняется, что статья 3 посвящена делам, рассматриваемым в индивидуальном порядке, и требует при принятии всех касающихся детей мер учитывать наилучшие интересы как в отношении отдельного ребенка, так и в отношении детей как группы²³⁷.

²³⁶ Методические рекомендации для органов опеки и попечительства по сопровождению семейных споров о месте жительства ребенка и порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя близкого родственника // Письмо Министерства просвещения РФ от 2 августа 2021 г. № 07-4282 «О методических рекомендациях» // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁷ Замечание общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F12&Lang=r (дата обращения: 03.02.2024).

В 2013 г. Комитет ООН по правам ребенка принял специальное Замечание общего порядка № 14 от 29 мая 2013 г. «О праве ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы принимались во внимание в первую очередь»²³⁸. В пункте 6 Комитет отмечает, что этот принцип основан на триединой концепции, имеет многоаспектное понимание и является основным правом, принципом толкования и правилом любой процедуры, а именно:

1. С позиции материального права интересы ребенка должны быть оценены и приняты во внимание в первую очередь при рассмотрении любого вопроса с его участием. По мнению Комитета если концепция наилучших интересов не реализована надлежащим образом в национальном законодательстве, то пункт 1 статьи 3 Конвенции должен быть реализован при принятии решения посредством прямой отсылки к норме.

2. При разрешении вопросов, затрагивающих права ребенка, каждое обстоятельство должно быть рассмотрено и истолковано исключительно в свете обеспечения его наилучших интересов. При этом необходимо учитывать концепцию Конвенции в целом, опираясь на конкретные права, закрепленные в нормах договора, но не ограничиваясь ими. Кроме того, толкование ситуации должно включать в себя учет индивидуальных качеств ребенка.

3. Решение, затрагивающее права ребенка, должно включать:

- оценку возможного воздействия, как негативного, так и позитивного характера;
- указание на конкретные факты, обстоятельства и интересы, которые признаны наилучшими, исходя из анализа конкретной ситуации;
- критерии, которые легли в основу определения наилучших интересов;
- обоснование значимости интересов ребенка по сравнению с другими соображениями и обстоятельствами в соответствии с правилом процедуры.

²³⁸ Замечание общего порядка № 14 (2013) «О праве ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы принимались во внимание в первую очередь». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F14&Lang=en (дата обращения: 20.09.2023).

Необходимо отметить, что, например, в Гаагской конвенции о международном похищении детей 1980 г. принцип наилучшего обеспечения прав и интересов детей прямо не упоминается. Косвенно о закреплении этого принципа говорит формулировка преамбулы к договору, в которой указано, что «интересы детей являются проблемой первостепенного значения в вопросах, касающихся опеки над ними»²³⁹.

В Конвенции о применимом праве 1996 г., принятой после Конвенции о правах ребенка 1989 г., в преамбуле уже прямо отмечается необходимость уделять должное внимание наилучшим интересам ребенка²⁴⁰.

Анализируя Соображения Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 г. (Сообщение № 121/2020) по делу «Н.Е.Р.А. против Чили» в Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2023), Верховный Суд РФ делает ссылку на выводы Комитета о том, что наилучшие интересы ребенка должны быть «скорректированы и определены на индивидуальной основе в соответствии с конкретной ситуацией ребенка... с учетом его личного контекста, положения и потребностей»²⁴¹.

В данном деле Комитет анализировал принцип наилучшего обеспечения интересов в свете немедленного возвращения ребенка по Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. При этом Комитет дал общую позицию о некоторых материальных и процессуальных критериях действий суда при определении наилучших интересов:

- эффективно оценивать факты и обстоятельства, имеющие значение для рассматриваемого дела, а также принимать обоснованное и мотивированное решение по этому вопросу;

²³⁹ Гаагская Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., Российская Федерация ратифицировала договор 28 июля 2011 г. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=24> (дата обращения: 31.01.2024).

²⁴⁰ Гаагская Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г., Российская Федерация ратифицировала договор 20 августа 2012 г. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=70> (дата обращения: 31.01.2024).

²⁴¹ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2023), подготовлен Верховным Судом Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32210/ (дата обращения: 06.06.2023).

- оценивать все факты с учетом обеспечения наилучших интересов ребенка с соблюдением процессуальных особенностей юрисдикции национальных судов;
- обеспечивать справедливый баланс между стандартом и факторами, которые в определенных случаях могут сделать обеспечение стандарта противоречащим наилучшим интересам ребенка.

В Обзоре практики Комитета ООН по правам ребенка, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений, подготовленном Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ, по состоянию на 22 марта 2023 г. рассмотрены Соображения Комитета по правам ребенка от 27 сентября 2018 г. по делу «И.Б. и Н.С. против Бельгии». В Соображениях разъясняется, что концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка «подлежит корректировке и определению в индивидуальном порядке применительно к особенностям положения соответствующего ребенка или детей с учетом их личных обстоятельств, положения и потребностей. При принятии решений по индивидуальным случаям оценка и определение наилучших интересов ребенка должна проводиться в свете конкретных обстоятельств, в которых находится ребенок» (пункт 8.3 Соображений)²⁴².

Кроме того, по мнению Комитета, наилучшие интересы ребенка должны быть оценены не только с учетом конкретной ситуации и возраста ребенка, но и в свете обеспечения пропорционального баланса между конкретной ситуацией и потенциально значимыми перспективами принимаемого решения, которые могут оказать существенное влияние на ребенка, но и с перспективой. Так, в Соображении Комитета по правам ребенка от 16 октября 2023 г. по делу «О.М. против Дании» в пункте 8.7 Комитет указал, что неспособность государства-участника оценить конкретные последствия принятых решений для детей нарушила их права, предусмотренные, в том числе, статьей 3 Конвенции²⁴³.

²⁴² Обзор практики Комитета ООН по правам ребенка, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений, подготовленный Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32336/ (дата обращения: 06.12.2023).

²⁴³ Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 145/2021 от 19 сентября 2023г. по делу «О.М. против Дании» (CRC/C/94/D/145/2021). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3883/en-US> (дата обращения: 06.12.2023).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» в преамбуле упоминается о необходимости учета именно «наилучших интересов» ребенка в процессуальном аспекте на статьи 8 и 9 Конвенции о правах ребенка и пункт 1 статьи 54 Семейного кодекса Российской Федерации²⁴⁴. Представляется, что ссылка на наилучшие интересы в данном случае делается потому, что приоритет семейного воспитания, взросление и воспитание в атмосфере общения и постоянного контакта с родителями является одним из главнейших элементов всех направлений развития ребенка, а следовательно, и одним из базовых критериев, составляющих основу удовлетворения краткосрочных и долгосрочных интересов ребенка. При этом в указанном Постановлении Суд не очерчивает содержание категории «наилучшие интересы», стараясь максимально полно описать исключительные обстоятельства, при которых возникает угроза жизни и здоровью ребенка, а также возможно ограничение либо лишение родительских прав, но не ограничиваясь ими. Представляется, что такая позиция максимально соответствует эффективной реализации рассматриваемого принципа, поскольку достаточно велика вероятность возникновения ситуаций, не учтенных в позиции суда. И, как следствие, сужение либо расширение пределов судебного усмотрения при принятии решения.

Таким образом, *наилучшие интересы ребенка – это конкретные юридически значимые потребности морального и материального характера, которые определяются с учетом индивидуальности ребенка или группы детей, не ограничиваются императивно закрепленными в нормах права юридически значимыми обстоятельствами и заключаются в создании наиболее*

²⁴⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/24386/> (дата обращения: 20.12.2023).

благоприятных краткосрочных и долгосрочных условий, оказывающих влияние на нормальное физическое, психическое, духовное, культурное и нравственное развитие несовершеннолетних.

Реализация наилучших интересов – это общественные отношения, складывающиеся по поводу оптимального и эффективного удовлетворения всех перечисленных элементов в рамках конкретных правоотношений с учетом всех условий, в которых находится ребенок в определенной ситуации, а также краткосрочных и долгосрочных перспектив. Кроме того, реализация принципа наилучших интересов не исключает возможность учета интересов ребенка, которые так или иначе коррелируются с аналогичными интересами взрослых, в приоритетном порядке²⁴⁵.

3.3. Реализация принципа, обеспечивающего право ребенка на жизнь, выживание и развитие

Принцип, обеспечивающий неотъемлемое право ребенка на жизнь, а также право на выживание и здоровое развитие ребенка в максимально возможной степени, закреплён в статье 6 Конвенции о правах ребенка 1989 г.²⁴⁶

В пункте 60 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь» 2019 г. Комитет по правам человека наряду с общим толкованием данного принципа, разъяснил его во взаимосвязи со статьей 24 Международного пакта о гражданских и политических правах и указал, что в процессе реализации

²⁴⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // СПС «Консультант Плюс».

²⁴⁶ Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.06.2022).

специальных защитных мер, важнейшим приоритетом должны стать интересы ребенка, включая его выживание, развитие и общее благополучие²⁴⁷.

Данный принцип является одним из самых масштабных по структуре и наполнению, поскольку включает в себя три элемента, которые составляют единые условия для гармоничного физического и эмоционального развития ребенка, а именно:

1. Право на физическое выживание как биологический фактор, обеспечивающий сохранение и продолжение человеческого рода.
2. Право на достойное существование и на создание благоприятных условий для физического развития.
3. Право на здоровое психоэмоциональное окружение, в котором растет и воспитывается ребенок.

Данный принцип сформулирован довольно широко не случайно. Так как здоровое развитие детей является гарантом не только продолжения рода, но и гарантом существования всего общества в целом, корреспондирующие обязанности по обеспечению и реализации всех элементов данного принципа ложатся в равной мере и на государство, и на родителей. По мнению Л. Емелиной, «право на жизнь, выживание и развитие является, без сомнения, краеугольным для ребенка как человеческого существа, обеспечивая ему право на защиту от всех форм жестокого обращения»²⁴⁸.

Основная проблема, которую необходимо раскрыть, – это определение момента, с которого ребенок приобретает право на жизнь, выживание и развитие. Основные дискуссии по этому поводу ведутся вокруг того, имеет ли все эти права еще не родившийся ребенок. Права эмбриона рассматриваются, в том числе, и в ракурсе соматических прав человека – прав взрослых распоряжаться своим телом. Единого мнения не сложилось до сих пор ни в доктрине, ни в законодательствах различных государств, ни в практике национальных судов. В каждой конкретной

²⁴⁷ Замечание общего порядка № 36 Комитета по правам человека, 2019 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2F36%2F36&Lang=en (дата обращения: 08.12.2023).

²⁴⁸ Емелина Л.А. Основные принципы защиты прав детей в соответствии с Конвенцией о правах ребенка // Право и образование. 2023. № 3. С. 42.

правовой системе существуют свои запреты и дозволения, которые всегда находят как сторонников, так и противников. Итак, рассмотрим все три элемента, составляющие данный принцип с точки зрения особенности их реализации.

Право на жизнь как биологическое состояние и основной фактор выживания провозглашено в качестве универсального принципа прав человека еще в статье 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность», а также в статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни».

Праву на достойное физическое и эмоциональное развитие было посвящено несколько Принципов, закрепленных в Декларации прав ребенка 1959 г. Во-первых, права на здоровый рост и развитие, а также на создание надлежащих условий существования закреплялось в этом документе неразрывно от прав матери. Во-вторых, Декларацией провозглашалось, что для обеспечения гармоничного физического, эмоционального и психического развития ребенку необходимо не только социальное обеспечение и качественное образование, но и атмосфера любви и понимания. Таким образом, данный принцип базируется не столько на материальных, сколько на морально-нравственных ценностях в гораздо большей степени, чем остальные три принципа, которые были рассмотрены ранее.

Согласно статье 1 Конвенции о правах ребенка, «ребенок» определяется как любое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста. Однако основная проблема состоит в том, что Конвенция не дает разъяснений, с момента какого события ребенок приобретает свои права – с момента зачатия, рождения или в какой-то промежуток между ними. Решение этого вопроса остается на усмотрение государств.

«Международное право признает ребенка личностью с момента рождения. Однако оно не запрещает государствам считать ребенком человеческое существо с момента зачатия... защита еще не рожденному ребенку предоставляется в

рамках защиты прав женщин, а за ним самим не признается абсолютное право на жизнь»²⁴⁹.

В преамбуле Декларации о правах ребенка 1959 г. указано, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»²⁵⁰. Данная защита должна быть комплексной и включать в себя разнообразные аспекты жизни ребенка, начиная с момента его зачатия и продолжаясь на протяжении всего периода детства. Несмотря на то, что Декларация по своей природе является документом мягкого права и не обязательна для исполнения государствами, она имеет огромное значение для национального законодательства и правоприменения.

В ракурсе данного принципа целесообразно рассмотреть позиции Европейского Суда по правам человека о моменте, с которого ребенку должна предоставляться защита в соответствии со статьей 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Постановления были приняты, когда Российская Федерация была участником данного международного договора, а решения Европейского Суда по правам человека играли значительную роль для национального законодательства.

Так, в Постановлении «Во против Франции» рассматривался вопрос о том, является ли нарушением врачебная ошибка, повлекшая за собой вынужденный аборт по медицинским показаниям. Утробный плод на момент аборта достиг развития 20–21 недель, был вполне здоровым, а заявительница беременность прерывать не планировала. Кассационный суд Франции не стал квалифицировать действия врача как непредумышленное убийство человеческого плода в утробе матери. При этом суд отказался считать ребенком не появившийся на свет плод и не признал за ним право на защиту по статье 2 Европейской Конвенции.

²⁴⁹ Чинарян Е.О. История создания и основные положения Конвенции о правах ребенка 1989 г. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 4(80). С. 21.

²⁵⁰ Декларация о правах ребенка 1959 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 10.09.2022).

Отказывая в удовлетворении жалобы, Европейский Суд пояснил, что по поводу правового положения нерожденного ребенка в европейских государствах не достигнуто ни научного, ни правового консенсуса, поэтому и сам Суд считает, что нежелательно и невозможно решить, с какого момента начинается право на жизнь по смыслу статьи 2 и имеет ли нерожденный ребенок право на защиту. При этом Суд сделал вывод, что жизнь плода тесно связана с жизнью матери, а следовательно, его защита осуществляется через защиту ее жизни²⁵¹.

Не соглашаясь с мнением большинства, судья Г. Ресс в особом мнении высказал позицию о том, что понятие «каждый человек» включает в себя период как до, так и после рождения; нерожденный ребенок и мать являются разными лицами и должны пользоваться защитой отдельно. В Особом мнении судьи А. Муларони также высказана точка зрения о том, что, так же как и нерожденный ребенок не может жить в отрыве от матери, так же и новорожденный не способен жить отдельно от нее или кого-то, кто бы о нем заботился, но от этого последний не лишается защиты.

В Российской Федерации момент возникновения правосубъектности лица закреплен в части 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации, которая наделяет человека основными правами и свободами с момента рождения, а также в пункте 2 статьи 17 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает, что правоспособность гражданина возникает с момента его рождения и прекращается смертью. Однако в российском праве существуют противоречивые положения, позволяющие утверждать, что вопрос о единообразном толковании и применении данных норм права до настоящего времени остается нерешенным.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой» суд,

²⁵¹ Во против Франции, Постановление Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2004 г. (жалоба № 53924/00) // Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. 2002–2016: науч.-аналитическое изд. / [науч. ред. и сост. Ю.Ю. Берестнев]. М.: Развитие правовых систем, 2019. С. 42. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:\[%2253924/00%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-185559%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:[%2253924/00%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-185559%22]%7D) (дата обращения: 20.12.2023).

рассматривая ситуацию, связанную с возможностью взыскания компенсации морального вреда в связи со смертью отца, наступившей до момента рождения ребенка, приходит к выводу, что положение пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса РФ о возникновении правоспособности в момент рождения не определяет, какие конкретно субъективные права возникают на основе правоспособности. Правоспособность, создавая базовую возможность обладать правами, остается открытой для наполнения всеми законодательными элементами, основанными на нормах Конституции РФ. Таким образом, положение пункта 2 статьи 17 не может быть использовано в качестве основания для отказа ребенка, родившегося после смерти отца, в реализации субъективного права на компенсацию морального вреда, связанного с нарушением его личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, которые принадлежат ему от рождения или в силу закона и не могут быть переданы или отчуждены другим способом²⁵².

Таким образом, исходя из выводов, изложенных Конституционным Судом РФ, принцип, обеспечивающий ребенку право на жизнь, выживание и благополучное развитие и представляющий собой определенный набор неимущественных и нематериальных благ, должен действовать с момента внутриутробного развития эмбриона.

Согласно статье 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»²⁵³, несмотря на то, что моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери последствием родов, установлены еще и медицинские критерии рождения, утвержденные уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Такие критерии утверждены Приложением № 1 к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря

²⁵² Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵³ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 24.07.2023). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34333> (дата обращения: 12.08.2023).

2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи».

В абзаце 2 пункта 2 при описании медицинских критериев рождения при сроке беременности матери менее 22 недель или массе тела ребенка при рождении менее 500 грамм, или если масса тела ребенка неизвестна, длина тела ребенка при рождении менее 25 см, ребенок считается рожденным по истечении более 168 часов после рождения, то есть спустя 7 суток после отделения плода от организма матери²⁵⁴. Резонно возникает вопрос о том, возникает ли у такого ребенка право на жизнь, выживание и развитие и корреспондирующая обязанность медицинских работников обеспечивать это право с последующим несением ответственности за неквалифицированные действия или бездействие.

Как было указано ранее, рассматриваемый принцип включает в себя не просто базовое понятие жизни как физического состояния, статья 6 охватывает в том числе все аспекты развития, здоровья и психосоциального благополучия ребенка. Исходя из анализа позиций Конституционного Суда РФ, Комитета ООН по правам ребенка, Европейского Суда по правам человека, можно сделать однозначный вывод о том, что право ребенка на жизнь, выживание и развитие как биологическое условие продолжения человеческого рода возникает именно с момента рождения, которым признается физическое отделение плода от утробы матери. При этом право на выживание и достойное развитие как условие настоящего и будущего существования и благополучия признается за человеческим плодом уже до его рождения. Именно поэтому законодатель и Конституционный Суд Российской Федерации признают за неродившимся ребенком определенный набор имущественных и личных неимущественных прав, а следовательно, принцип права на жизнь, выживание и развитие в ограниченном объеме распространяется на еще не родившегося ребенка.

Определившись с элементами принципа, обеспечивающего право на жизнь, выживание и развитие, а также с моментом возникновения каждого из них,

²⁵⁴ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910220042> (дата обращения: 12.04.2023).

следует остановиться на содержании этого принципа в ракурсе создания благоприятных условий для существования ребенка как в его настоящем, так и на будущую перспективу его жизни.

Если буквально толковать отчеты Российской Федерации о реализации принципа, обеспечивающего право на жизнь, выживание и развитие, то можно сделать однозначный вывод о том, что изначально данный принцип трактовался государством довольно узко и в основном с позиции обеспечения физического здоровья детей.

Так, например, Третий периодический доклад Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка в качестве мер по реализации рассматриваемого принципа содержал отчет только лишь о программе бесплатной медицинской помощи; о наличии специальных мер для детей, пострадавших от радиационных катастроф; профилактике убийств и самоубийств детей²⁵⁵.

В четвертом и пятом объединенных докладах Российской Федерации отчет о реализации данного принципа также проведен исключительно через обеспечение физического здоровья несовершеннолетних, хотя и был представлен уже несколько шире. В качестве мер перечислены: обязательное медицинское страхование; расширение Национального календаря профилактических прививок; введение программы «Родовой сертификат»; увеличение финансирования на обследование наследственных заболеваний²⁵⁶.

В шестом и седьмом объединенных докладах Российской Федерации в качестве относительно новых мер по реализации рассматриваемого принципа наряду с теми, что были указаны, добавились: увеличение финансирования консультаций, родильных домов и перинатальных центров; меры для снижения

²⁵⁵ Третий периодический доклад Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка (CRC/C/125/Add.5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F125%2FAdd.5&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

²⁵⁶ Объединенные четвертый и пятый периодические доклады Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка (CRC/C/RUS/6-7). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2F4-5&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

числа аборт, включая установление срока обдумывания решения, лицензирование процедуры, предоставление помощи и консультаций, оплату консультирования психологами и разработку образовательных программ; обеспечение права на благоприятную окружающую среду и компенсацию от экологических правонарушений²⁵⁷.

Все эти меры представляют собой публично-правовой вектор механизма реализации данного принципа, направленный на сохранение и поддержание здоровья и физического развития детей. Частноправовые его аспекты находят намного меньше внимания со стороны законодателя.

Однако Комитет по правам ребенка выводит этот принцип за рамки только лишь физического благополучия детей и трактует его значительно шире.

Интересен подход к рассматриваемому принципу, изложенный в Соображении, принятом Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения «В.А. против Швейцарии» № 56/2018, CRC/C/85/D/56/2018²⁵⁸, в котором Комитет рассматривал жалобу гражданки Азербайджана, связанную с отказом предоставления ей и ее семье убежища в связи с тем, что она является представителем оппозиционных журналистов, и бежала из страны с двумя детьми, поскольку со стороны властей существовала реальная угроза тюремного заключения по политическим мотивам. По словам заявительницы, процедура принудительной высылки сопровождалась причинением ей и ее детям физического и психического насилия, а также унижающим достоинство обращением, что явилось нарушением пункта 2 статьи 6 Конвенции и лишило детей права на здоровое развитие в здоровых условиях.

²⁵⁷ Объединенные шестой и седьмой периодические доклады Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка (CRC/C/RUS/6-7). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2F6-7&Lang=en (дата обращения: 13.12.2023).

²⁵⁸ В.А. против Швейцарии, Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 56/2018 (CRC/C/85/D/56/2018). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2762/en-US> (дата обращения: 21.12.2023).

Признавая жалобу неприемлемой в части ссылки на нарушение принципа, обеспечивающего право на выживание и развитие, по причине неисчерпаемости внутренних средств правовой защиты, Комитет соглашается с позицией государства, которое в своих аргументах указало, что данный принцип «сформулирован в весьма широких терминах и носит в высшей степени программный характер». При этом Комитет, ссылаясь на Замечания общего порядка № 15 (2013) «О праве ребенка на наивысший достижимый уровень здоровья», поясняет, что необходимо рассматривать все права (гражданские, политические, экономические, социальные и культурные) как равноценные и взаимозависимые элементы одной системы, которая «позволяет детям развивать свои психические и физические возможности, индивидуальность и способности в наиболее полной степени»²⁵⁹.

Действительно, вопрос о том, посредством обеспечения каких именно элементов будет эффективно реализован рассматриваемый принцип, требует осмысления и дальнейшей проработки, для чего целесообразно в первую очередь проанализировать позиции Комитета, изложенные в основных Замечаниях.

Так, в Замечании общего порядка № 7 (2005) «Осуществление прав ребенка в раннем детстве», Комитет обратил внимание, что для обеспечения рассматриваемого принципа «первоочередными задачами являются обеспечение выживания и физического здоровья. Вместе с тем государствам-участникам следует помнить, что статья 6 охватывает все аспекты развития и что здоровье и психо-социальное благополучие ребенка во многих отношениях взаимосвязаны»²⁶⁰.

Замечание общего порядка № 20 (2016) «Об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте» в свете осуществления данного принципа обращает внимание на «оказание подросткам поддержки в развитии их физических,

²⁵⁹ Замечание общего порядка № 15 «О праве ребенка на наивысший достижимый уровень здоровья» (CRC/C/GC/15). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F15&Lang=en (дата обращения: 21.12.2023).

²⁶⁰ Замечание общего порядка № 7 «Осуществление прав ребенка в раннем детстве» (CRC/C/GC/7/Rev.1). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F7%2FRev.1&Lang=en (дата обращения: 15.10.2022).

психологических, духовных, социальных, эмоциональных, познавательных, культурных и экономических возможностей»²⁶¹.

Кроме того, в последнем Замечании общего порядка № 26 (2023) «О правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата» подчеркивается, что «деградация окружающей среды ставит под угрозу возможности детей в полной мере раскрыть свой потенциал в плане развития, что сказывается на целом ряде других прав, предусмотренных Конвенцией. Развитие детей тесно связано со средой, в которой они живут»²⁶².

Таким образом, Комитет по правам ребенка включает в рассматриваемый принцип следующие элементы:

1. Физическое здоровье ребенка, которое обеспечивается посредством организации медицинской помощи на всех периодах развития ребенка, в том числе оказание медицинской помощи матери как в период беременности, так и после родов; обеспечение надлежащего ухода.

2. Психологическое здоровье обеспечивается посредством поддержания физической и эмоциональной связи с родителями и близкими родственниками, организации отдыха и досуга, бережного отношения к взглядам и мнению ребенка.

3. Духовное развитие включает наличие семейного окружения, культурное воспитание, формирование чувства уважения к старшим.

4. Социальное благополучие заключается в адаптации и интеграции ребенка в обществе, развитие социальных контактов и коммуникативных навыков, благосостояние и экономические возможности.

5. Экологическая безопасность связана с благоприятной окружающей средой, а также воздействием вредных и опасных факторов на уязвимые процессы детского развития.

²⁶¹ Замечание общего порядка № 20 «Осуществление прав ребенка в подростковом возрасте» (CRC/C/GC/20). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F20&Lang=en (дата обращения: 20.12.2023).

²⁶² Замечание общего порядка № 26 «О правах детей и окружающей среде» (CRC/C/GC/26). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F26&Lang=en (дата обращения: 21.12.2023).

В Заключительном замечании 2014 г. Комитет по правам ребенка обратил особое внимание на некоторые материальные аспекты реализации принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка. В ракурсе рассматриваемого принципа была указана оценка государственными органами по защите детей общей физической безопасности детей и игнорирование эмоциональных и психологических потребностей²⁶³.

Одной из первоочередных задач государств-участников по выполнению своих обязательств по Конвенции однозначно является внесение поправок в национальное законодательство для того, чтобы обеспечить приоритет рассматриваемого принципа на уровне всех национальных законодательных актов, затрагивающих права детей.

Справедливости ради необходимо отметить, что обновленная Конституция РФ закрепляет рассматриваемый принцип гораздо шире, чем описывает государство реализацию рассматриваемого принципа в своих периодических докладах, и не ограничивается лишь здоровьем и физическим развитием детей. Более того, представляется, что принцип, обеспечивающий право на жизнь, выживание и развитие ребенка реализован в российской правовой системе на максимально достаточном уровне, поскольку Российская Федерация пошла по пути конституционализации данного принципа.

В Основном Законе закреплены права на социальное обеспечение по возрасту и для воспитания детей (часть 1 статьи 39); гарантии охраны здоровья и медицинской помощи (часть 1 статьи 41); права на благоприятную окружающую среду (статья 42) и гарантированное обеспечение общего основного образования (статья 43).

Как было указано ранее, шестой и седьмой периодические доклады охватывают период с 2011 по 2019 г. Представляется, что следующий отчет о реализации данного принципа будет содержать расширенный перечень аспектов

²⁶³ Заключительное замечание Комитета по правам ребенка по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. (CRC/C/RUS/CO/4-5). URL: tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fRUS%2fCO%2f4-5&Lang=en (дата обращения: 01.02.2024).

реализации рассматриваемого принципа с учетом новых ценностных ориентиров, внесенных в соответствии с ними дополнений и изменений в нормативные правовые акты, а также проводимых в настоящее время детоориентированных мероприятий.

Как отмечает Е. Татаринцева, «обязанности родителей заботиться о различных сторонах развития ребенка корреспондируют праву ребенка на физическое, психическое, духовное и нравственное развитие, вопрос о котором относится к числу малоисследованных вопросов семейно-правовой теории»²⁶⁴

Необходимо отметить, что Семейный кодекс РФ в части 3 статьи 1 прямо закрепляет принцип заботы о развитии детей, как один из основных принципов российского семейного права. Обязанность заботиться о воспитании, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии детей, их образовании возложена статьей 63 Семейного кодекса РФ на родителей.

Именно поэтому и ответственность за существование семьи, за обретение детьми жизненной точки опоры, за способность детей здраво и разумно мыслить и оценивать степень своих прав и обязанностей, самостоятельно анализировать и аргументировать свои действия, находить смысл в своей деятельности, ложится исключительно на родителей, которые являются разумными членами общества и которые формируют те самые отношения, проецируемые в семье.

Однако если государство возлагает полную ответственность за воспитание детей на родителей, в таком случае можно утверждать, что общество не в полной мере учитывает тот факт, что детско-родительские отношения не всегда развиваются в плоскости рационального мышления, а скорее наоборот, чаще они лежат в плоскости иррационального поля, основанного на морально-нравственных нормах, нежели на интеллектуальном анализе, исследованиях и размышлениях²⁶⁵.

²⁶⁴ Татаринцева Е.А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве. М.: Юстицинформ, 2017.

²⁶⁵ Сурдина А.И. Критерии содержания и осуществления родительских прав в отношении несовершеннолетних детей в философии Джона Дьюи // Государственная служба. 2023. №4 (144). С. 26.

В России эта проблема решена путем дополнительного закрепления в части 4 статьи 67.1 Конституции РФ гарантий интеллектуального развития детей, а также условий, способствующих всестороннему духовному и нравственному их развитию. При этом создание условий для достойного воспитания детей отнесено пунктом «ж.1» части 1 статьи 72 к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Таким образом, законодатель пошел по пути принятия на себя дополнительной ответственности за жизнь, выживание и здоровое развитие детей, как основных субъектов общественных отношений.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время государство стремится создавать механизмы регулирования семейных отношений, направленные на создание юридических границ, в пределах которых субъекты семейных правоотношений могли бы беспрепятственно осуществлять свои родительские права. В обществе публичное начало при создании системы регулирования семейных отношений считается необходимой основой установления единых правил, обязывающих субъектов права соотносить свои интересы с интересами несовершеннолетних участников правоотношений и общества в целом²⁶⁶.

В российской доктрине право на всестороннее развитие рассматривается как явление, включающее в себя несколько аспектов. Так, в своем исследовании С. Лиджиева описывает категорию всестороннего развития ребенка несколько с иной стороны, а именно – как понятие, которое «следует понимать в качестве: 1) субъективного права ребенка; 2) объекта его семейных прав; 3) обязанности родителей (лиц, их заменяющих) и уполномоченных лиц; 4) критерия поведения родителей (лиц, их заменяющих) и уполномоченных лиц; 5) особого социально-правового блага, характеризующего жизнь и деятельность ребенка»²⁶⁷.

Как было неоднократно замечено, рассматриваемый принцип трактуется довольно широко как межгосударственными органами и организациями, так и на

²⁶⁶ Сурдина А.И. Критерии содержания и осуществления родительских прав в отношении несовершеннолетних детей в философии Джона Дьюи // Государственная служба. 2023. №4 (144). С. 28.

²⁶⁷ Лиджиева С.Г. О праве ребенка на всестороннее развитие // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 6. С. 42.

уровне конкретного государства. Анализ российской судебной практики показывает, что наша правовая система не является исключением, поэтому применение данного принципа можно встретить в судебных актах по совершенно различным категориям дел.

Так, например, в Определении Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 74-КГ19-10 статья 6 Конвенции о правах ребенка была применена в деле об оспаривании отказа регионального отделения Фонда социального страхования Российской Федерации в предоставлении ребенку бесплатного проезда к месту лечения и обратно.

Отменяя судебный акт апелляционной инстанции, Суд особо подчеркивает, что государственная защита прав человека включает в себя неотчуждаемое право на охрану здоровья, которое является одним из основных и общепризнанных прав, а также одной из главных конституционных ценностей. Социальная политика Российской Федерации направлена на обеспечение достойной жизни населения и реализацию их прав, включая право на охрану здоровья. В свете статей 6 и 24 Конвенции прав ребенка с особым вниманием на то, что государственная политика в отношении детей является приоритетной, права ребенка на доступ к наиболее совершенным медицинским услугам, средствам лечения и восстановления здоровья, гарантируются государством в качестве основополагающего принципа²⁶⁸.

Совершенно иную интерпретацию рассматриваемого принципа можно встретить в Постановлении Четвертого арбитражного апелляционного суда от 22 января 2010 г. по делу № А78-6970/2009 о привлечении к ответственности за неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Отменяя решение нижестоящего суда о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности и назначения ей наказания в

²⁶⁸ Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 74-КГ19-10 // СПС «Гарант».

виде дисквалификации, Суд обратил особое внимание на то, что у арбитражного управляющего имеется несовершеннолетняя дочь. Наказание в виде лишения матери права заниматься профессиональной деятельностью в течение шести месяцев может иметь потенциальные негативные последствия для жизни и развития несовершеннолетнего ребенка дочери, особенно учитывая, что ее отец сейчас безработный. При этом Суд подчеркнул, что Российская Федерация является социальным государством и в полной мере обеспечивает в максимальной степени выживание и развитие ребенка в соответствии с частью 2 статьи 6 Конвенции. Указанный принцип в данном случае был реализован через смягчение матери административного наказания и назначение штрафа вместо дисквалификации²⁶⁹.

Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 382-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» рассматривает указанный принцип через необходимость учета имеющихся у государства ресурсов при оказании родителям материальной поддержки для обеспечения полноценного и всестороннего развития детей в виде социальных выплат, пособий, а также иных благ социального обеспечения²⁷⁰.

Таким образом, вывод о многоаспектности и многозначности рассматриваемого принципа подтверждается не только широким кругом законодательных норм, обеспечивающих его реализацию, но и разнообразием судебной практики в судах различных уровней.

²⁶⁹ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 22 января 2010 г. по делу № А78-6970/2009 // СПС «Гарант».

²⁷⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 382-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СПС «Гарант».

3.4. Реализация принципа уважения взглядов и учета мнения ребенка

Принцип уважения взглядов ребенка закреплен в статье 12 Конвенции о правах ребенка 1989 г., в соответствии с которой за ребенком признается и гарантируется право на свободное выражение своего мнения и взглядов по всем вопросам, касающимся его жизни, с учетом возраста и уровня зрелости. Чтобы обеспечить это право, ребенку предоставляется возможность быть выслушанным во время судебных или административных процессов и разбирательств, которые затрагивают его интересы, непосредственно или через представителя или орган, соответствующий процессуальным нормам национального законодательства²⁷¹.

Согласно этому принципу, Конвенция призывает уважать детей как самостоятельных носителей прав, обладающих полноценной человеческой личностью, собственными убеждениями и эмоциями. Она подчеркивает необходимость отхода от традиционного восприятия детей просто как объектов правовых отношений. В свете данного принципа Конвенция призывает рассматривать ребенка в качестве активного субъекта прав, как личность, обладающую собственными взглядами и чувствами вне зависимости от возраста.

Согласно позиции Комитета по правам ребенка, изложенной в Замечаниях общего порядка № 12 (2009), «концепция участия подчеркивает, что привлечение к этим процессам детей должно рассматриваться не как одномоментный акт, а как отправная точка активного диалога между детьми и взрослыми... Статья 12 предполагает, что ребенок обладает влияющими на его жизнь правами, а не

²⁷¹ Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 31.01.2024).

только правами, вытекающими из его уязвимости (защита) или зависимости по отношению к взрослым (обеспечение)»²⁷².

Конфликты, которые затрагивают ребенка, так или иначе влияют не только на его права, но и на его интересы, причем как на краткосрочное время, так и на долгосрочный период. Поэтому абсолютно логично утверждать, что в любом вопросе, касающемся ребенка, его мнение должно учитываться не только родителями, но и любым правоприменительным органом или должностным лицом, от которого зависит исход дела. Благодаря этому дети приобретают потенциальную возможность влиять на свою судьбу, высказывать свои потребности и предлагать свои идеи, что крайне необходимо для создания равноправной среды в обществе, где их мнения и интересы учитываются и уважаются.

Обобщая позиции Комитета, Н. Кравчук в своем исследовании делает вывод о триединой концепции рассматриваемого права, а именно: «высказываться, участвовать, иметь право на учет выраженных мнений – эти три фразы дают представление о порядке осуществления права на участие с функциональной точки зрения»²⁷³.

Из текстуального анализа статьи 12 Конвенции ООН о правах ребенка, а также разъяснений Комитета по правам ребенка, изложенных в различных Замечаниях общего порядка, можно констатировать, что рассматриваемый принцип содержит в себе два аспекта:

- материально-правовой аспект, заключающийся в признании за ребенком права свободно и самостоятельно формулировать и выражать свое собственное мнение, а также в уважении этого права;

²⁷² Замечание общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F12&Lang=ru (дата обращения: 03.02.2024).

²⁷³ Кравчук Н.В. Право ребенка на выражение мнения и роль судов в его имплементации в России // Современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: реализация принципов конвенции о правах ребенка: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, 17 ноября 2022 г., Екатеринбург / под науч. ред. В.В. Дубицкого, И.Р. Морокова; Рос. Гос. проф.-пед. Ун-т. Екатеринбург, Издательство ООО «ТРИКС», 2022. С. 30.

- процессуально-правовой, выражающийся в обязанности государства обеспечить любому ребенку надлежащий уровень реализации этого права в рамках любых административных или судебных разбирательств, которые затрагивают права и интересы ребенка, без какого-либо ограничения или изъятия.

При этом, по мнению автора данного исследования, каждый из указанных выше аспектов имеет определенные элементы, от надлежащего осуществления которых зависит степень эффективности реализации принципа уважения мнения ребенка на национальном уровне.

Так, материально-правовой аспект включает в себя следующие элементы:

- уважение и учет мнения ребенка, достигшего такой степени зрелости, которая позволяет ему формулировать и излагать свои взгляды на происходящее, а также уделение мнению ребенка должного внимания;

- обязательный учет мнения ребенка, достигшего определенного возраста и уровня зрелости, когда его соображения относительно рассматриваемого вопроса в любом случае должны быть учтены при рассмотрении спора и положены в основу решения суда или государственного органа, рассматривающего вопрос, затрагивающий права ребенка.

Реализация процессуально-правового аспекта рассматриваемого принципа базируется на следующих элементах:

- участие ребенка в качестве активного субъекта правоотношений через установление норм и стандартов реализации права быть заслушанным в ходе любого административного или судебного разбирательства;

- надлежащие механизмы и процедуры участия ребенка в принятии решений, непосредственно затрагивающих его права и интересы, обеспечивающие надлежащий уровень уважения и учета мнения ребенка с минимальным искажением восприятия ситуации со стороны родителей или близких родственников.

А. Чечулина в своем исследовании констатирует, что «анализ национального законодательства демонстрирует необходимость изменения самой

концепции понимания права ребенка на участие и создания системы специальных механизмов выявления и оценки мнения ребенка»²⁷⁴.

Дальнейшее исследование основных проблем реализации рассматриваемого принципа логично провести с учетом сформулированной позиции и разделения материальных и процессуальных аспектов.

Материально-правовой аспект уважения мнения ребенка и уделения ему должного внимания предполагает двуединую концепцию и базируется не столько на идее достижения ребенком не только определенного возраста, с которого он способен формулировать свою позицию, сколько на достижении ребенком определенного уровня зрелости, при котором ребенок способен осознавать все риски и последствия выражения своих взглядов на происходящее, и при достижении которого учет мнения ребенка обязателен. Реализация данной концепции на практике представляется достаточно сложной задачей, поскольку если возраст ребенка – это вполне реальная математическая константа, то определение уровня зрелости и осознанности ребенка – задача трудно измеряемая и решаемая исключительно в правовой и правоприменительной плоскостях. Кроме того, как замечает А. Нечаева в комментарии к статье 57 Семейного кодекса РФ, проблема состоит еще и в том, что «обязательность учета мнения ребенка... носит относительный характер, поскольку речь идет всего-навсего об *учете мнения*»²⁷⁵.

В статье 12 Конвенции не устанавливается какой-либо нижний возрастной предел для права ребенка свободно выражать свои взгляды. Более того, при толковании принципов Конвенции Комитет по правам ребенка неоднократно подчеркивал необходимость убрать нижний возрастной предел для выяснения взглядов детей и выработать иной критерий в национальных юрисдикциях, поскольку такая практика является неправильной и противоречит принципам Конвенции о правах ребенка. Дети имеют право на участие в делах, которые

²⁷⁴ Чечулина А.А. К вопросу о реализации права ребенка быть заслушанным в суде // Российский судья. 2022. № 9. С. 21.

²⁷⁵ Нечаева А.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. М.: Юрайт; Юрайт-Издат, 2011. С. 196.

касаются их жизни, независимо от своего возраста. Взрослые должны слушать и уважать мнение детей, давая им возможность выразить свое мнение и быть услышанными²⁷⁶.

Кроме того, в Замечании общего порядка № 12 (2009) Комитет подчеркивает, что «Выражение мнений является результатом свободного выбора ребенка, а не его обязанностью... Ребенок, в свою очередь, не должен предварительно доказывать свои способности»²⁷⁷.

Учет мнения ребенка при достижении им возраста и зрелости, при которых он может сформировать, сформулировать и высказать свое мнение о решении о возвращении или невозвращении, закреплено в абзаце 2 статьи 13 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. Нижний возрастной предел учета мнения в договоре не установлен. При этом в Обзоре практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. сделан вывод о том, что российскими судами по ряду дел право свободно выражать свое мнение было реализовано, в том числе, детьми, не достигшими десятилетнего возраста, а именно – детьми пяти, шести, семи и девяти лет²⁷⁸.

Существует широко распространенное мнение, что дети не способны формировать свои собственные взгляды на мир и вещи, что они полностью зависят от взрослых и их мнений. Однако, как показывают исследования, дети уже с раннего возраста начинают проявлять свою индивидуальность и формировать свои собственные взгляды на окружающую их действительность, они способны выразить свое мнение различными способами, в том числе и

²⁷⁶ Пункт 12 Замечания общего порядка № 5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка»; п. 14 Замечания общего порядка № 7 (2006) «Осуществление прав ребенка в раннем детстве»; Замечание общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным»; п. 23–25 Замечания общего порядка № 20 (2016) «Осуществление прав ребенка в подростковом возрасте» и т.д.

²⁷⁷ Замечание общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F12&Lang=ru (дата обращения: 03.02.2024).

²⁷⁸ Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28606/> (дата обращения: 04.04.2023).

невербальными. Для определения того, какой вес следует придавать взглядам ребенка, от взрослых требуется достаточно высокий порог компетенции²⁷⁹.

В российском законодательстве реализация данного принципа на законодательном уровне частично осуществлена в рамках статьи 57 Семейного кодекса РФ. Причем содержит она оба элемента материально-правового аспекта рассматриваемого принципа:

- устанавливает, что во всех вопросах, касающихся интересов ребенка, должно учитывать его мнение, независимо от возраста как непосредственно в семье, так и в ходе судебных или административных разбирательств;

- закрепляет обязательный учет мнения ребенка, достигшего десяти лет, как при принятии семейного решения, так и во время любого административного либо судебного процесса, за исключением случаев, когда это может нанести вред его интересам.

Однако законодатель в Семейном кодексе РФ выделяет лишь несколько категорий дел, при разрешении которых решение может быть принято только с согласия ребенка, достигшего десяти лет, а именно: изменение имени и фамилии ребенка (статья 59), восстановление в родительских правах (статья 72), вопросы, связанные с усыновлением ребенка и отменой усыновления (статьи 132, 134, 136, 143), установление опеки или попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей (статья 145).

В своем исследовании Н. Тригубович констатирует, что ни в судах иностранных государств, ни в российских судах не существует единого мнения о минимальном возрастном пороге, при котором учет мнения обязателен²⁸⁰.

Ни в международном, ни в российском законодательстве не установлен минимальный возраст ребенка, с которого учет его мнения обязателен для государственных органов и судов при разрешении вопросов, касающихся ребенка,

²⁷⁹ Cf. Lansdown G. The evolving capacities of the child. Innocenti Research Centre, UNICEF/Save the Children, Florence (2005). С. 4. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/556609> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁸⁰ Тригубович Н.В. Некоторые особенности применения абзаца второго статьи 13 (возражения ребенка) Конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 года. // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 26.

кроме установления десятилетнего возраста для обязательного учета мнения ребенка по отдельным вопросам.

Как указывает Комитет по правам ребенка, «зрелость означает способность понимать и оценивать последствия того или иного конкретного вопроса и как таковая должна учитываться при определении индивидуальных способностей ребенка. Понятие зрелости с трудом поддается определению, однако, в контексте статьи 12 это – способность ребенка внятно и самостоятельно выражать свои взгляды по тем или иным вопросам»²⁸¹.

Согласно исследованиям, проведенным Д. Лэнсдауном для Исследовательского центра «Инноченти» ЮНИСЭФ, несмотря на различия между отдельными детьми, существуют вполне обоснованные биологические стадии развития ребенка, которые вполне могут служить критериями для определения возраста, с наступлением которого мнение ребенка обязательно должно учитываться взрослыми. В ходе многочисленных исследований многими учеными был сделан вывод, что в подростковом возрасте, начиная с 14–15 лет, способность детей принимать обоснованные решения развита на достаточном уровне для понимания фактов, процессов принятия решений и разумных результатов выбора²⁸². В Замечаниях общего порядка № 7 (2006) «Осуществление прав ребенка в раннем детстве» Комитет для определения раннего детства указывает период начиная с рождения и до восьмилетнего возраста²⁸³.

²⁸¹ Замечание общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F12&Lang=en (дата обращения: 03.02.2024).

²⁸² «Некоторые исследования указывают на то, что интеллектуальная компетентность способность детей в возрасте до 11 или 12 лет думать о будущем и планировать его или оперировать относительными, а не абстрактными понятиями гораздо менее развита, чем у подростков в возрасте от 12 до 18 лет. В других исследованиях отмечается, что моральные рассуждения формируются примерно в 14 или 15 лет и заставляют некоторых комментаторов утверждать, что это подходящий возраст для получения права принимать личные решения. В возрасте от 3 до 11 лет дети все больше способны осознавать, что у людей разные точки зрения, и постепенно в течение этого периода они приобретают способность видеть точку зрения другого человека. К 11 годам дети начинают понимать точку зрения третьего лица и осознавать, что люди могут испытывать смешанные чувства по поводу чего-либо. Подростки способны размышлять о том, что хорошо для общества, и развивать правовую или моральную точку зрения». Cf. Lansdown G. The evolving capacities of the child. Innocenti Research Centre, UNICEF/Save the Children, Florence (2005). С. 24. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/556609> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁸³ Замечание общего порядка № 7 (2006) «Осуществление прав ребенка в раннем детстве» (CRS/C/GC/7/Rev.1). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en (дата обращения: 15.10.2022).

В Замечаниях общего порядка № 20 (2016) «Об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте»²⁸⁴ не устанавливается возраст, с которого у ребенка начинается подростковый период. При этом Комитет отмечает, что подросткам не уделяется должного внимания в рамках национальных юрисдикций, что ведет к нереализованности всего потенциала детей, основанного на принципе их развивающихся способностей. Комитет признает, что существуют существенные сложности с четким определением временного периода, когда заканчивается малолетний возраст и начинается подростковый период, поскольку дети в зависимости от обстановки и способностей могут достигать зрелости в различном возрасте. Однако в пункте 5 все же ограничивает рассматриваемый возрастной период с 10 до 18 лет. Соответственно, можно сделать вывод, что девятилетний возраст рассматривается Комитетом как некий переход от раннего возраста к возрасту подростковому.

В свою очередь, Всемирная организация здравоохранения ООН расширяет эти пределы и рассматривает подростковый возраст как период жизни ребенка между 10 и 12 годами²⁸⁵.

Одним из критериев решения данного вопроса в доктрине предлагается рассматривать новый формирующийся принцип, а именно принцип развивающихся способностей, который закреплен в статье 5 Конвенции ООН и упоминается Комитетом при толковании текста договора во взаимосвязи с основными принципами. Как указывают Н. Тригубович, О. Хазова и другие в совместном исследовании, «принцип развивающихся способностей ребенка исходит из того, что с точки зрения возможности осуществления ребенком его прав существует колоссальная разница, например, между новорожденным и 15-летним подростком»²⁸⁶.

²⁸⁴ Замечания общего порядка № 20 (2016) «Об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте» от 6 декабря 2016 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2F2016%2F20&Lang=en (дата обращения: 01.12.2023).

²⁸⁵ Здоровье подростков // Всемирная организация здравоохранения ООН. URL: https://www.who.int/ru/health-topics/adolescent-health#tab=tab_1 (дата обращения: 23.12.2023).

²⁸⁶ Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

В Соображении Комитета по правам ребенка от 18 августа 2023 г. по делу «Б.Й. и П.Й. против Чехии» Комитет, ссылаясь на Замечания общего порядка № 14, указал, что «оценка наилучших интересов ребенка должна производиться при уважении права ребенка на свободное выражение своих взглядов по всем затрагивающим его вопросам и на уделение должного внимания этим взглядам... Когда решается вопрос о наилучших интересах ребенка и о праве быть заслушанным, необходимо принимать во внимание развивающиеся способности ребенка»²⁸⁷.

В пункте 40 Замечаний общего порядка № 20 (2016) Комитет обращает внимание на необходимость поиска баланса между защитой и развивающимися способностями и определения законно установленного минимального возраста, в том числе на участие подростка в судебных процессах по семейным вопросам²⁸⁸.

Представляется, что при достижении определенного возраста мнение ребенка все же должно обязательно учитываться при вынесении любого решения без каких-либо ограничений. К выводу о том, что российский законодатель признает за 14-летними подростками такой уровень зрелости, при котором он способен полностью формировать и формулировать свои взгляды, а также полноценно и самостоятельно принимать решения, касающиеся его жизни, можно прийти через толкование норм семейного и гражданского законодательства.

Так, в соответствии с абзацем 2 пункта 2 статьи 56 Семейного кодекса РФ при нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста 14 лет – в суд.

²⁸⁷ Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения от 18 августа 2023 г. № 139/2021 по делу «Б.Й. и П.Й. против Чехии», п. 43, 45 (CRC/C/93/D/139/2021). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3822/ru-RU> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁸⁸ Замечания общего порядка № 20 (2016) «Об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте» от 6 декабря 2016 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F20&Lang=en (дата обращения: 01.12.2023).

В силу положений пункта 3 статьи 62 Семейного кодекса РФ «несовершеннолетние родители имеют права признавать и оспаривать свое отцовство и материнство на общих основаниях, а также имеют право требовать по достижении ими возраста четырнадцати лет установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке».

В пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» разъясняется, что по достижении возраста 14 лет несовершеннолетние родители вправе самостоятельно обратиться в суд с иском об установлении отцовства (материнства) в отношении своих детей²⁸⁹.

Таким образом, граждане, достигшие 14-летнего возраста, имеют право на самостоятельную судебную защиту прав и законных интересов, а законодатель, в свою очередь, наделяя ребенка комплексом неимущественных прав, указанной нормой предоставляет ему реальную правовую возможность их осуществления. Такая правовая позиция нашла отражение и в судебной практике российских судов.

В соответствии со статьей 4 Семейного кодекса РФ к семейным правоотношениям, как имущественным, так и личным неимущественным, могут применяться нормы гражданского законодательства, если это не противоречит их существу. Соответственно, вопросы, связанные с порогом доверия законодателя к лицу, достигшему 14-летнего возраста, возможно проанализировать через конвергенцию норм гражданского и семейного законодательства.

Так, пункт 2 статьи 20 Гражданского кодекса РФ под местом жительства несовершеннолетних, не достигших 14 лет, или граждан, находящихся под опекой, признает место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов. Следовательно, гражданским законодательством признается способность несовершеннолетнего, достигшего возраста 14 лет,

²⁸⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/15888/> (дата обращения: 04.04.2023).

осознавать свои действия и руководить ими в такой степени, при которой он может самостоятельно выбирать себе место жительства, проживать отдельно от родителей, а также вполне осознанно принимать решения, касающиеся его жизни.

Кроме того, согласно пункту 2 статьи 21 Гражданского кодекса РФ лицо, не достигшее совершеннолетия, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак.

Статья 13 Семейного кодекса РФ по общему правилу устанавливает брачный возраст с 18 лет, но указывает, что такой возраст может быть снижен до 16 лет при наличии уважительных причин и с разрешения местных органов самоуправления. При этом заключение брака допускается законодателем и до достижения 16 лет, если такая возможность установлена законодательством субъекта Российской Федерации. Нормами действующего законодательства о брачном возрасте 14-летний минимальный возраст установлен в 18 субъектах, в пяти субъектах минимальный возраст вступления в брак составляет 15 лет. «Обращение к законам субъектов Российской Федерации позволяет видеть различные подходы, но при этом прямого указания на минимальный брачный возраст ниже четырнадцати лет нет ни в одном субъекте Российской Федерации»²⁹⁰.

Более того, в соответствии с пунктом 1 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 828, все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории государства, обязаны получить паспорт, который является основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации. Исходя из текстуального анализа пункта 5 указанного Положения, с 14-летнего возраста лицо признается самостоятельным субъектом для того, чтобы выбирать место жительства (регистрироваться по месту жительства и сниматься с регистрационного учета), регистрировать и расторгать брак, иметь детей (не достигших 14-летнего возраста), получать информацию о своем здоровье и т.п.

²⁹⁰ Булаевский Б.А. К вопросу о минимальном брачном возрасте // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. С. 2.

Таким образом, законодатель признает, что к 14-летнему возрасту дети достигают достаточной степени зрелости и осознанности, чтобы иметь возможность формировать свое мнение относительно любых неимущественных, а в некоторых случаях и имущественных, вопросов. Более того, такая самостоятельность предполагает достаточную мыслительную способность лица, чтобы не быть подверженным мнению взрослых членов семьи.

В таком случае совершенно целесообразно внести изменения в Семейный кодекс РФ, дополнив статью 57 Семейного кодекса абзацем следующего содержания: «Учет мнения ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет, обязателен при рассмотрении любых вопросов, затрагивающих его права и интересы».

Оценка реализации *процессуально-правового* аспекта рассматриваемого принципа также основана на необходимости анализа двух элементов, а именно:

- установления норм и стандартов определения зрелости ребенка для определения его способности формулировать взгляды и выражать свое мнение;
- наличия специальных механизмов и процедур для практической реализации права ребенка быть заслушанным.

В статье 57 Семейный кодекс РФ закрепляет право ребенка на учет его мнения, однако не содержит каких-либо указаний и требований о процедуре обеспечения такого права. Тем самым, можно констатировать, что на законодательном уровне процессуальный аспект фактически не осуществлен. Поэтому основной механизм реализации складывается на административном и правоприменительном уровнях, исходя из существующей в государстве практики рассмотрения споров, затрагивающих интересы детей.

Основная проблема первого элемента реализации процессуального аспекта принципа уважения мнения ребенка состоит в том, что дети, даже достигшие десятилетнего возраста, не всегда имеют реальную возможность выразить мнение, соответствующее его взглядам либо в силу отсутствия информации и непонимания ситуации, либо вследствие некомпетентности лиц, их

опрашивающих, либо в силу привязанности и зависимости от мнения проживающего с ним взрослого.

Как указывает Комитет в Замечании общего порядка № 20 (2016), право на информацию носит основополагающий характер, поскольку представляет собой предварительное условие принятия ребенком осознанных решений²⁹¹.

Таким образом, первым важным стандартом при определении степени зрелости ребенка для реализации им права на выражение своих взглядов является надлежащим образом доведенная, максимально подробная информация о сути конфликта, о вопросах, на которые он будет отвечать, о последствиях решений, а также о самих решениях, которые могут быть приняты, об условиях, в которых ему будет предложено выразить свои взгляды.

Следующим, не менее важным стандартом при определении степени зрелости ребенка, является компетентность лица, непосредственно определяющего уровень развития ребенка и его способности. Как замечает в своем исследовании Н. Тригубович, в российской практике «одни суды руководствуются своим личным впечатлением о развитии ребенка, другие – принимают во внимание заключение экспертов. При этом, поскольку не существует критериев определения степени зрелости ребенка, каждый судья или эксперт проводит свое собственное исследование в соответствии со своей собственной концепцией зрелости»²⁹².

Так, в Обзоре практики, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г., указывается: «в целях выяснения вопроса о том, достигли ли дети того возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание их мнение относительно возвращения в государство постоянного проживания,

²⁹¹ Замечания общего порядка № 20 (2016) «Об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте» от 6 декабря 2016 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F20&Lang=en (дата обращения: 01.12.2023).

²⁹² Тригубович Н.В. Некоторые особенности применения абзаца второго статьи 13 (возражения ребенка) Конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 года // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 26.

судами назначались судебно-психологические экспертизы, а также привлекались к участию в деле специалисты-психологи»²⁹³.

Подобное привлечение экспертов и специалистов к участию в деле видится крайне целесообразным, поскольку, в отличие от специалистов органов опеки и попечительства и судей, эксперты обладают специальными знаниями и навыками для определения степени зрелости ребенка, а также для максимальной минимизации рисков причинения вреда психологическому состоянию ребенка при решении и без того сложного для него конфликта. В семейных спорах ребенок всегда оказывается между двух взрослых и, по сути, не имеет возможности выбора, участвовать в конкретном споре или нет, и, как следствие, не имеет представления о возможных вариантах исхода дела.

Кроме того, определение степени зрелости ребенка довольно часто проводится непосредственно в ходе самой процедуры заслушивания ребенка либо самим судьей, либо сотрудником органа опеки и попечительства, которые участвуют в деле.

Правовые основания обязательного участия органов опеки и попечительства в спорах о детях закреплены в статье 78 Семейного кодекса РФ, которая указывает на необходимость предоставления органом опеки акта обследования жилищных условий и заключения по существу спора. В анализе судебной практики российских судов в Обзоре практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., указано, что «мнение детей по вопросу их возможного возвращения в государство, где они проживали до перемещения в Российскую Федерацию, выявлялось органом опеки и попечительства при составлении обследования условий жизни несовершеннолетнего, что отражалось в заключениях, подготовленных

²⁹³ Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28606/> (дата обращения: 04.04.2023).

указанными органами, а также выявлялось непосредственно судом в судебном заседании»²⁹⁴.

Вопрос, связанный с выявлением мнения ребенка органами опеки и попечительства при проведении жилищных условий несовершеннолетнего, также вызывает некоторые сомнения. В Методических рекомендациях для органов опеки и попечительства по сопровождению семейных споров о месте жительства ребенка и порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя, близкого родственника, утвержденных Письмом Министерства просвещения РФ от 2 августа 2021 г. № 07-4282, нет указания на то, какими специальными познаниями должен обладать сотрудник органа опеки и попечительства, который уполномочен проводить обследование условий жизни ребенка, а следовательно, нет никаких гарантий того, что этот сотрудник, не обладающий педагогическим либо психологическим образованием, будет способен выяснить реальное мнение ребенка, соответствующее его собственным, субъективным ощущениям, не повлиять своими вопросами на способность ребенка сформулировать свои собственные взгляды, не причинив при этом вреда ребенку.

Представляется, что данный механизм не может обеспечить должного уровня реализации рассматриваемого принципа. Практика предоставления сотрудникам органов опеки и попечительства полномочий проводить беседу с ребенком и его родителями, делать выводы о взаимоотношениях между родителями и ребенком, об отношении и привязанности ребенка к обоим родителям и членам семьи не является правильной и эффективной, поскольку лица, проводящие обследование жилищных условий, как правило, не обладают необходимыми знаниями и образованием, и выносят заключения, основанные на своих личных впечатлениях и жизненном опыте²⁹⁵.

²⁹⁴ Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28606/> (дата обращения: 04.04.2023).

²⁹⁵ Об отсутствии надлежащей компетенции у большинства указанных лиц свидетельствует статистика, приведенная во втором разделе Письма Министерства просвещения РФ от 2 августа 2021 г. № 07-4282 «О методических рекомендациях», где указано, что специалисты органов опеки и попечительства испытывают сложности в подготовке заключения по существу спора о воспитании детей, так как не владеют знаниями основ возрастной и социальной психологии, а также технологиями разрешения конфликтов (восстановительной

В пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 также указано, что если суд приходит к выводу о необходимости опроса несовершеннолетнего в судебном заседании для выяснения его мнения по вопросу, связанному с воспитанием детей, то перед этим следует узнать мнение органа опеки и попечительства о возможном негативном воздействии на ребенка его присутствия в суде. Опрос необходимо проводить с учетом возраста и развития ребенка в присутствии педагога и в условиях, исключающих влияние заинтересованных лиц²⁹⁶.

Такой подход, при котором помимо сотрудников органа опеки и попечительства к процедуре опроса привлекается педагог (или психолог), как правило, обеспечивает более мягкий и результативный диалог с ребенком. Поэтому участие в деле ответственного лица, обладающего специальными знаниями, навыками и компетенциями, позволяющими максимально снизить риск создания травмирующих последствий для ребенка, должно стать следующим стандартом для надлежащего определения уровня зрелости ребенка и частью механизма практической реализации права ребенка быть заслушанным.

Решающая роль в опросе ребенка заключается в выяснении, не является ли его мнение результатом манипуляции со стороны родителей или других заинтересованных лиц, осознает ли он свои собственные интересы при высказывании своего мнения и как он обосновывает свою позицию, а также в анализе подобных обстоятельств.

«Очевидно, что мнение ребенка может оказаться подвержено деформации... особенно со стороны родителя, с которым ребенок проживает. За рубежом данная проблема исследуется в рамках так называемого родительского отчуждения. В российской литературе эта концепция практически не представлена... поскольку из судебной практики мы видим, что вопрос воздействия родителя на мнение

медиации). Всего 33% из опрошенных специалистов проходили повышение квалификации по основам конфликтологии, медиации в семейных конфликтах, участия органа опеки и попечительства в преодолении внутрисемейных конфликтов, и 20,5% по основам возрастной психологии, социальной психологии, педагогики.

²⁹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изм., внесенными Постановлением Пленума от 26 декабря 2017 г. № 56). URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8220/> (дата обращения: 20.12.2023).

ребенка о другом родителе достаточно редко ставится перед экспертами, и, даже когда они его выявляют, суды не учитывают эти выводы в своих решениях»²⁹⁷.

По вопросу соотношения мнения ребенка и родителя Комитет дал рекомендации в Соображениях от 28 сентября 2020 г. по делу «В.А. против Швейцарии», где отметил, что факт совпадения интересов детей с интересами их матери не означает отсутствия необходимости в заслушивании ребенка, а также не предполагает осуществления права ребенка быть заслушанным через их мать и адвоката. С целью определения наилучшего обеспечения интересов детей их положение следует оценивать отдельно от значимого взрослого. Непроведение прямого заслушивания детей представляет собой нарушение статьи 12 Конвенции²⁹⁸.

В упомянутом выше исследовании Н. Тригубович констатирует, что в практике российских судов не было найдено ни одного решения, в котором был бы проведен анализ независимости формирования мнения ребенка и влияния на этот процесс родителя²⁹⁹.

Таким образом, вопрос о степени привязанности и зависимости ребенка от мнения проживающего с ним взрослого должен стать третьим стандартом при выяснении способности ребенка формировать свое собственное мнение. Результат должен быть обязательно учтен при вынесении решения административным органом либо судом и отражен в мотивировочной части.

Второй элемент процессуального аспекта данного принципа частично был проанализирован через призму определения степени зрелости ребенка, поскольку специальных механизмов и процедур для практической реализации права ребенка быть заслушанным в российском законодательстве и правоприменительной практике не имеется. Как правило, ребенок заслушивается сотрудником органа

²⁹⁷ Зыков С.В. Учет мнения ребенка по спорам между родителями о месте его жительства // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 15.

²⁹⁸ Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения от 28 сентября 2020 г. № 56/2018 по делу «В.А. против Швейцарии» (CRC/C/85/D/56/2018). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2762/ru-RU> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁹⁹ Тригубович Н.В. Некоторые особенности применения абзаца второго статьи 13 (возражения ребенка) Конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 года // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 29.

опеки и попечительства при проведении обследования жилищных условий либо непосредственно судьей в судебном заседании.

По вопросу закрепления действенных механизмов участия детей А. Филипова отмечает, что «обзоры судебной практики свидетельствуют о нечастом включении детей в судебные заседания, в том числе по причинам неподготовленности российских судов к этому: начиная с организации судебного пространства, заканчивая практиками выявления детского мнения»³⁰⁰.

Единственным эффективным механизмом реализации процессуального аспекта принципа уважения мнения в российской правоприменительной практике является назначение судебной экспертизы, возможность проведения которой предусмотрена статьей 79 Гражданского процессуального кодекса РФ. Однако данный механизм также не осуществлен надлежащим образом, поскольку, во-первых, экспертиза назначается далеко не по каждому делу, затрагивающему права и интересы детей, в том числе и по причине невозможности ее оплаты заинтересованной стороной, во-вторых, существуют проблемы с выбором вида назначаемых экспертиз (комплексная или однородная) и определением компетентного эксперта (педагог, психолог или психиатр), в-третьих, ни в законодательстве, ни в практике не очерчен круг вопросов, обязательных для выяснения в ходе разбирательства³⁰¹.

К тому же заключение эксперта является одним из видов доказательств, а в соответствии с пунктом 2 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса РФ никакие доказательства не могут иметь приоритет и заранее установленной силы. Однако представляется, что в спорах, затрагивающих права и интересы детей, установление четко определенных стандартов и обязательных механизмов для административных органов и суда позволит значительно повысить уровень реализации основных принципов защиты прав детей.

³⁰⁰ Филипова А.Г. О смыслах, барьерах и практиках участия детей: размышления над седьмым разделом Национальной стратегии действий в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 1. С. 23–36.

³⁰¹ Якушев П.А. Проведение судебных экспертиз при рассмотрении дел по спорам о воспитании детей: некоторые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1.

Заключение

Решение вопросов защиты прав несовершеннолетних составляет особую сложность, поскольку выходит за рамки правового поля и тесно переплетается с такими оценочными категориями, как мораль, нравственность и справедливость, а также опирается на традиции и устои, существующие в национальных правовых порядках. Именно поэтому исследование основных принципов защиты прав и интересов детей всегда должно проводиться комплексно, и не ограничиваться лишь юридической их составляющей. Труды в области педагогики, психологии и философии играют значительную роль для выявления и изучения различных проблемных аспектов защиты прав детей.

В диссертации механизм реализации основных принципов защиты прав и интересов детей исследовался через призму четырех приоритетных принципов, закрепленных Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 г.: недискриминации, наилучшего обеспечения прав ребенка, прав ребенка на жизнь, выживание и развитие, уважения взглядов и учета мнения ребенка.

На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Исторический анализ формирования основных принципов защиты прав и интересов детей в рамках российской правовой системы показал, что на всем протяжении развития семейного права публично-правовой составляющей защиты прав детей всегда уделялось гораздо больше внимания по сравнению с частноправовыми аспектами, касающимися правоотношений, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних.

Однако, несмотря на то, что Россия всегда развивалась по собственному пути, исходя из своих собственных представлений о нормах морали и нравственности, международное право сыграло не последнюю роль в

окончательном формировании и закреплении положения несовершеннолетних детей не как объектов, а как самостоятельных субъектов правоотношений. Немаловажную роль в этом процессе сыграла имплементация международных конвенций о защите прав детей.

2. Приоритетные принципы защиты прав и интересов детей установлены на международном уровне, поэтому, чтобы эффективно встроить их в национальную правовую систему, государству необходимо не только ратифицировать конвенции и соглашения, но и принять эффективные меры на внутригосударственном уровне, чтобы гарантировать полное выполнение обязательств, предусмотренных этими договорами. В связи с тем, что принципы, заложенные основными международными договорами, содержатся в несамоисполнимых нормах, их осуществление представляет большую сложность для Российской Федерации, которая в настоящее время сталкивается с проблемой противоречий между их толкованием на универсальном и национальном уровнях.

3. Для надлежащего осуществления норм и принципов международного договора недостаточно одного лишь механизма имплементации, поскольку имплементация – это первый этап встраивания международного договора в национальную правовую систему, который заключается в признании и закреплении государством международно-правового обязательства. «Автоматически» принципы права не могут быть реализованы в правовой системе государства, для этого должен быть выстроен эффективный многоуровневый механизм реализации, позволяющий надлежащим образом обеспечить их закрепление и осуществление в рамках правовой системы государства.

В настоящем исследовании предложено рассматривать имплементацию как публичную деятельность по признанию и закреплению государством обязательства по международно-правовому договору и включению содержащихся в нем принципов и норм в национальную правовую систему. Реализацию же норм международного договора необходимо определять как деятельность государства по осуществлению имплементированных в правовую систему принципов и норм международных договоров.

4. Несмотря на существующие противоречия и различия в понимании и толковании некоторых аспектов рассматриваемых принципов, Российская Федерация придерживается основных концепций, предлагаемых Комитетом ООН по правам ребенка в Замечаниях общего порядка, Заключительных замечаниях к периодическим докладам, тем самым соблюдая и обеспечивая основные требования к осуществлению обязательств по реализации принципов на всех уровнях правовой системы. Постановления Европейского Суда по правам человека и рекомендации, касающиеся основных аспектов защиты прав детей, также играют значительную роль при определении направлений изменений национального законодательства.

5. Реализация принципов международных конвенций представляет собой единый механизм, охватывающий законодательный, административный и судебный уровни. С внесением изменений в Конституцию РФ и признанием приоритета политики в отношении детей, реализация принципов, несомненно, стала развиваться на качественно новом уровне. Однако недостатком этого механизма все же является сохраняющаяся ориентация на публично-правовые правоотношения, связанная с усилением охраны материнства и детства, увеличением и расширением социальных выплат и пособий, на патриотическое воспитание и образование детей. Вопросы же регулирования частноправовых отношений с участием несовершеннолетних детей практически не получают от государства должного внимания.

6. Принципы защиты прав и интересов детей применяются для регулирования большого массива правоотношений, в которых так или иначе затрагиваются права и интересы детей (семейные, жилищные, административные, налоговые, корпоративные, миграционные и иные), что явно свидетельствует о межотраслевом характере данной категории. Однако важно отметить, что при разрешении конфликтов с участием несовершеннолетних принципы международных конвенций о защите прав и интересов детей применяются далеко не всегда, а ссылки на международно-правовые нормы зачастую носят сугубо формальный характер. Очевидно, что в настоящее время назрела необходимость

определения места принципов защиты прав и интересов детей в системе принципов российского права. На сегодняшний день механизм, позволяющий разработать и закрепить целостную систему детских принципов, в российской правовой системе отсутствует.

7. Все базовые принципы защиты прав и интересов детей, реализация которых рассматривалась в данном исследовании, находятся в единой взаимосвязи. Нарушение одного принципа, несомненно, ведет к нарушению другого, именно поэтому представляется, что проблемные вопросы необходимо решать на глобальном уровне, с учетом создания специальных механизмов, способствующих усилению защиты детей, как наиболее слабой стороны правоотношений. Представляется, что особо значимыми для доктринального осмысления остаются вопросы, связанные с концепцией разграничения наилучших и законных интересов ребенка; введением специальных механизмов и процедур, максимально обеспечивающих ребенку возможность для выражения своего мнения; выявлением фактов дискриминации детей по возрастному признаку; определением момента возникновения прав и признания наличия интересов несовершеннолетнего.

8. Большинство практических аспектов реализации принципов международных конвенций в отношении детей – граждан РФ в иностранных юрисдикциях также остаются нерешенными. С учетом сложившейся геополитической ситуации, главными проблемами становятся: отсутствие юридической помощи гражданам РФ в иностранных государствах; затруднение в доступе к правосудию; отсутствие возможности оплаты необходимых пошлин, налогов и сборов; дискриминация по национальному принципу; несовместимость толкования основных принципов в различных юрисдикциях; отсутствие механизмов контроля за нарушением. Признание принципа экстерриториальности как важного элемента социальной ответственности и его интеграция в общую культуру государства должны стать основой для создания системно-целостного объема правовых норм, направленных на защиту прав несовершеннолетних граждан России, находящихся за границей.

9. Анализ правоприменительной практики российских судов позволил сделать вывод о неоднозначности и неопределенности критериев судебного усмотрения при рассмотрении дел, затрагивающих права детей. В данной ситуации можно констатировать отсутствие правовой определенности как в семейном, так и в гражданском процессуальном законодательстве. Чтобы избежать субъективного толкования судьями обстоятельств дела на основе их личного опыта, возраста, семейного положения и других личных факторов, необходимо уделить более пристальное внимание определению пределов и критериев судебного усмотрения.

Исходя из комплексного анализа современного состояния реализации базовых принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей, можно констатировать, что на современном этапе государство проводит достаточно масштабную политику, обеспечивающую приоритетное положение детей в российской правовой системе. За последние несколько лет было принято большое количество нормативных актов, ориентированных на улучшение положения детей, начиная с утверждения Президентом Российской Федерации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, до объявления в Российской Федерации Года семьи. Однако для обеспечения эффективной защиты прав и интересов детей государство должно внести значительные изменения в семейное, гражданское и процессуальное законодательство с учетом особенностей уже сформированного правового механизма.

Библиографический список

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Женевская декларация прав ребенка, принята Пятой Ассамблеей Лиги Наций от 26 ноября 1924 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Всеобщая Декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апр.
4. Декларация прав ребенка, принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 385–388.
5. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. // Ведомости ВС СССР. 1969. № 25. Ст. 219.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
8. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
9. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. // Ведомости ВС СССР. 1982. № 25. Ст. 464.
10. Гаагская Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., Российская Федерация

- ратифицировала договор 28 июля 2011 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 51. Ст. 7452.
11. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.
12. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 6. Ст. 679.
13. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принят резолюцией 56/263 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 7. Ст. 633.
14. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, принят резолюцией 66/138 Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 2011 г. // Официальный сайт МИД РФ.
15. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей, принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 1990 г. // Дипломатический вестник. 1992. № 6. С. 6.
16. Гаагская Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 2013. № 32. Ст. 4297.
17. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. С. 163.
18. Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.
19. Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2023. № 30. Ст. 5501.

- 20.Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания от 7 октября 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 43. Ст. 4418.
- 21.Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 16 декабря 1957 г. // Ведомости ВС СССР. 1958. Ст. 93.
- 22.Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
- 23.Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.
- 24.Кодекс законов о браке, семье и опеке (утв. Постановлением ВЦИК РСФСР от 19 ноября 1926 г.) // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
- 25.Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30 июля 1969 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
- 26.Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 26 октября 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
- 27.Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
- 28.Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 28 апреля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

- 29.Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8427.
- 30.Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
- 31.Федеральный закон от 31 мая 2011 г. № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 23. Ст. 3242.
- 32.Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
- 33.Федеральный закон от 5 июня 2012 г. № 62-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3079.
- 34.Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2331.
- 35.Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

36. Указ Президиума ВС СССР от 14 марта 1945 г. «О порядке применения Указа Президиума ВС СССР от 08 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Ведомости ВС СССР. 1945. № 15.
37. Указ Президиума ВС СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» // Ведомости ВС СССР. 1945. № 15.
38. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
39. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23. Ст. 3309.
40. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
41. Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.
42. Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.
43. Указ Президента Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 5. Ст. 665.
44. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 141.

45. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
46. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2023 г. № 3233-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2023 г.» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 49 (Часть IV). Ст. 8803.
47. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // СПС «КонсультантПлюс».

Официальные документы

международных органов и организаций

48. Замечания общего порядка Комитета по правам человека № 17 (1989) «Статья 24 (права ребенка)». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCCPR%2FGEC%2F6623&Lang=en
49. Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 18 (1989) «Недискриминация». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCCPR%2FGEC%2F6622&Lang=en
50. Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 36 (2019) «Статья 6: право на жизнь». URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2FGC%2F36&Lang=en
51. Замечания общего порядка Комитета по правам ребенка № 1 (2001) «Цели образования» (CRC/GC/2001/1). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F2001%2F1&Lang=en

52.Замечания общего порядка Комитета по правам ребенка № 4 (2003) «Здоровье и развитие подростков в контексте Конвенции о правах ребенка» (CRC/GC/2003/4). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F2003%2F4&Lang=en

53.Замечания общего порядка Комитета по правам ребенка № 5 (2003) «Об общих мерах по осуществлению Конвенции о правах ребенка» (CRC/GC/2003/5). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F2003%2F5&Lang=en

54. Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка Комитета по правам ребенка № 7 (2005) «Осуществление прав ребенка в раннем детстве» (CRC/C/GC/7/Rev.1). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F7%2FRev.1&Lang=en

55.Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 10 (2007) «Право ребенка быть заслушанным» (CRC/C/GC/10). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F10&Lang=en

56.Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным» (CRC/C/GC/12). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F12&Lang=en

57.Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 14 (2013) «О праве ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы принимались во внимание в первую очередь» (CRC/C/GC/14). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F14&Lang=en

- 58.Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 15 (2013) «О праве ребенка на наивысший достижимый уровень здоровья» (CRC/C/GC/15). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F15&Lang=en
- 59.Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 20 (2016) «Осуществление прав ребенка в подростковом возрасте» (CRC/C/GC/20). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F20&Lang=en
- 60.Совместное замечание общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 Комитета по правам ребенка в контексте международной миграции: обязательства государств-участников, в частности, в отношении стран транзита и назначения (CRC/C/GC/20). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F23&Lang=en
61. Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 24 (2019) «О правах детей в системе правосудия в отношении детей» (CRC/C/GC/24). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F24&Lang=en
62. Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 25 (2021) «О правах детей в связи с цифровой средой» (CRC/C/GC/25). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F25&Lang=en
- 63.Замечание общего порядка Комитета по правам ребенка № 26 (2023) «О правах детей и окружающей среде» (CRC/C/GC/26). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FGC%2F26&Lang=en

Иные документы

- 64.Первый периодический доклад о выполнении положений Конвенции о правах ребенка, 1990–1992 гг. (CRC/C/3/Add.5). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F3%2FAdd.5&Lang=en
- 65.Второй периодический доклад Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка, 1993–1997 гг. (CRC/C/65/Add.5). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F65%2FAdd.5&Lang=en
- 66.Третий периодический доклад Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка, 1998–2002 гг. (CRC/C/125/Add.5). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F125%2FAdd.5&Lang=en
67. Объединенные четвертый и пятый периодические доклады Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка, 2003–2010 гг. (CRC/C/RUS/6-7). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2F4-5&Lang=en
- 68.Объединенные шестой и седьмой периодические доклады Российской Федерации о выполнении положений Конвенции о правах ребенка, 2011–2019 гг. (CRC/C/RUS/6-7). URL:
https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2F6-7&Lang=en
- 69.Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по первому периодическому докладу Российской Федерации от 18 февраля 1993 г. (CRC/C/15/Add.4). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F15%2FAdd.4&Lang=en

70. Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по второму периодическому докладу Российской Федерации от 10 ноября 1999 г. (CRC/C/15/Add.110). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F15%2FAdd.110&Lang=en

71. Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по третьему периодическому докладу Российской Федерации от 23 ноября 2005 г. (CRC/C/RUS/CO/3). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FCO%2F3&Lang=en

72. Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. (CRC/C/RUS/CO/4-5). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FCO%2F3&Lang=en

73. Заключительные замечания Комитета по правам ребенка по объединенным шестому и седьмому периодическим докладам Российской Федерации от 8 февраля 2024 г. (CRC/C/RUS/CO/6-7). URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FCO%2F6-7&Lang=en

74. Ответы Российской Федерации на перечень вопросов в связи с ее объединенными пятым и шестым периодическими докладами от 1 ноября 2023 г. (CRC/C/RUS/RQ/6-7). URL:

tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2FRUS%2FRQ%2F6-7&Lang=en

75. План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи, утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2023 г. № 21515-П45ТГ // СПС «КонсультантПлюс».

76. Методические рекомендации для органов опеки и попечительства по сопровождению семейных споров о месте жительства ребенка и порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя Близкого родственника // Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 2 августа 2021 г. № 07-4282 «О методических рекомендациях» // СПС «КонсультантПлюс».
77. Проект федерального закона № 835938-7 от 14 ноября 2019 г. «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7>
78. Проект федерального закона № 989008-7 от 14 июля 2020 г. «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989008-7>
79. Проект федерального закона № 989011-7 от 14 июля 2020 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989011-7>

**Правоприменительная практика
международных органов и организаций**

80. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 17 марта. № 56.

- 81.Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 12/2017 по делу «И.Б. и Н.С. против Бельгии» от 27 сентября 2018 г. (CRC/C/79/D/12/2017). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2421/en-US>
- 82.Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 30/2017 по делу «Н.Р. против Парагвая» от 3 февраля 2020 г. (CRC/C/83/D/30/2017). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2629/en-US>
- 83.Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 40/2018 от 28 сентября 2020 г. по делу «С.М.А. против Испании» (CRC/C/85/D/56/2018). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2759/ru-RU>
- 84.Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 56/2018 от 28 сентября 2020 г. по делу «В.А. против Швейцарии» (CRC/C/85/D/56/2018). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2762/ru-RU>
- 85.Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 84/2019 от 1 июня 2022 г. по делу «Н.Б против Грузии» (CRC/C/92/D/84/2019). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3053/en-US>
- 86.Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщений № 114/2020, 116/2020, 117/2020, 118/2020 от 12 сентября 2022 г. по делу «А.Б.А и Ф.З.А; Ф.Е.М. и С.Е.М.; С.Е.Й. и М.Е.Й., и Н.Л., Р.А. и М.А.А. против Испании» (CRC/C/91/D/114/220, CRC/C/91/D/116/220, CRC/C/91/D/117/220, CRC/C/91/D/118/220). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3715/ru-RU>
- 87.Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 101/2019 от 25 января 2023 г. по делу «З.М. против Швейцарии» (CRC/C/92/D/101/2019). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3807/en-US>
- 88.Соображение Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 130/2020 от 25 января 2023 г. по делу «С.Е.М.А. против Франции» (CRC/C/92/D/130/2020). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3747/en-US>
- 89.Соображения Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 139/2021 от 18 августа 2023 г. по делу «Б.Й. и П.Й. против Чехии» (CRC/C/93/D/139/2021). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3822/ru-RU>

- 90.Сообщение Комитета по правам ребенка относительно сообщения № 145/2021 от 19 сентября 2023 г. по делу «О.М. против Дании» (CRC/C/94/D/145/2021). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3883/en-US>
- 91.«Во против Франции», Постановление Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2004 г. (жалоба №53924/00) // Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. 2002–2016 г.: науч.-аналитическое изд. / [науч. ред. и сост. Ю.Ю. Берестнев]. М.: Развитие правовых систем, 2019. С. 42.
- 92.«Ю.С. и О.С. против Российской Федерации», Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июня 2021 г. (жалоба № 17665/17). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-221616>

Материалы судебной практики судов Российской Федерации

- 93.Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 25. Ст. 3246.
- 94.Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 11. Ст. 1868.
- 95.Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. № 382-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.
- 96.Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 193-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан М.

и М. на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 48 и пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

97. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 686-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.А. и С.Т. на нарушение их конституционных прав статьями 141 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

98. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2022 г. № 3110-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белкина Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав абзацем вторым пункта 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

99. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 2514-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 56 Семейного кодекса Российской Федерации, а также частью третьей статьи 79 и частью третьей статьи 173 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

100. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

101. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

102. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6.

103. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.
104. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
105. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
106. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.
107. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.
108. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 апреля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11–12.
109. Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

110. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 8 (2021) (подготовлен Верховным Судом Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс».
111. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021) (подготовлен Верховным Судом Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс».
112. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 4 (2022) (подготовлен Верховным Судом Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс».
113. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2023), подготовлен Верховным Судом Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
114. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 6 (2023), подготовлен Верховным Судом Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
115. Обзор практики Комитета ООН по правам ребенка, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений, подготовленный Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного суда Российской Федерации по состоянию на 22 марта 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
116. Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица не подвергаться дискриминации, 2018 г. (подготовлено Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
117. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на судопроизводство в

разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок // СПС «КонсультантПлюс».

118. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № 5-Г00-59 // СПС «КонсультантПлюс».
119. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2018 г. № 305-КГ17-19973 по делу № Ф40-230080/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
120. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2019 г. № 18-КГ19-125 // СПС «КонсультантПлюс».
121. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2019 г. № 47-КГ19-4 // СПС «КонсультантПлюс».
122. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 74-КГ19-10 // СПС «КонсультантПлюс».
123. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2020 г. № 41-КГ19-50 // СПС «КонсультантПлюс».
124. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2020 г. по делу № 88а-9554/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
125. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 декабря 2022 г. № 88а-31588/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
126. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2021 г. № 88-17233/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
127. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 27 августа 2009 г. по делу № А19-6579/09 // СПС «КонсультантПлюс».

128. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 22 января 2010 г. по делу № А78-6970/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
129. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 октября 2014 г. № Ф06-2239/2013 по делу № А12-6722/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
130. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 ноября 2020 г. по делу № 66а-851/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
131. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10 августа 2021 г. № 33а-16065/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
132. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 декабря 2021 г. № Ф05-7005/2021 по делу № А40-41871/2019 // СПС «Гарант».
133. Апелляционное определение Московского городского суда от 2 ноября 2022 г. по делу № 33–43512/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Монографии и научная литература

134. Абашидзе А.Х. Международная защита прав ребенка: учебное пособие / А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин, А.А. Амирова [и др.]; под ред. Абашидзе А.Х., Белоусовой А.А. – М.: РУДН, 2021. – 478 с.
135. Абашидзе А.Х. Международная защита прав ребенка: программа курса / А.Х. Абашидзе, Д.А. Гугунский, В.Л. Кабанов, А.Е. Конева, К.О. Кебурия, М.А. Симонова, А.М. Солнцев. – М.: РУДН, 2017. – 174 с.
136. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: учебник / В.В. Абраменкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 511 с.
137. Агапов С. В. Семейное право: учебник и практикум для вузов / С. В. Агапов. – М.: Юрайт, 2022. – 264 с.
138. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. – 359 с.
139. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. – 359 с.

140. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. – М.: НОРМА, 1999. – 376 с.
141. Барциц И.Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – 144 с.
142. Барциц И.Н. Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России / И.Н. Барциц, О. Бинда, Е. Даниленко [и др.]. – М.: Дело, 2019. – 224 с.
143. Басов М.Я. Воля как предмет функциональной психологии. Методика психологических наблюдений над детьми / М.Я. Басов; отв. ред. Е.В. Левченко. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.
144. Белкина В.Н. Психология раннего и дошкольного детства: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2005. – 256 с.
145. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: монография. – М.: Проспект, 2020. – 128 с.
146. Беспалов Ю.Ф. Настольная книга российского судьи по гражданскому судопроизводству: рассмотрение и разрешение судами Российской федерации гражданских дел по первой инстанции: учебно-практическое пособие / Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2019. – 335 с.
147. Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2020. – 224 с.
148. Беспалов Ю.Ф. Позиции Верховного Суда Российской Федерации по семейным спорам: хрестоматия / Ю. Ф. Беспалов, О. Ю. Ильина. – М.: Проспект, 2024. – 336 с.
149. Беспалов Ю.Ф. Частное право: проблемы теории и практики /отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2016. – 143 с.
150. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2009. – 400 с.

151. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права [Текст] / проф. С.Н. Братусь. – М.: Гос. Изд-во юрид. лит-ры, 1950 (тип «Кр. Пролетарий»). – 368 с.
152. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права / А.С. Гавердовский. – Киев: Выща школа, 1980. – 317 с.
153. Грабчук К.М. Организация защиты прав детей: учебное пособие / К.М. Грабчук, Е.В. Филатова; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 150 с.
154. Грешнова Н.А., Маркунин Р.С. О понятии и значении принципов права: учебное пособие / Н.А. Грешнова, Р.С. Маркунин; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов, 2020. – 108 с.
155. Девлин А. Основные принципы права и экономики / Алан Девлин; пер. с англ. М. Маркова; под науч. ред. Д. Раскова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2019. – 720 с.
156. Дикман С. Защита личности от дискриминации: методические рекомендации для преподавателя / [Дикман С.С. и др.] – М.: Новая юстиция, 2009. – 159 с.
157. Дмитриева Г.К. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. – 1216с.
158. Доронина Н.Г. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. Н.Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. – 672 с.
159. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л.Е. Павловой. – М.: Республика, 2003. (Мыслители XX века). – 493 с.
160. Загоровский А.И. Курс семейного права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. – 464 с.

161. Зайцева Н.В. Субъективный фактор в частном праве: монография / Н.В. Зайцева. – М.: Статут, 2003. – 384 с.
162. Иеринг Р. Интерес и право. Соч. д-ра Рудольфа фон Иеринга, юстиц тайного советника и проф. Готтингенск. ун-та. 1) Правоспособность учредителей. 2) Интерес и право. 3) Непреодолимая сила. Приложения: 1. Пассивные действия прав. 2. Цель в праве: пер. с нем. – Ярославль: тип. Губ. зем. управы, 1880. – 268 с.
163. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации / О. Ю. Ильина. – М.: Городец, 2006. – 192 с.
164. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации / О. Ю. Ильина. – М.: Городец, 2007. – 192 с.
165. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли, гражданское правоотношение, критика теории «хозяйственного права» / О.С. Иоффе. – 4-е изд. – М.: Статут, 2020. – 780 с.
166. Кабанов Л.В. Реализация общепризнанного международно-правового принципа, обеспечивающего наилучшие интересы ребенка: универсальные и региональные аспекты: монография / В.Л. Кабанов. – М.: РУДН, 2016. – 227 с.
167. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник / В.А. Канашевский. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2019. – 1064 с.
168. Касаткин С.Н. Границы Империи: юридический интерпретативизм Рональда Дворкина на карте правовых теорий: монография / С.Н. Касаткин. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. – 115 с.
169. Коновалов А.В. Принципы права: монография / А.В. Коновалов. – М.: Норма, 2022. – 792 с.
170. Корнеева И.Л. Семейное право: учебник и практикум для вузов / И. Л. Корнеева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 361 с.
171. Кравчук Н.В. Обеспечение прав детей на получение алиментов: проблемы и пути их решения / АНО «Совет по вопросам управления и

- развития». – М.: ООО «Деловые и юридические услуги «ЛексПраксис»», 2014. – 224 с.
172. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса частноправового регулирования общественных отношений в парадигме конвергенции норм права: научные воззрения доктора юридических наук, профессора А.Н. Левушкина: монография: в 2 т. / А.Н. Левушкин. – М.: Юстицинформ, 2023. – Т. 1. – 850 с.
173. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса частноправового регулирования общественных отношений в парадигме конвергенции норм права: научные воззрения доктора юридических наук, профессора А.Н. Левушкина: монография: в 2 т. / А.Н. Левушкин. – М.: Юстицинформ, 2023. – Т. 2. – 950 с.
174. Летова Н.В. Правовое положение детей по законодательству Российской Федерации / Н.В. Летова; Ин-т государства и права Российской акад. наук. – М.: Ин-т государства и права Российской акад. наук, 2011. – 200 с.
175. Малинова А.Г. Интерес как правовая категория, его специфика в семейном праве / А.Г. Малинова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. ун-та, 2002. – 96 с.
176. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 359 с.
177. Малько А.В. Права, законные интересы: проблемы юридического обеспечения / А.В. Малько, В.В. Субочев, А.М. Шериев. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2010 – 192 с.
178. Марышева Н.И. Вопросы международной унификации норм семейного права, определяющих личные неимущественные отношения родителей и детей: Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. / Н. И. Марышева. Текст: электронный // Znanium.com. – 2019. – № 1–12.

179. Мейер Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – 5-е изд., стер. – М.: Статут, 2023. – 846 с.
180. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е.Я. Мотовиловкер. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990 г. – 134 с.
181. Нечаева А.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрайт; Юрайт-Издат, 2011. – 559 с.
182. Нечаева А.М. Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних: монография. – М.: Проспект, 2016. – 128с.
183. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики / А.М. Нечаева. – М.: Юрайт: [Ин-т государства и права Российской акад. наук], 2007. – 279 с.
184. Нечаева А.М. Судебная защита прав ребенка: учебно-практическое пособие / А.М. Нечаева. – М.: Экзамен, 2003. – 128 с.
185. Папкова О.А. Усмотрение суда / О.А. Папкова. – М.: Статут, 2005. – 413 с.
186. Подшивалов Т.П. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. канд. юрид. наук, доцента Г.С. Демидовой. – М.: Проспект, 2019. – 351 с.
187. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Эксмо, 2023. – 384 с.
188. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: краткий учеб. курс / Л.М. Пчелинцева. – 4-е изд., перераб. – М.: Норма, 2006. – 383 с.
189. Рабец А.М. Ювенальное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / А.М. Рабец. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 364 с.
190. Рыженков А.Я. Принципы семейного права: монография / А.Я. Рыженков. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 189 с.

191. Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты: монография. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. – 151 с.
192. Санникова Л.В. Защита гражданских и семейных прав. Конвергенция частного и публичного права: монография / Летова Н.В., Пушкина А.В., Санникова Л.В. [и др.]; под ред. д.ю.н. Л.В. Санниковой; Российская академия наук, Институт государства и права. – М.: Проспект, 2019. – 198 с.
193. Свердлов Г.М. Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве / Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 160 с.
194. Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев; под ред. А.В. Малько. – М.: Норма, 2008. – 496 с.
195. Субочев В.В. Законные интересы в механизме правового регулирования / под ред. А.В. Малько: монография. – М.: Юристъ, 2007. – 188 с.
196. Татаринцева Е.А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве. – М.: Юстицинформ, 2017.
197. Умнова-Конюхова И.А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики / И.А. Умнова-Конюхова. – М.: РГУП, 2019. – 252 с.
198. Хачатуров Р.Л. Памятники российского права: в 35 т. Т II: Памятники права удельной Руси: учебно-научное пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013 – 408 с.
199. Хачатуров Р.Л. Памятники российского права: в 35 т. Т III: Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. II / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013 – 483 с.
200. Хачатуров Р.Л. Памятники российского права: в 35 т. Т. X: Законодательство первой половины XIX века в сфере частного права:

учебно-научное пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 353 с.

201. Цыбулевская О.И. Усмотрение в правоприменительной деятельности: современные подходы: монография / [Аверин А.В., Вадбольская Е.В., Глухарева Л.И. и др.]; под ред. О.И. Цыбулевской; ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте российской Федерации», Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина. – Саратов: Поволжский ин-т упр. – фил. РАНХиГС, 2022. – 272 с.
202. Чеботарев Г.Н. Защита прав ребенка в межкультурном браке: коллективная монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Н. Чеботарева. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2015. – 184 с.
203. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности / Н.А. Шайкенов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 200 с.
204. Шерстнева Н.С. Понятие, сущность и система принципов семейного права: монография. М.: Юстицинформ, 2006. – 375 с.
205. Яковлев В.Ф. Экономика. Право. Суд. – М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2003. – 596 с.

Научные статьи из периодических журналов, сборников статей, материалов конференций

206. Алейникова В.В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «Быть или не быть, вот в чем вопрос...» // Закон. – 2023. – № 4. – С. 137–157.
207. Алешкова И.А. Право ребенка на развитие: регулирование и интерпретация // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021 г.) РАН, ИНИОН, Отд. Правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. – М., 2022. – С. 22–38.
208. Ануфриева Л.П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы

- международного права», или О принципах права вообще и о принципах в международном праве // *Lex russica*. – 2018. – № 11. – С. 122–133.
209. Астапова Т.Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования законодательства // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 3. – С. 2–4.
210. Белов В.Е. К вопросу о частных отношениях / В.Е. Белов // Образование и право. – 2012. – № 12(40). – С. 63–70.
211. Братухина Е.В. Право ребенка на защиту как личное неимущественное права / Е.В. Братухина, К.В. Арасланова // Аллея науки. – 2023. – Т. 1, № 9(84). – С. 325–331.
212. Булаевский Б.А. К вопросу о минимальном брачном возрасте // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 1. – С. 2–4.
213. Вавилин Е. В. Публичный интерес в гражданском праве / Е. В. Вавилин // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета, Краснодар, 16 февраля 2017 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2017. – С. 9–15.
214. Вавилин Е. В. Пределы осуществления гражданских прав: некоторые вопросы / Е. В. Вавилин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 5(124). – С. 81–85.
215. Варламова Н.В. Права человека и «юриспруденция ценностей» // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 6. – С. 11–45.
216. Величкова О.И. Выяснение мнения ребенка в судебном процессе: психолого-правовые подходы // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021 г.) РАН, ИНИОН, Отд. Правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. – М., 2022. – С. 133–141.

217. Вердинян Г.В. Принцип добросовестности в гражданском праве России: судебское усмотрение и процессуальные приемы его реализации» // Мировой судья. – 2019. – № 1. – С. 28–40.
218. Верещагин А. Имплементация решений ЕСПЧ происходит непросто, но в целом система работает [Интервью с Г. Раймонди] // Закон. – 2019. – № 6. – С. 8–18.
219. Гриндхайм Л. В наилучших интересах ребенка: от века ребенка к веку устойчивого развития // Культура детства в процессе трансформации: 30 лет Конвенции ООН о правах ребенка в действии на пути к устойчивому развитию / под ред. Йорунн Спорд Борген, Элин Эриксен Одегаард. – Брилл, 2021. – С. 13–36.
220. Гульдан В.В. Роль заключения психолого-психиатрической экспертизы при рассмотрении судебных споров о месте проживания и порядке общения с ребенком // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок и правосудие» (г. Москва, 13 декабря 2018 года). – М.: АППП, 2018. – С. 44–46.
221. Дедов Д.И. Качество институтов конституционного права / Д.И. Дедов // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 10. – С. 10–17.
222. Долинская В.В. Защита семейных прав: природа и тенденции развития // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 1. – С. 3–9.
223. Дроздова А.М. Программа «Десятилетие детства» в Российской Федерации // Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: проблемы межотраслевого взаимодействия семейного и иных отраслей частного и публичного права в области семейных отношений и прав детей: международные (универсальные, региональные) и национальные институты: монография / под ред. канд. юрид. наук А.Е. Тарасовой. – М.: ИНФРА-М, 2022. – С. 92–98.
224. Егорова О.А. К вопросу о понятии судебское усмотрения в условиях современного общества // Судейское усмотрение: сборник статей /

- Московское отделение АЮР; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. – М.: Юстицинформ, 2020. – С. 10–19.
225. Емелина Л.А. Конституционный принцип защиты прав ребенка в России и проблемы его реализации // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021г.) РАН, ИНИОН, Отд. Правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. – М., 2022. – С. 13–21.
226. Емелина Л.А. Основные принципы защиты прав детей в соответствии с Конвенцией о правах ребенка / Л.А. Емелина // Право и образование. – 2023. – № 3. – С. 41–50.
227. Емелина Л.А. Права и законные интересы несовершеннолетних: историко-правовые аспекты / Л.А. Емелина // Детство – территория безопасности: сборник материалов конференции, Москва, 8 октября 2021 года / Московский городской педагогический университет. – Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 371–374.
228. Ершов В.В. Судебное усмотрение? Индивидуальное судебное регулирование? Актуальные теоретические и практические проблемы // Судейское усмотрение: понятие, основания, пределы: материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2015. – С. 56–67.
229. Зайцев В.В. О мировоззренческом аспекте методологии гражданского права / В.В. Зайцев, В.А. Рыбаков // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Вып. 2. – М.: Статут, 2017. – С. 22–32.
230. Зайцев В.В. Правовые позиции: понятие и юридическое значение / В.В. Зайцев, О.В. Зайцев // Право и экономика. – 2014. – № 7(317). – С. 4–8.
231. Зайцев О.В. Судебный активизм как средство достижения правовой определенности в сфере частноправового регулирования / О.В. Зайцев //

- Вестник Тверского государственного университета. (Серия: Право). – 2018. – № 1. – С. 63–71.
232. Зайцев О.В. Правовые позиции в современной юридической и судебной практике / О.В. Зайцев // Мировой судья. – 2018. – № 3. – С. 11–15.
233. Зайцев О.В. Вопросы юрисдикции при реализации положений международных конвенций о защите детей в России (Гаагские конвенции 1980 и 1996 годов // Национальные юрисдикции в системе международного сотрудничества (российско-французское исследование) / отв. ред. русского издания И.Н. Барциц. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. – С. 93–114.
234. Закупень Т.В. Понятие и сущность информационной безопасности и ее место в системе обеспечения национальной безопасности РФ / Т.В. Закупень // Информационные ресурсы России. – 2009. – № 4(110). – С. 28–34.
235. Зыков С.В. Учет мнения ребенка по спорам между родителями о месте его жительства // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 4. – С. 13–17.
236. Ильина О.Ю. Семейно-правовая эквилибристика и теория гармонизации интереса / О.Ю. Ильина // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Проспект, 2023. – С. 551–561.
237. Ильина О.Ю. Новшества семейного кодекса Российской Федерации: предпосылки, содержание и последствия / О.Ю. Ильина // Вестник Тверского государственного университета. (Серия: Право). – 2023. – № 3(75). – С. 7–15.
238. Ильина О.Ю. Правовые и психологические аспекты справедливости судебной деятельности / О.Ю. Ильина, Л.В. Туманова // Психология и право. – 2023. – Т. 4, № 13. – С. 216–226.

239. Ильина О.Ю. Оценочные категории в Семейном кодексе Российской Федерации / О.Ю. Ильина // Социально-юридическая тетрадь. – 2022. – № 12. – С. 54–61.
240. Ильина О.Ю. О фактическом и формальном в современной семье, или Крен в гармонизации интересов / О.Ю. Ильина // Социально-юридическая тетрадь. – 2021. – № 11. – С. 36–45.
241. Ионова Д.Ю., Казиханова С.С. Актуальные проблемы судебной защиты прав несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 8. – С. 42–48.
242. Канишевская Н.В. Осторожное усмотрение суда // Судейское усмотрение: сборник статей / Московское отделение АЮР; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. – М.: Юстицинформ, 2020. – С. 57–65.
243. Карташкин В.А. Отраслевые международные принципы прав человека // Современное право. – 2018. – № 5. – С. 111–118.
244. Кистринова О.В. Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. – 2015. – № 2. – С. 9–11.
245. Комиссарова Е.Г. Влияние методологии на выбор методов исследования в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Габов. – М.: Статут, 2016. – С. 89–108.
246. Кравчук Н.В. Постановление Европейского суда по делу «Агеевы против России»: некоторые аспекты защиты права детей на жизнь и воспитание в семье // Международное правосудие. – 2013. – № 3. – С. 31–37.
247. Кравчук Н.В. Право ребенка на доступ к участию в гражданском процессе // Государство и право. – 2013. – № 1. – С. 57–62.
248. Кравчук Н.В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 97–103.

249. Кравчук Н.В. Решение суда об определении места жительства ребенка: исполняя неисполнимое // Международное правосудие. – 2017. – № 1. – С. 96–107.
250. Кравчук Н.В. Право ребенка на выражение мнения и роль судов в его имплементации в России // Современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: реализация принципов конвенции о правах ребенка: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, 17 ноября 2022 г., Екатеринбург / под науч. ред. В.В. Дубицкого, И.Р. Морокова; Рос. Гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург: ТРИКС, 2022. – С. 29–34.
251. Кравчук Н.В. Принцип развивающихся способностей ребенка: теория и практика // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021 г.) РАН, ИНИОН, Отд. Правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. – М., 2022. – С. 122–132.
252. Кравчук Н.В. Интересы человека настоящего vs интересы человека будущего // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О.Ю. Ильиной: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. – С. 157–161.
253. Курданов В.О. Международные стандарты защиты прав и свобод человека и опыт их имплементации в современной России // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 5. – С. 17–19.
254. Лазутин Л.А. Коллизии международно-правовых и внутригосударственных норм в Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2020. – № 6. – С. 47–52.
255. Лиджиева С.Г. О праве ребенка на всестороннее развитие / С.Г. Лиджиева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 6. – С. 39–42.

256. Липчанская М.А. Концепция конституционно-правового механизма реализации и защиты основных социальных прав человека и гражданина в Российской Федерации с использованием искусственного интеллекта / М.А. Липчанская, Т.Н. Балашова, А.В. Шиндина [и др.] // Реализация социальных прав и свобод человека и гражданина с использованием искусственного интеллекта: материалы Международной научно-практической конференции (27 мая 2022 г.), Москва, 27 мая 2022 года. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – С. 192–217.
257. Липчанская М.А. Участие судебной власти в законотворческом процессе в Российской Федерации / М.А. Липчанская // Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития: сборник статей к 25-летию Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Москва, 16 марта 2023 года / отв. за выпуск А.А. Арямов, Е.В. Бурдина, Е.В. Голошумов. – М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2023. – С. 529–534.
258. Макаров С.Ю. К вопросу о возможности равного распределения времени проживания ребенка у раздельно проживающих родителей // Семья и дети в праве: вызовы современности: сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Москва, ИНИОН РАН, 2 июня 2021 г.) РАН, ИНИОН, Отд. Правоведения; отв. ред. Н.В. Кравчук. – М., 2022. – С. 75–83.
259. Максимович Л.Б. Проблемы подсудности дел, возникающих из семейных правоотношений // Труды института государства и права РАН. – 2017. – Т. 12, № 6. – С. 186–202.
260. Матвеева Н.А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 6. – С. 25–28.
261. Матвеева Н.А. Судебно-экспертная деятельность при решении семейно-правовых споров // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 6. – С. 10–12.

262. Михайлова И.А. Согласование сделок несовершеннолетних лиц: практические и теоретические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 1. – С. 8-13.
263. Морозов А.Н., Каширкина А.А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // Журнал российского права. – 2022. – № 1. – С. 120–141.
264. Мохов А. А. Новый подход к пониманию института семьи / А. А. Мохов, Ю. А. Свирин // Современное право. – 2024. – № 1. – С. 5-11.
265. Мохов А. А. О семейноцентричном законодательстве Российской Федерации / А. А. Мохов // Актуальные проблемы частного и публичного прав : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 27 октября 2023 года. – Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2024. – С. 121-125.
266. Напалкова И.Г. Особенности имплементации решений Европейского суда в законодательство Российской Федерации // Российский судья. – 2019. – № 8. – С. 44–47.
267. Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия // Журнал российского права. – 2017 – № 12. – С. 160–173.
268. Павленко Е.М. Становление и развитие концепции прав ребенка в Российской Федерации / Е.М. Павленко // Правовая жизнь. – 2021. – № 1(33). – С. 53–59.
269. Павленко Е.М. Новый вектор развития концепции прав ребенка в современной России / Е.М. Павленко // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 15 апреля 2021 года / под общ. ред. В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. – М.: Саратовский источник, 2021. – С. 336–341.

270. Пато Э., Ростовцева Н.В. Похищение детей: европейские и российские перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 3. – С. 102–120.
271. Пушкина А.А. Ценностное толкование: роль Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 56–69.
272. Рабец А.М. Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 4. – С. 9–11.
273. Рабец А.М. Право ребенка на выживание (право на жизнь): регламентация, реализация и защита / А.М. Рабец // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 6. – С. 51–55.
274. Рабец А.М. «Детские» конституционные принципы семейного права и проблемы их реализации в «совершеннолетнем» Семейном кодексе РФ // Вестник ТвГУ. (Серия: Право). Вып. 2. – С. 237–241.
275. Руженков В.А., Руженкова В.В., Лукьянцева И.С. Методика диагностики личной зрелости // Научные ведомости. (Серия Медицина. Фармация). – 2016. – № 26(247). – Вып. 36. – С. 65–70.
276. Рыбакова О.С. Европейские стандарты правового обеспечения прав ребенка на жизнь и охрану здоровья / О.С. Рыбакова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2018. – № 3. – С. 147–153.
277. Рыженков А.Я. Принцип запрета дискриминации в семейном праве: вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 1. – С. 19–22.
278. Рыженков А.Я. Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. – 2020. – № 9. – С. 59–65.
279. Свирин Ю.А. Судебный прецедент, правовые позиции суда и судебское усмотрение как источник права // Ученые труды Российской адвокатуры и нотариата. – 2020. – № 4(59). – С. 26–30.

280. Сорокина Е.А. Возрастная дискриминация и Европейский Суд по правам человека: будет ли прогресс? / Е.А. Сорокина // Международное правосудие. – 2023. – № 2(46). – С. 3–16.
281. Старженецкий В.В. Международные суды и трансформация национальных правовых систем // Международное правосудие. – 2013. – № 3. – С. 64–77.
282. Суворов А.А. Пределы судейского усмотрения // Судейское усмотрение: сборник статей / Московское отделение АЮР; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. – М.: Юстицинформ, 2020. – С. 45–54.
283. Сурдина А.И. Основные принципы Конвенции ООН о правах ребенка и проблемы их реализации в российской правовой системе / А. И. Сурдина // Нотариальный вестник. – 2022. – № 12. – С. 57–64.
284. Сурдина А.И. Принципы защиты прав детей: понятие, сущность и место в системе принципов российского права / А.И. Сурдина // Власть Закона. – 2023. – № 3(55). – С. 351–364.
285. Сурдина А.И. Критерии содержания и осуществления родительских прав в отношении несовершеннолетних детей в философии Джона Дьюи / А.И. Сурдина // Государственная служба. – 2023. – Т. 25, № 4(144). – С. 24–30
286. Сурдина А.И. К вопросу об экстерриториальном действии национального права при реализации приоритетных принципов Конвенции ООН о правах ребенка / А.И. Сурдина // Право и управление. – 2024. – № 7. – С. 22–29.
287. Сурдина А.И. Эволюция принципов международных конвенций о защите прав детей // Межотраслевой подход в юридической науке: Экономика. Право. Суд: сборник материалов II Международной научно-практической аспирантской конференции памяти В.Ф. Яковлева (г. Москва, 2 декабря 2022 г.) / под науч. ред. О.В. Зайцева, А.И. Сурдиной: РАНХиГС,

Ин-т гос. Службы и управления, Высшая школа правоведения. – М.: Статут, 2023. – С. 282–286.

288. Сухарева Е.Р. Медицина, право и судебная практика о праве человека на жизнь: противоречии и реальность / Е.Р. Сухарева // Центральный научный вестник. – 2019. – Т. 4, № 1S(66). – С. 77–78.
289. Тарасова А.Е. Практика ЕСПЧ по спорам о детях: мифы или реальность // Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: проблемы межотраслевого взаимодействия семейного и иных отраслей частного и публичного права в области семейных отношений и прав детей: международные (универсальные, региональные) и национальные институты: монография / под ред. канд. юрид. наук А.Е. Тарасовой. – М.: ИНФРА-М, 2022. – С. 38–84.
290. Тарасова А.Е. Применение международных конвенций по семейному праву в условиях ограниченного межгосударственного сотрудничества / А.Е. Тарасова // Международное частное право: преемственность и развитие: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию юбилею профессора Л.А. Лунца, Москва, 15 ноября 2022 года / отв. ред. Н.Г. Доронина. – М.: Контракт, 2023. – С. 224–232.
291. Тарасова А.Е. Основные предпосылки развития международных стандартов и национального законодательства в сфере защиты прав детей: перспективы взаимодействия двух правовых систем / А.Е. Тарасова // Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: международное публичное и международное частное право: сборник статей по итогам работы секции «Международная защита прав детей и семьи» 65-го юбилейного ежегодного собрания Российской ассоциации международного права (РАМП), Москва, 11 ноября 2022 года / отв. ред. А.Е. Тарасова. – М.: Русайнс, 2023. – С. 76–98.
292. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных

- границ / Л.В. Терентьева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 3. – С. 160–180.
293. Терентьева Л.В. Разграничение экстерриториальной и территориальной юрисдикции в киберпространстве // Право и цифровая экономика. Международный научно-практический журнал. – 2022. – № 1(15). – С. 41–51.
294. Тригубович Н.В. Право ребенка не быть похищенным и его защита // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 3. – С. 25–27.
295. Тригубович Н.В. Некоторые особенности применения абзаца второго статьи 13 (возражения ребенка) Конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 года // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 2. – С. 25–29.
296. Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. – 2022. – № 1. – С. 28–38.
297. Туманова Л.В. Право несовершеннолетних лиц на судебную защиту: «де-юре» и «де-факто» // Вестник ТвГУ. (Серия: Право). – 2014. – № 2. – С. 328–331.
298. Улетова Г.Д. Вектор дальнейшего развития и усовершенствования российской судебной системы и гражданского судопроизводства: нужно ли резко менять приоритеты? / Г.Д. Улетова // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса: сборник научных статей международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 апреля 2018 года. – Ростов н/Д.: ИП Беспамятнов С.В., 2018. – С. 32–46.
299. Усманов Б.Ф. Право ребенка на семейную жизнь: новые подходы к решению проблемы / Б.Ф. Усманов, К.И. Фальковская // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 4. – С. 129–134.
300. Утицких Н.А. Социально-педагогические и правовые аспекты защиты прав ребенка на современном этапе развития российского общества // Защита прав ребенка в условиях современных вызовов. Социальные,

педагогические и правовые аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Липецк, 25 ноября 2021 г. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. – С. 228–231.

301. Федосеева Г.Ю. Принцип наиболее тесной связи и принцип наиболее благоприятного права применительно к регулированию трансграничных брачно-семейных отношений / Г.Ю. Федосеева // Lex Russica. – 2006. – Т. 65, № 1. – С. 103–115.
302. Филипова А.Г. О смыслах, барьерах и практиках участия детей: размышления над седьмым разделом Национальной стратегии действий в интересах детей / А.Г. Филипова, И.Н. Бухтиярова // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 23–36.
303. Филиппов С.А., Цепкова Т.М. Нужны ли России «семейные суды»? Культура и качество правосудия по семейным делам // Правовая культура. – 2018. – № 3. – С. 72–81.
304. Хазова О.А. Некоторые аспекты трактовки понятий незаконного перемещения и незаконного удержания ребенка в контексте Гаагской Конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 г. // Закон. – 2016. – № 10. – С. 175–186.
305. Хазова О.А. Принцип 6 Декларации ООН прав ребенка 1959 года в контексте Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года // Труды института государства и права РАН. – 2017. – Т. 12, № 6. – С. 202–221.
306. Хазова О.А. О необходимости запрета телесных наказаний в отношении детей в Семейном кодексе РФ / О.А. Хазова // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 6. – С. 23–26.
307. Чернопяттов А.М. Дискриминация по возрастному признаку в Российской Федерации на современном этапе / А.М. Чернопяттов // Социальная работа: современные проблемы и технологии. – 2020. – № 2(2). – С. 195–205.

308. Чернядьева Н.А. К вопросу о защите гражданских прав в условиях односторонних ограничительных мер зарубежных государств / Н.А. Чернядьева // Вестник Тверского государственного университета. (Серия: Право). – 2022. – № 1(69). – С. 98–105.
309. Чечулина А.А. К вопросу о реализации права ребенка быть заслушанным в суде // Российский судья. – 2022. – № 9. – С. 18–22.
310. Чинарян Е.О. История создания и основные положения Конвенции о правах ребенка 1989 г / Е.О. Чинарян // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 4(80). – С. 20–23.
311. Шахназаров Б.А. Непосредственное применение правил международных договоров при осуществлении защиты прав субъектов внутригосударственных и трансграничных отношений / Б.А. Шахназаров // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 8(117). – С. 174–184.
312. Шелютто М.Л. Реализация конституционных принципов семейного права в российском законодательстве // Журнал российского права. – 2013. – № 12 – С. 56–64.
313. Шелютто М.Л. Конвенция ООН о правах ребенка и конституционный уровень защиты прав детей / М.Л. Шелютто // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 2(57). – С. 30–36.
314. Шелютто М.Л. Переселение ребенка или проживающего отдельно от него родителя: в чем пробельно российское законодательство / М.Л. Шелютто // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 3. – С. 30–32.
315. Шелютто М.Л. Применение положений Гаагской конвенции 1996 г. в сфере защиты детей о признании и исполнении иностранных судебных решений / М.Л. Шелютто // Комментарий судебной практики / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Вып. 26. – М.: Контракт, 2020. – С. 110–131.

316. Шуберт Т.Э. Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство // Журнал российского права. – 2015. – № 6. – С. 136–143.
317. Якушев П.А. Проведение судебных экспертиз при рассмотрении дел по спорам о воспитании детей: некоторые проблемы / П.А. Якушев // Частноправовой подход в цивилизационных процессах (памяти д.ю.н., профессора Ю.Ф. Беспалова): материалы международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2022 года. – М.: ИД «УМЦ», 2023. – С. 303–313.

Диссертации и авторефераты диссертаций

318. Белякович Е.В. Пространственное действие правовых норм: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Белякович Елена Васильевна; [Место защиты: Ом. Гос. Ун-т им. Ф.М. Достоевского]. – Иркутск, 2009. – 186 с.
319. Беспалов Ю.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации семейных прав ребенка в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. – М., 2002. – 348 с.
320. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук / Дербышева Екатерина Александровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»]. – Екатеринбург, 2021. – 238 с.
321. Жавзандолгор Б. Международно-правовая защита прав детей: Междунар.-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Жавзандолгор Баттогтох; [Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – М., 2004. – 25 с.
322. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. / С.О. Карибян. – М., 2017. – 211 с.
323. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 /

- Коновалов Александр Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина]. – М., 2019. – 682 с.
324. Кравчук Н.В. Защита прав ребенка на жизнь и воспитание в семье по семейному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Кравчук. – М., 2003. – 28 с.
325. Кулапов В.В. Защита субъективных прав и законных интересов детей в Российской Федерации (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 30 с.
326. Летова Н.В. Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Летова Наталия Валерьевна [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. – М., 2013. – 461 с.
327. Малинова А.Г. Категория «интерес» в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ур. Гос.юрид. акад. – Екатеринбург, 2003. – 26 с.
328. Самарин А.А. Экстерриториальное действие права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Самарин Алексей Алексеевич; [Место защиты: Нижегор. Акад. МВД России]. – Н. Новгород, 2016. – 229 с.
329. Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Смирнова Алла Владимировна; [Место защиты: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. – М., 2020. – 188 с.
330. Терентьева Л.В. Судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам в киберпространстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Терентьева Людмила Вячеславовна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»]. – М., 2021. – 442 с.
331. Шерстнева Н.С. Принципы российского семейного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Шерстнева Надежда Степановна; [Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – М., 2007. – 59 с.

Литература на иностранных языках

332. Abashidze A.Kh. "Gender" in International Human Rights Law: Theory and Practice / A. Kh. Abashidze, O. K. Goncharenko // Moscow Journal of International Law. – 2022. – No. 2. – pp. 6–16.
333. Arts K. Participation in Multilateral Treaties / K. Arts // Asian Yearbook of International Law, Volume 25 (2019) / ed. by S. Lee, H.E. Lee, S. Sharma. Brill, 2021. – pp. 187–213. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv2gjwwtg.11>
334. Bonsdorff, P. von. On Equal Terms?: On Implementing Infants' Cultural Rights / P. von Bonsdorff. Childhood Cultures in Transformation: 30 Years of the UN Convention on the Rights of the Child in Action towards Sustainability / ed. by E.E. Ødegaard, J.S. Borgen. Brill, 2021. On Equal Terms? – pp. 37–53.– URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv1sr6k8f.10>
335. Lansdown G. The evolving capacities of the child / by Gerison Lansdown. The evolving capacities of the child / G. Lansdown, U. I. R. Centre, R. barnen (Society: Sweden) UNICEF Innocenti Research Centre: 2005. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/556609>
336. Grindheim L.T. Approaching Agency in Intra-Activities / L.T. Grindheim. Childhood Cultures in Transformation: 30 Years of the UN Convention on the Rights of the Child in Action towards Sustainability / ed. by E.E. Ødegaard, J.S. Borgen. Brill, 2021. – pp. 214–228. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv1sr6k8f.18>
337. Grindheim L.T. In the Best Interests of the Child: From the Century of the Child to the Century of Sustainability / L.T. Grindheim, J.S. Borgen, E.E. Ødegaard. Childhood Cultures in Transformation: 30 Years of the UN Convention on the Rights of the Child in Action towards Sustainability / ed. by J.S. Borgen, E.E. Ødegaard. Brill, 2021. In the Best Interests of the Child. – pp. 13–36. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv1sr6k8f.9>
338. Hakalehto S. Constitutional Protection of Children's Rights in Finland / S. Hakalehto. Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries / ed. by T.

- Haugli [etc.]. Brill, 2020. – pp. 58–82. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv2gjwv97.9>
339. Hartoft H. Children's Right to Participation in Denmark: What Is the Difference between Hearing, Co-Determination and Self-Determination? / H. Hartoft. Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries / ed. by T. Haugli [etc.]. Brill, 2020. Children's Right to Participation in Denmark. – pp. 295–314. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv2gjwv97.20>
340. Holly L. Health in the Digital Age: Where Do Children's Rights Fit In? / L. Holly. Health and Human Rights. 2020. T. 22. Health in the Digital Age. № 2. – pp. 49–54. – URL: <https://www.jstor.org/stable/27039997>
341. Mock W.B.T. Human Rights and Aging / W.B.T. Mock. Generations: Journal of the American Society on Aging. – 2019. – T. 43, № 4. – pp. 80–86. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26908297>
342. Sandberg K. Best Interests of the Child in the Norwegian Constitution / K. Sandberg. Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries / ed. by T. Haugli [etc.]. Brill, 2020. – pp. 133–158. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv2gjwv97.13>
343. Schiratzki J. The Elusive Best Interest of the Child and the Swedish Constitution / J. Schiratzki. Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries / ed. by T. Haugli [etc.]. Brill, 2020. – pp. 185–198. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv2gjwv97>
344. Sigurdson R. Children's Right to Respect for Their Human Dignity / R. Sigurdson. Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries / ed. by R. Sigurdson [etc.]. Brill, 2020. – pp. 19–36. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv2gjwv97.7>
345. Tolonen H. Best Interests of the Child in Finnish Legislation and Doctrine: What Has Changed and What Remains the Same? / H. Tolonen, S. Koulu, S. Hakalehto. Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries / ed. by T. Haugli [etc.]. Brill, 2020. Best Interests of the Child in Finnish Legislation and

Doctrine. – pp. 159–184. – URL:
<https://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctv2gjwv97.14>

346. Van Daalen E. The ILO's Shifts in Child Labour Policy: Regulation and Abolition / E. van Daalen, K. Hanson. *Revue internationale de politique de développement*. 2019. The ILO's Shifts in Child Labour Policy. № 11. – pp. 133–150. – URL: <https://journals.openedition.org/poldev/3056>
347. Zaitsev O.V. The Russian Implementation of the Hague Children Conventions / O.V. Zaitsev, V.V. Zaitsev. *Yearbook of Private International Law*. – Romano : ottochmidt, 2018. – pp. 421–449.